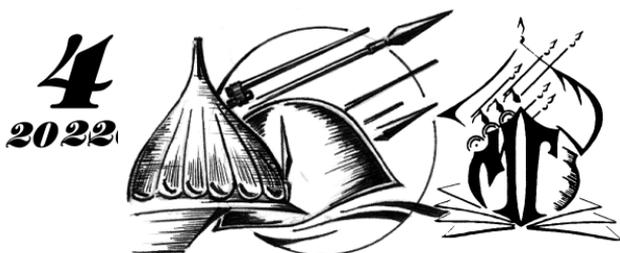

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

К 100-летию «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

Эмма МЕНЬШИКОВА. Всегда молодая и всегда гвардия	3
Александр НЕСТРУГИН. Поклонное слово	62
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Вместе читаем «Молодую гвардию» ...	64
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ. Первая столичная публикация ...	65

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей ШОРОХОВ. Спецоперация и «шестая колонна»	14
Владимир БОЛЬШАКОВ. Заново открыть Россию	18
Александр СЕВАСТЬЯНОВ. Что произошло в Казахстане ...	67
Валерий КИРИЛЛОВ. О чём грустит моя родина	120
Андрей КОСТЕРИН. Путь к сохранению Отечества	134

ПРОЗА

Геннадий КАРПУНИН. Рассказы	27
Юрий ПАХОМОВ. Рассказы	87
Татьяна ГРИБАНОВА. Так и жили. Отрывок из повести	144
Анатолий БАЙБОРОДИН. Сказка. Рассказ	186
Анатолий КОЗЛОВ. Ночной попугачик. Рассказ	199

ПОЭЗИЯ

Александр ЛИСНЯК. Милость и Свет. Стихи	56
Елизавета ХАПЛАНОВА. Сбереги меня, Россия. Стихи	111

Игорь ВИТЮК. Русский долг . Стихи	115
Иван НЕЧИПОРУК. Города озябшая душа . Стихи	156
Татьяна МАРУГОВА. Застывшая слеза . Стихи	161
Стихи лауреатов II Конкурса художественного перевода	208

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Вершители Русского государства ...	165
Геннадий КОЛДАСОВ. О Польше и поляках	173

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Валерий ХАТЮШИН, Диана КАН. Один в поле воин	178
---	-----

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Татьяна ГРИБАНОВА. Прошу слова!	217
--	-----

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Размышления у «красной черты» ..	224
---	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Мария МОНОМЕНОВА. Проглотим всё?	239
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Андрей АНТОНОВ. Они нас разделили	245
Михаил ДЕМУРИН. В чьих руках «традиционные ценности»?	250

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Ирина ПРИЩЕПОВА. Край чудесных красот	254
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы . Размышления и воспоминания. Продолжение	264
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

Нина ЧЕРЕПЕННИКОВА. Спасибо, что был (Вспоминая Василия Шукшина)	276
---	-----

ВСЕГДА МОЛОДАЯ И ВСЕГДА ГВАРДИЯ

«Молодой гвардии» 100 лет. Это же только представить себе: нас всех ещё не было, а она — уже была! Нет её создателей, первых авторов и читателей, а она — есть! Не станет нас, а она — будет! При том, что многие другие литературные журналы-ровесники и даже «младшие» издания канули в Лету, не оставив даже кругов на воде. Наверное, есть всё же какая-то правда в том, что как корабль назовут, так он и поплывёт...

Хотя вряд ли кому из основателей журнала в 1922 году приходило в голову, что они запускают столь долговременный, как сейчас сказали бы, проект, который не только продержится «на воде» целый век, но и уверенно проложит курс в будущее, преодолевая бури и шторма времени, минуя искушения пристать к тому или иному берегу и вынеся во второе столетие всё литературно ценное наследие, создаваемое писателями нескольких поколений и даже эпох.

БУНТ НА КОРАБЛЕ ВЫЗРЕВАЛ ИЗНАЧАЛЬНО

Причем изначально речь не шла о национально-патриотическом литературном жур-

К 100-летию «МГ»

нале, каким «Молодая гвардия» стала впоследствии. Тогда её название соответствовало другой задаче: сформировать на чётких идеологических позициях пролетарского искусства своего рода литературный отряд, призванный собирать и образцовывать писателей и читателей нового постреволюционного образца.

Так что не случайно, видимо, создание журнала связано с именем первого наркома военных и морских дел Льва Троцкого, «отца» Красной Армии и её командующего в годы Гражданской войны, теоретика и жесткого практика «красного террора» и перманентной мировой революции. Казалось бы, какое отношение имел он к культуре? А такое, что на идеологическом фронте литературе, искусству отводилась особая роль мощнейшего оружия в борьбе против «старого мира». А где фронт, оружие, там Троцкий.

Поэтому он и проявлял к «Молодой гвардии» такое пристальное и публичное внимание, что считал её своего рода воинским подразделением в литературной армии республики. Первый-второй номер «МГ» датируется апрелем-маем 1922-го, а в июне 1923-го газета «Правда» публикует открытое письмо Троцкого сотрудникам и читателям журнала, подводя по случаю первой его годовщины уже кое-какие итоги: *«Журнал «Молодая Гвардия» занимает исключительное по своей важности место: он встречается у порога пробужденного к сознательной жизни представителя молодого поколения и вводит его в царство коммунистической мысли».*

И далее призывает повышать литературное мастерство *«вчера полуграмотных пролетариев»*, взявшихся за корреспондентский, литературный труд, больше работать не только над словом, писательской техникой, но и над формой, в том числе и при подготовке каждого номера журнала к изданию. Пока ещё он похваливает метод работы «Молодой гвардии», которая, по его мнению, понимает необходимость *«считаться с молодыми читателями разных уровней развития. Не принижать вопросы до ступени отсталого, а соответственным подбором и группировкой статей помогать отсталому подниматься со ступени на ступень».* И ставит задачу: *«Молодые должны писать лучше стариков. Научиться и научить этому — тоже немаловажная задача «Молодой Гвардии».*

Даже с позиций сегодняшнего дня это вполне актуальные рассуждения и напутствия. Не забывает Троцкий отметить в «Правде» и во вторую годовщину журнала в мае 1924-го, заявляя в очередном открытом письме «Сотрудникам и читателям «Молодой Гвардии», что журнал за два года своего существования успел *«сыграть серьезную роль и притом в двух*

направлениях: создавая читателя и создавая писателя». Но уже выражает своё недовольство «серьезными разногласиями с отдельными работниками «Молодой Гвардии» по вопросам дальнейшего развития литературы «в связи с ходом революции». Не удовлетворяет его и позиция журнала в отношении «наиболее правильных методов классово-борьбы в этой важной области».

Из чего явствует, что даже такими жёсткими установочными мерами и армейскими принципами не удалось обуздать творческий задор молодых комсомольских поэтов (а именно они задавали тон в редакции), пусть даже и решительно настроенных создавать пролетарское искусство. Несмотря даже на то, что журнал появился с подачи Троцкого, возглавлялся его ставленниками и был официальным литературно-художественным и научно-популярным «рупором» ЦК РКСМ (Центрального комитета Российского коммунистического союза молодёжи), сотрудники уже первой «гвардии» умудрились иметь своё мнение!

Я усматриваю в этом свидетельство начинавшегося на корабле бунта, который — по понятным обстоятельствам — вызревал долго, но рано или поздно должен был состояться и состоялся. Всё-таки ничего не появляется на пустом месте, и для того, чтобы кораблю выйти на правильный курс, ему надо прежде всего обрести плавучесть и ходкость, освоить приемы и средства защиты и спасения, найти своего капитана наконец. И важно, что «Молодая гвардия» уже с первых лет существования начинала проявлять характер, закаляясь и укрепляясь для дальнейших поисков своего пути в море отечественной литературы и культуры в целом. Во всяком случае я так воспринимаю то далёкое время и тех людей, с которых началась история журнала.

ВОЙНА В ЗАЩИТУ СЛОВА НАЧАЛАСЬ НЕ ВЧЕРА

Да, сверхорганизованность и давление не способствовали их творческому росту и самореализации, вгоняли в тесные идеологические рамки, но такова была задача — работать на государство, собственно и создающее новую культуру «под себя», поддерживающее тех её деятелей, кому под силу вдохновиться идеями пролетарского искусства и нести их в массы.

Но зато и не было того отъявленного, высокомерного государственного равнодушия к творчеству, особенно литературному, с каким сегодня мы все сталкиваемся, того глубокого невежества чиновников, с которым они запросто кроют свое лекало культуры, относя Слово не только на её задворки, но и вовсе за её пределы.

Взять хотя бы Троцкого, за которым шлейф неблагоприятных и преступных деяний против Российской империи и русского народа. О роли его в истории страны и политических, личностных устремлениях «Молодая гвардия» за сто лет рассказывала немало. Вот и в прошлом — далеко ходить не надо — году в ряде номеров (9, 10, 11-12) публиковалась интересная работа Владимира Большакова «Десант мировой закулисы», в том числе и о Троцком. У которого, кстати, образования было — дореволюционное реальное училище. А он мало того, что вершил революцию в одной отдельно взятой России, так ещё и подготавливал установление всемирной пролетарской гегемонии. Ну и надо было ему лично вникать, контролировать, наставлять «Молодую гвардию»?

А это опять к вопросу о заинтересованности государства, его руководителей к вопросам литературы. Не только следили, были в курсе, обеспечивали финансирование творческих процессов, технического производства, системы распространения литературных изданий, но и, простите, читали!

Образцом в этом смысле для нынешних политиков и деятелей разных мастей может быть Сталин, который при чтении делал пометы на полях, интересовался писательскими проблемами, лично распределял государственные премии за литературные произведения. Да, для кого-то это пристальное внимание главного читателя страны к литературному творчеству заканчивалось трагически. Но это была война за будущее страны, а на войне погибают, как ни прискорбно это звучит. Война, которая не закончилась с Гражданской и которая продолжается по сей день. Сегодня же на государственном уровне нас вообще не видят, не читают, не обращают на нас внимания. Относятся как к скоморохам, чудикам: хобби такое у этих писателей, увлечение, пусть себе тешатся, никому не мешают...

А потом вдруг оказывается, что нет у нас гениев, нет писателей-пророков, достойных уважения и почитания. Измельчали. Потому и не востребованы обществом. А что такое сегодня это самое общество? Не его ли напичкали синтетическими субстратами, лишили свежего воздуха, чистой воды, энергии Слова, жажды жизни? Не ему ли привили корысть и сластолюбие, потребительское сознание, ориентированное на всякого рода цифру — прибыль, маржу, барыш, выгоду, деньги?

А Слово, да, не востребовано: ни самим оцифрованным и промаркированным для удобного его же использования обществом, ни тем более теми, кто в это общество насаждает модифицированные, протравленные и откалиброванные для получения гарантированных урожаев семена. Однако пути

Господни неисповедимы, и Слово есть Бог. Оно прорастает и даёт чудесный плод жизни несмотря ни на что и неведомо где. Не надо ждать востребованности пророка, надо пестовать Слово, культивировать его. И оно родит пророка.

ВПЕРЁД И С ПЕСНЕЙ

В этом смысле название «Молодая гвардия» более чем показательно. Установка была на боевой отряд молодых писателей, призванных обрабатывать идеологическую почву и выращивать себе подобных борцов за дело пролетариата. Но вот ведь удивительно: насыщали почву исключительно классовой подкормкой, засеивали гибридами, ростки прищипывали, обрезали, к подпоркам привязывали, ветки обрубали, верхушки подравнивали. А выросло крепкое, основательное, глубоко уходящее корнями в родную землю отечественное древо русской словесности.

Конечно, суть не в названии, ну или не только в нём. И всё же глубинная энергетика слов нам неведома, её сила может проявиться, как Богу угодно. Другой аспект: «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», пусть Тютчев и имел в виду несколько иное. В любом случае, в названии журнала заключен задор молодости и боевитость, энергия и решительность. Так кто же они были, эти первые «боевые» ребята, с которых начинался вековой путь «Молодой гвардии»? А были это в основном члены одноименного литературного объединения, созданного в том же 1922 году.

Просвещённый читатель знает, что после революции процесс формирования нового искусства в стране возглавил вездесущий Пролеткульт, многочисленные организации которого занимались образованием и самостоятельным творчеством пролетариата, поднимая его до профессионального уровня. К сожалению, сегодня происходит обратный процесс: писательство практически вновь стало самостоятельностью, и просвещённых читателей всё меньше, ибо их формируют лишь немногочисленные литературные журналы, сайты, союзы и сообщества, существующие в основном на энтузиазме и бескорыстии их создателей и редакторов.

Конечно, можно с этим не согласиться. Дескать, и в научной среде, да и в любой другой просвещённых людей немало. Пусть так. Допустим, что и без литературы, потребности в серьёзном чтении, без интереса к творчеству классиков и современных авторов можно быть просвещённым человеком. Но таких ещё поискать надо. А вот читатели «Молодой гвардии» сплошь и рядом просвещённые. Других у неё просто не

может быть. Потому что за сто лет она достигла такой высоты художественного слова и публицистической мысли, гражданственности и духовно-нравственной культуры, что с непросвещённым читателем ей давно не по пути. С ней остался читатель знающий, думающий, талантливый. Любящий Родину, уважающий её историю, веру и подвиги своих предков. Неравнодушный к слову и всякому истинному творчеству. Умеющий отделять зёрна от плевел и правду от лжи. К которому можно обратиться, с которым есть о чём поговорить, который поймёт.

Отдельное «сословие» среди читателей «МГ» — сами писатели. Строже оценивающие собратьев по перу, суровее относящиеся к своему творчеству — всё-таки читают их тоже мастера слова. И всё же позволю себе даже самым просвещённым напомнить обстановку столетней давности, куда я с таким интересом окунулась при подготовке этого очерка. А именно тогда Пролеткульт, созданный в 1918-м, стал трещать по швам, и на его идеологической базе в начале 20-х годов прошлого века появилось великое множество литературных кружков и сообществ. И практически все они создавали свои — правда, недолговечные — газеты и журналы.

К примеру, достаточно известное тогда объединение пролетарских писателей «Кузница» выпустило в свет всего... два номера одноименного журнала. Уже в конце двадцатых сама группа «растворилась» в недрах ВАПП, вступив в ассоциацию пролетарских писателей и там прекратив свое существование.

А вот группа «Молодая гвардия» была даже малочисленнее «Кузницы», да и поглощена была РАППом ещё раньше. Однако журнал «Молодая гвардия» выходит уже целый век. Менялся формат издания, периодичность, его выпуск во время войны приостанавливался на несколько лет, но журнал продолжал жить.

Во многом это связано, конечно, с тем, что он был создан и долгие годы поддерживался руководящим органом комсомола. А литературная группа появилась уже как «приложение» к журналу и также по инициативе ЦК РКСМ. В неё вошли молодые поэты, которым ещё до выхода комсомольского литературного издания дано было задание сочинить песню, боевую и величественную. Эту песню, ставшую затем неофициальным гимном комсомола, написал поэт Александр Безыменский. Песня, датированная 20 апреля 1922 года, называлась «Молодая гвардия» («Вперёд, заре навстречу!»). Первый номер журнала «Молодая гвардия» вышел 5 мая. А само объединение оформилось лишь в октябре, когда его статус уже

ничего не значил: журнал изначально был первичен, и вокруг него, и в нём собирались молодые литературные силы.

Примечательно, что знаменитая песня, дожившая до наших дней, тоже, оказывается, вторична. Безыменский позаимствовал образ молодой гвардии да и сам текст из песни немецких социал-демократов. А те в свою очередь тоже воспользовались песней австрийцев, созданной ещё в начале XIX века об одном из героев освободительной борьбы тирольцев против французской армии. Все они исполняются на одну музыку, которую приписывают аж самому Моцарту! Но главное для нас в этой истории — русский вариант песни, закрепивший образ молодой гвардии рабочих и крестьян так надолго, что уже и страна стала другой, и гвардия поменяла свою суть и функции, и «новые песни придумала жизнь», а образ молодости и боевитости, подхваченный, кстати, и другими поэтами — Маяковским (1923), Третьяковым (1924), — не устаревает.

СДЕЛАЛИ СВОЁ ДЕЛО

Да, Безыменский не был гениальным поэтом, он был идейным комсомольцем, посвятившим свой, пусть и небольшой, талант на утверждение нового искусства пролетариата. Но в истории литературы остался и как автор знаменитой песни, и как один из основателей легендарного журнала, и как создатель, говоря сегодняшним языком, самого бренда «Молодая гвардия».

В отряде литературных молодогвардейцев вместе с ним были также Александр Жаров (автор гимна пионерии «Взвейтесь кострами, синие ночи!»), Михаил Светлов («Гренада, Гренада, Гренада моя...»), Михаил Голодный («Песня о Щорсе») и другие, сегодня уже почти забытые писатели первого комсомольского поколения, которые, однако, сделали важное — в том числе и в свете сегодняшнего векового юбилея «Молодой гвардии» — дело: запустили своё (а теперь и наше общее) литературное детище в трудное, но успешное плавание.

Впрочем, долгую и плодотворную жизнь обеспечили ему по преемственности и последующие поколения писателей, причем разных литературных группировок и направлений, одни имена которых вызывают сегодня трепет и восторг.

Уверена, что сегодняшние читатели, тем более авторы, печатающиеся в «Молодой гвардии», испытывают особое уважение к журналу, в котором публиковались такие столпы отечественной литературы, как Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Максим Горький, Михаил Шолохов, Андрей Пла-

тонов, Вячеслав Шишков, Леонид Леонов, Александр Фадеев, чье высокохудожественное и глубокое творчество никак не укладывалось в прокрустово ложе классовой культуры.

А ведь в первое десятилетие существования журнала главные редакторы, начиная с Леопольда Авербаха, родственника Троцкого, менялись практически каждые два года. И, конечно же, действовали по принципу «Партия сказала — комсомол ответил «Есть!»», готовы были *«комсомольским миллионным тараном»* рваться галопом, *«врагов труда валить в раз-мол»* и хрустеть костями тех, кто ещё не пропитан *«мятежным духом классовой борьбы»*. И всё же в журнале исподволь собирается и крепнет незримая сила, словно раскачивающая ещё не устоявшуюся в волнах бушующего постреволюционного бытия комсомольскую лодку и сбивающая её с социально заказанного курса — вершить новую культуру *«штыками и картечью»*. Даже среди первопроходцев «Молодой гвардии» нет единства, и вскоре Светлов с Голодным уйдут от радикальных Безыменского и Жарова и примкнут к более терпимым «перевальцам».

Медленно, но верно журнал начинает отрываться от космополитизма и беспамятства в сторону патриотизма и народности, от *«нового комбинированного искусства»* с его *«невиданно объективной демонстрацией вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического»* (по словам идеолога Пролеткульта Алексея Гастева), — к реализму и традициям русской классической литературы.

МНОГОТОМНАЯ ЭПОПЕЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ

В 30-е годы в «Молодой гвардии» печатается роман Николая Островского «Как закалялась сталь», претерпевший с тех пор немало трактовок и переоценок, но не переставший от этого быть выдающимся произведением большого писателя своего времени, утвердившего в литературе образ страстного, крепкого духом, цельного и невероятно убедительного героя.

Это мы знаем, это проходили и наши родители, и мы сами, и наши дети сегодня, когда писатель — частично или полностью — изымается из школьных программ, а то и вовсе не включается, замалчивается, всячески игнорируется. Так было с Достоевским (причем не единожды), с Буниным, с Есениным. Да что там говорить: и Пушкина бросали с парохода современности ещё в 1912 году.

А сколько писателей были попросту выжаты из страны, истреблены, замучены, доведены до крайности. Но время всех

и вся расставляет на свои места, воздаёт по заслугам. И продолжают жить строки Бехтеева и Туроверова, Шмелева и Розанова, Цветаевой и Георгия Иванова, Гумилева и Васильева, Мандельштама и Пастернака. Никогда не исчезнет из нашей литературы и творчество Николая Островского, которым и сегодня зачитываются люди, нуждающиеся в сильном герое, преодолевающим жизненные обстоятельства, болезни, предательства единственно крепостью своего духа.

Кстати, мне эту книгу родители подарили за успешное окончание второго (!) класса. И долгие годы не было для меня более поучительных и любимых героев, чем Павел Корчагин Островского и Овод из одноименного романа Войнич. Видимо, заражали они своей страстностью, жизнелюбием и в то же время жертвенностью, благородством, целеустремленностью.

В конце концов это были герои своего времени, теперь уже вечно пребывающие в литературе и жизни будущих поколений. И лучшие писатели страны, публиковавшиеся в «Молодой гвардии» за сто лет, создали целую галерею таких героев, составив, по сути, многотомную эпопею истории страны — в художественных произведениях, поэтических подборках, документальных очерках, философских размышлениях, публицистических работах, литературной критике. На страницах «Молодой гвардии» нашли отражение все политические сражения и литературные страсти века, идеологические бои и экономические свершения, горькие отступления и Великая Победа, подъём и крах социалистической империи, постперестроечное разорение России и противостояние ее патриотических сил либеральному лобби, а главное — жизнь и судьба русского народа, российского национального сообщества.

СКВОЗЬ ОТТЕПЕЛЬ, ПЕРЕСТРОЙКУ И КРАХ СТРАНЫ

С середины шестидесятых годов, с приходом на должность главного редактора Анатолия Никонова, журнал уже бесповоротно, по словам нынешнего редактора «Молодой гвардии» Валерия Хатюшина, встал на национально-патриотические рельсы. Конечно, это было нелегко, журнал, осмеливавшийся выступать в защиту русской нации, сдерживали и осаждали, взнуздывали и наказывали, навязывали дискуссии и разборки. А он жил. С началом перестройки гонения на патриотический журнал усилились — а он со своего пути не сворачивал. Рухнул Советский Союз, подмяв сникший перед новой буржуазией гегемон, так яростно пестуемый в 20-е годы, — а журнал продолжал ратовать за любовь к Отчизне и русское национальное самосознание.

И уже в 1992 году, когда в условиях дикого раздора в стране «Молодая гвардия» (уже независимая от комсомола) отмечала свое 70-летие, тогдашний её редактор и знаменитый (благодаря своим epochальным произведениям «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень») писатель Анатолий Иванов твёрдо заявил: изменить патриотическую линию журнала, развалить его не дадим. **«Как прежде, мы будем тверды, отстаивая принципы социальной справедливости и гражданственности, будем бороться за возрождение из пепла любимого нашего Отечества»**, — сказал он тогда. Прошло тридцать лет. Но «толстые» литературные журналы — как советский, российский феномен культурной жизни страны — по-прежнему в загоне, особенно патриотического толка.

Они не приспособлены, не предназначены создавать прибыльный и продаваемый продукт, их миссия — творить культурное, духовное пространство. А как его творить в отсутствие внятной государственной политики в отношении культуры, идеологии, взамен которой обществу уже навязали материалистические целеполагания типа комфорта и успеха, отлучили и отучили его от чтения и реального просвещения, от патриотизма и любви к Родине, армии, к своему народу? В условиях самовыживания у «Молодой гвардии» не много ресурсов — только самые верные и преданные её авторы и подписчики, которым не под силу содержать издание, не имеющее бюджетного финансирования. Тучи над журналом сгустились, и в конце 90-х он мог закрыться.

Но древко падающего знамени «Молодой гвардии» уверенно подхватил патриот России и верный молодоговардеец, поэт, прозаик, острый негибемый публицист Валерий Хатюшин, возглавляющий журнал почти полтора десятилетия и продолжающий — с Божией помощью и поддержкой единомышленников — вести его в русле классических, православно-патриотических традиций русской литературы.

Именно поэтому в свои сто лет «Молодая гвардия» — в строю. Как на протяжении всего века, журнал и сегодня открывает читателям имена и творчество начинающих, только становящихся на крыло авторов, представляет просвещённой России произведения неизвестных ей писателей из разных регионов страны, из провинциальной глубинки, возвращает к жизни классиков и публикует уже состоявшихся современных поэтов, прозаиков, критиков, публицистов.

ЖИВУЩИМ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Когда-то давно один из верных и преданных авторов журнала Феликс Чуев очень верно отметил: **«Молодая гвардия»**

не умеет изменять себе и своим читателям — молодёжи разных поколений. Поэтому она всегда Молодая и всегда Гвардия». Сегодня понятно, что речь не только и не столько о возрасте читателей, а об их душевном настрое, их несломленном духе и бойцовском характере. И быть причастным к ней в любом качестве — читателя, писателя, лауреата — это даже не особая честь, а, наверное, судьба.

Во всяком случае, для меня, обретшей в «Молодой гвардии» не только площадку для творческого самовыражения, возможность быть услышанной, читаемой и узнаваемой, но и дружеское участие, поддержку, понимание, а также чувство команды, вовлечённости в литературный процесс страны, где моими предшественниками — простите за нескромность — были величайшие русские прозаики и поэты, печатавшиеся со мной в одном журнале!

Невольно вспоминается Марина Цветаева, которая когда-то, говоря о Маяковском, предрекла: нам придётся помнить не только о веке, когда он жил и творил, но и *«помнить на век вперёд»*, ибо он *«ушагал далеко за нашу современность, и где-то, за каким-то поворотом, долго ещё нас будет ждать»*. Это можно отнести ко всякому истинному творчеству. Когда-то в новый век уходила и «Молодая гвардия» с литературными посланиями к нам сегодняшним. А теперь мы *«на век вперёд»* отправляем её и с нашим творчеством. Многая лета тебе, «Молодая гвардия», попутного ветра, плавучести и живучести, чтобы, когда нас всех уже не будет, ты — была...

г. Липецк

СПЕЦОПЕРАЦИЯ И «ШЕСТАЯ КОЛОННА»

За минувшие 20 лет в России создана самая боеспособная на континенте и, скорее всего, в мире сухопутная армия. Моему поколению есть с чем сравнивать. Первая и Вторая чеченские кампании были выиграны исключительно на морально-волевых качествах русских воинов, которые, сражаясь в стратегическом (информационном) и тактическом (военном) окружении, победили во всех отдельных боестолкновениях и войне в целом. Что в очередной раз убедило («уважаемых партнёров», в первую очередь), что русская пехота — самая сильная в мире и ей нет равных. За минувшие два десятилетия эту пехоту посадили на самую современную броню, снабдили самой современной многоканальной радиосвязью, прикрыли лучшими в мире на сегодняшний день силами армейской и фронтовой авиации, силами ПВО и РЭБ. Путь перед русской пехотой расчищают современные системы залпового огня, в глубине обороны противника и по объектам его военной инфраструктуры точно работают новейшие русские крылатые ракеты и оперативно-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тактические комплексы. Разведанные в реальном времени передают военные спутники и БПЛА. Российская армия — единственная на континенте — обладает реальным победным опытом современных войн: Чечня, Южная Осетия, Сирия и Донбасс не прошли даром. Морально-психологический фактор в войсках обусловлен тем, что при нынешнем Главнокомандующем русская армия не проигрывала ни разу!

Кто нам противостоял во время военной спецоперации на Украине? По размеру территории Украина — крупнейшее государство Европы (Больше Франции, Испании и т.д.). По численности населения — Украина уступает только Германии, Великобритании и Франции. То есть четвёртая по людским ресурсам страна на континенте (не считая России). Армия Украины — по данным ежегодного рейтинга военной мощи Global Firepower (GFP) за 2022 г. — входит в пятёрку сильнейших в Европе (без РФ). Больше 400 тыс. военнослужащих (включая резервистов) имеют боевой опыт. То есть по этому показателю Украина целиком превосходит своих европейских партнёров, на боевом счету которых, за последние семьдесят лет, нет ничего, кроме карательных экспедиций в удалённые уголки мира.

Чтобы понимать сложность военной операции, напомним, что для «принуждения к миру» Франции в 1940 году вермахту потребовался месяц. Без точечных ударов и штурма крупных городов. При стремительном бегстве противостоявших Германии союзных войск к Ла-Маншу..

Я пишу статью по прошествии всего нескольких дней после начала спецоперации на Украине — и уже ни у кого в мире не вызывает сомнения её исход. Военный исход, уточню.

Но теперь — главное: победоносное движение русской армии, уникальные по точности удары по военной инфраструктуре противника (от Крыма до аэродромов в Ивано-Франковске и Львове более тысячи километров) вскрыли самое неприглядное, самое уязвимое и самое постыдное в реальном положении дел в нынешней РФ — её чудовищную внутреннюю хрупкость и незащищённость перед лицом масштабной войны! Войны на выживание.

Проще всего, выхватить позеленевшую от тоски и уныния, сточенную в еженощных схватках с ветряными мельницами режима ядовитую шашку сатиры и обличения, и, рассекая спёртый воздух истории, вопить: «Сколько раз я писал, говорил, кричал!!!» Толку-то... Если положение внутри страны-победительницы вызывает очень и очень большие вопросы. Да, спецслужбы развернуться всякой сволочи не

дают, теракты купируют. За двадцать путинских лет — спецслужбы тоже прошли огромный путь от разрухи 90-х...

Но самый главный вывод, который мы можем сделать из этой войны — это то, что к «пятой колонне» предателей и профессиональных русофобов (известных с 90-х гг.) прибавилась гораздо более внушительная, многочисленная и влиятельная (в силу своей многочисленности и активничанья) «шестая колонна» прихлебателей. Их можно называть как угодно: офисный планктон, хомячки, навалынята, ипотечники, конформисты. В конечном счёте — все они потенциальные коллаборанты, готовые по примеру своих родителей (предавших Советскую империю за джинсы и колбасу) предать нынешнюю, шаг за шагом восстанавливающую суверенитет Российскую Федерацию за айфон и шенгенскую визу.

Именно эти активные сторонники «бытоулучшительной партии» (по слову Серафима Саровского), рекруты вещизма, адепты покупательной способности, рыцари ростовщичества и мученики биржевых сводок и являются самой сокрушительной для дальнейшего исторического бытия России силой внутри неё. Именно с ними работает «пятая колонна» профессиональных русофобов, именно из них вербуются бесчисленная «шестая колонна» бывших русских, для которых независимость Родины — пустой звук, что-то сродни праздничному салюту к 9 мая, а достижения позорной капитуляции 90-х (вроде отдыха в Турции и условных «кружевных трусиков») важнее верности вере и подвигу своих предков в тысячелетнем русском пути.

Когда мы, писатели России и русское священничество, в начале 2000-х сражались за поколение 2020-х, за Аллу Бородину и её школьный курс «Основы православной культуры», — историческое время для воспитания сынов и дочерей Новой России ещё было. Сегодня его нет.

Продуманный культурологический курс Бородиной подменили Кураевским одноразовым общепитом; «Спецназ» Малюкова и «Войну» Балабанова — «Сталинградом» Бондарчука (младшего) и «На Париж» Саркисова (олигарха); «Небо славян» Кинчева — на «Пососи» Моргенштерна. Всё, поколение 2020 готово. В промежутке плюс-минус оформилось поколение 30—40-летних. Оно и поехало на Донбасс. Оно дерётся в «Небе» Сирии и на «Солнцепёке» Новороссии. Дальше идёт «пососи».

Замечательный русский писатель, наш современник, Владимир Личутин недавно указал мне на очень простую и очевидную (но до сих пор плохо понимаемую даже патрио-

тами) вещь: Сталин вычистил онтологических русофобов (насколько это было возможно) из высших эшелонов власти в Советской России, и они (сознательно или бессознательно) ушли на средний уровень общественной лестницы, в первую очередь, в культуру и идеологию. Если ты уже не можешь рубить русские головы (а опыт военного коммунизма и ГУЛАГа ох как сладок для них!) — контролируй их. И как их из этого средостения между русской властью и русским народом выкурить — вот вопрос? Ведь оплодилось и отложили личинки в сердцевину русской жизни они видимо-невидимо!

Огнём и железом, как Сталин, — Путин их выжигать не хочет, а святая вода не помогает. Может, лишить их кормовой базы — грантов, бюджетной поддержки, трудоустройства по принципу семейственности и кумовства, по признаку крови? Может, помочь их реэмиграции на Украину после возвращения в состав Большой России всей Новороссии со столицей в Одессе? На Украину, с вырванными ракетными зубами и переломанными танковыми щупальцами. Милую, восточноевропейскую аграрную страну с богатым песенным фольклором, излеченную от фашизма победоносной Русской Армией. Тому, кто это сделает, — можно будет вручить самую высокую награду в Новой России — «Медаль за освобождение Москвы»!

ЗАНОВО ОТКРЫТЬ РОССИЮ

Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин в интервью агентству «Интерфакс» сообщил, что количество особо опасных преступлений, совершаемых приездами, резко возросло, в частности, экстремизма — на 33%, терроризма — на 26%, убийств — на 8%, изнасилований — на 5%» (РБК).

Навести порядок с этими «пришельцами» можно было бы, но мешает всё то же — коррупция стражей порядка и в надзорных органах. А иммиграция — это большой бизнес. И вот в Москве в метро появляются указатели на таджикском и казахском языках как приглашение мигрантам, не владеющим русским языком: «Добро пожаловать!»

В сентябре прошлого года вместо того, чтобы поставить нашествие иммигрантов под самый жесткий контроль, российские власти неожиданно для всех амнистировали 147 тыс. мигрантов, высланных из России, а заодно — предоставляют в аренду Узбекистану миллион гектаров российской земли.

При попустительстве российских властей и региональных чиновников, нередко коррумпирован-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ных «по самое не могу», идет тихая колонизация исконных земель России. В 2019 году в исследовании журналистов ВВС отмечено, что в некоторых районах Дальнего Востока в обороте у китайцев находится больше половины сельхозземли. Например, в Ленинском районе Еврейской автономной области китайцы арендуют около 62 тыс. из 81 тыс. гектаров посевной площади. В Забайкальском крае в 2015 году было принято решение о передаче в аренду на 49 лет китайской компании 115 тыс. гектаров земель сельхозназначения. В 2018 году сообщалось, что китайская корпорация «Дунцзинь» взяла в аренду на 49 лет 120 тыс. гектаров земли под Хабаровском и выращивает там соевые бобы. Иногда земли оформляются по серым схемам — через русских жен, например, а то и вполне легально — через продажу земли паями бывшими колхозниками. То есть эти земли уже не российские, а китайские. Варварским способом китайские фирмы вырубают сибирскую тайгу, что привело к многочисленным лесным пожарам на многих тысячах гектаров. В целом российское законодательство очень лояльно к китайцам: они могут зарегистрировать на свое имя российскую компанию, и та уже относительно легко получает землю в аренду до 49 лет. Если дело пойдет так и дальше, то русские потеряют право жить на земле своих предков.

То и дело наше общество сотрясают скандалы на самом высоком уровне. Все помнят, как в Кремле долго и неуклюже отрещивались от «Дворца Путина» под Геленджиком, который ему якобы подарили за несколько миллиардов рублей друзья-олигархи из его окружения.

Весьма неубедительно отрещивался экс-президент, экс-премьер и зам. Путина по Совету национальной безопасности лидер «Единой России» Дмитрий Медведев от своего поместья в Плесе и виллы в Красной поляне под Сочи, а также других роскошеств. Даже на честно заработанную президентскую зарплату ему на это не потянуть бы.

Факты небескорыстного слияния высших чиновников с олигархами стали в России делом обыденным. И всё же, казалось, всему есть предел. Но вот перед самыми выборами в сентябре прошлого года в Сети одна за другой стали появляться статьи о российском министре, который до этих публикаций проходил у нас чуть ли не как «ум, честь и совесть нашей эпохи». А тут документально нас оповестили, что он давно уже состоит на содержании у одного из самых богатых олигархов России и вместе со своей семьей, своей любовницей и ее родственниками — ездит в командировки за границу как с сотруdnиками его министерства.

Любовница министра, а также его и ее родственники пользуются частными самолетами, яхтами, домами и отелями олигарха. Аренда такой яхты, по данным расследователей, стоит 480 тыс. долларов в неделю. То есть 11-дневный отдых министра и его двойной семьи в сентябре 2021 года обошелся в 754 тыс. долларов или в 55 млн. рублей. Это вся зарплата министра за последние семь лет. Министр и его две семьи много лет находятся на содержании у нашего олигарха. Об этом говорится в нашумевшем расследовании «Яхты, взятки и любовница. Что скрывает министр...» Журналисты также нашли у его любовницы и ее семьи имущество на сумму свыше 12 млрд. рублей.

Но — услуга за услугу. «Министр — личный лоббист олигарха. Он использует свою государственную должность, чтобы решать его «вопросики». Помогать его бизнесу. И ему лично», — говорится в расследовании, выложенном в Интернете. Доказать, что это клевета, трудно, так как каждый факт и фактик подтверждены документально. Наверняка и за этим расследованием стоят спецслужбы Запада, которым только на руку разложение высшего чиновничества России. А это прямая угроза безопасности самому будущему России, о чем с такой понятной тревогой говорил министр обороны РФ С. Шойгу.

Знатки технологий внедрения враждебных сил в противостоящие им государства отмечают, что технология морального разложения государства-жертвы основана на концепции программы «Окна Овертона», автором которой является американский социолог Джозеф П. Овертон (1960—2003). Он разработал технологию изменения отношения к совершенно чуждым и презираемым в социуме идеям — от оценки «абсолютно неприемлемо и аморально» до «актуально и естественно». По мнению экспертов, данная технология легче инкорпорируется в толерантное общество, у которого нет духовно-нравственных постулатов и, как следствие, нет четкого разделения на добро и зло. В социологическом подтексте, как и в медицине, толерантностью называют утрату организмом (обществом) способности распознать опасность, чужеродную угрозу. Очень похоже, что западные спецслужбы запустили программу Овертона в ход и пытаются с ее помощью открыть *окно* в Россию и через него запустить к нам все пороки так называемого «свободного мира». Очень это напоминает древний миф о Ящике Пандоры...

Запад нам предлагает сегодня свой ящик Пандоры на экспорт. И уже не просто предлагает, а требует узаконить однополые браки и усыновление такими парами детей, ввести уроки секс-просвещения в школах и детских садах, разре-

шить пропаганду гомосексуализма. Лоббируется даже столь откровенно преступная идея как легализация педофилии. В России уже нашлись подражатели суперэлитному Богемскому клубу в США, где для миллиардеров и высших чиновников устраивают оргии с гомосексуалистами и проститутками. Увы, и в нашей стране отмечены такие оргии на закрытых для посторонних корпоративах. И для обслуживания богатых гомосексуалистов создан даже специальный мужской эскортный сервис! А Министерство культуры России включает в программу культурного обмена гастроли артистов-гомосексуалистов и трансгендеров.

Дело дошло до того, что российские СМИ стали рупором пропаганды не только пошлости и разврата, но и откровенного криминала! В этом году после 17-летней отсидки вышел скопинский маньяк-педофил Виктор Мохов. Сразу после его выхода из тюрьмы ведущие государственные телеканалы предложили Мохову сняться в ток-шоу и рассказать за миллионные гонорары, как он насиловал и убивал несовершеннолетних девочек! Как пишет «Московский комсомолец», Мохову за интервью заплатили не менее 1,5 млн. рублей! Это вообще находится за гранью добра и зла! Могло ли государство запретить федеральным каналам делать из маньяка героя новой России? Могло, причем так же легко, как не пускают в эфир популярных оппозиционных политиков. Но это умышленно пропустили!

Официально в России не существует цензуры. Но это официально... Позорный суд над директором Института русской цивилизации профессором О.А. Платоновым, чьи книги попали под запрет, а сам он был приговорен условно к четырем годам без права выезда за границу, показал, что цензура существует, но действует выборочно — под ее запреты попадают в первую очередь журналисты и писатели-патриоты, а вот либеральную гниль она не трогает. Весьма показательным в этом отношении высказывание президента Путина по поводу «Эха Москвы», известного рупора российской «болотной оппозиции». Путин посетовал, что эта радиостанция, хотя и находится на содержании у госкорпорации «Газпром», якобы нашего «народного достояния», постоянно подвергает критике его самого и правительство России, а к тому же половина ее сотрудников имеет второе гражданство. Ну, прямо по батюшке Крылову: там, где действительно нужна власть употребить и отключить рупор г-на Венедиктова от государственной кормушки, власть ограничивается пустыми разговорами. А это только поощряет безнаказанность российской пятой колонны.

Найти виноватого в столь плачевном положении, в котором оказались сегодня все народы России, а в первую очередь народ русский, не так уж и сложно. С изменением социального строя в 1991 году россияне утратили все те гарантии основных прав и свобод, которые предоставляла им Советская Конституция, а Россия унаследовала все те родовые пороки капитализма, которые перечислены в трудах классиков. В нашей стране они проявляются в наиболее уродливой форме, ибо капитализм в России в 90-е годы принял особую криминальную форму. Это — олигархический капитализм. В энциклопедии «Всемирная история» об этом написано так:

«Господствующие позиции в капиталистической экономике оказались в руках узкой группы предпринимателей, тесно связанных с чиновниками. В итоге перестройки, а также в условиях приватизации и инфляции номенклатура располагала преимуществами при получении в собственность бывшего государственного хозяйства. Ведение бизнеса строго в рамках закона было практически невозможно, что привело к росту «теневого капитала», который быстро срастался с коррумпированным чиновничеством, которое прикрывало нарушения закона и использовало служебное положение для создания собственных финансовых структур и приватизации собственности в свою пользу. Финансовая олигархия (узкие группы крупного капитала) устанавливала контроль над финансово обескровленными промышленными предприятиями. Первоначальные обещания авторов реформ наделить большинство населения капиталами не были выполнены. Это привело к сильнейшему социальному расслоению. Другая сила, которая приняла участие в становлении новой российской экономической системы, — это транснациональный, прежде всего западный капитал. Постепенно в ходе острой конкурентной борьбы, сопровождавшейся борьбой за политическое влияние, выделилось несколько олигархических финансово-промышленных групп, тесно связанных с влиятельными группами чиновничества и транснациональными структурами. Эти группы установили свой контроль над наиболее важными отраслями экономики России.

Перераспределение влияния в среде российской олигархии произошло в связи с дефолтом 1998 года и приходом к власти В. Путина, который развернул борьбу с частью олигархических группировок. Потеряли политическое влияние Б. Березовский, М. Гусинский и др., был арестован и осужден М. Ходорковский и другие. Но свято место пусто не бывает. Усилилась роль госбюрократии в руководстве экономикой, ослабло влияние профессиональных бизнесменов на чиновничество. Так, высшее

чиновничество РФ обеспечило себе неприкосновенность и безграничные возможности безнаказанно грабить Россию целым набором законов и подзаконных актов. Подчиненная олигархическому капиталу Государственная дума проштампowała эти законы, фактически легализовав его криминальную практику, в том числе операции по выводу прибыли и капитала за границу, главным образом в офшоры». Характеристика существующего в России строя — исчерпывающая.

Состав правящих элит, если сравнивать его с 2000 годом, претерпел существенные изменения. *«Если поначалу это были «башни Кремля», — пишут «Ведомости», — акцентирующие внимание на совместных бизнес-проектах, в которых на заре своей карьеры участвовали различные представители правящей элиты в 1990-е, то затем стали развиваться идеи «планетной системы» с Путиным в качестве солнца и тремя внутренними орбитами (партнеров, младших партнеров и «верных слуг»), по которым вращаются представители элиты, время от времени формируя ситуативные союзы. Несколько лет назад возникла и начала развиваться модель «путинского политбюро» с десятком наиболее влиятельных представителей элиты в качестве полноправных членов, имеющих свои клиентелы среди «членов ЦК». Примерно в то же время концептуализируется и модель «бизнес-корпорации Россия и Ко» с акционерами и менеджерами в составе топ-элиты, где Путин играет роль одновременно гендиректора и председателя совета директоров. Согласно этой модели, все серьезные решения принимаются акционерами, входящими в ближний круг и не занимающими часто государственных постов, а высокопоставленные менеджеры лишь их реализуют. Наконец, самая свежая модель «царского двора» разделяет глав корпораций, имеющих собственный подконтрольный им ресурс, и «ближних бояр», главный ресурс которых — близость к лидеру».*

Представляет ли себе руководство России реальную картину бедственного положения значительной части населения страны, что так или иначе обернется противостоянием доведенных до отчаяния масс с жирующим и окончательно обнаглевшим чиновно-олигархическим кланом? Представляет. И не устает обещать, что очень скоро всё кардинальным образом переменится к лучшему. А воз и ныне там.

Так, во время встречи по видеосвязи с руководством партий, прошедших в Госдуму восьмого созыва, президент России Владимир Путин сказал: «Нужно до минимума свести уровень бедности в стране, вытащить из нее значительное число людей». Вопрос возникает сам собой: «Господин президент!

Вы находитесь у власти более 20 лет. Так почему же число бедных людей только выросло в стране за это время, а миллионеры стали миллиардерами? Почему пенсионеры с голодухи дерутся за выброшенные просроченные продукты на помойках супермаркетов?» И подобных вопросов сотни, если не тысячи. И когда, наконец, та старушка, которая задала Вам вопрос, как ей прожить на ее мизерную пенсию, получит возможность жить по-человечески? А подобные вопросы задает сегодня вся Россия. И всё решительнее требует от власти ответа и соответствующих действий.

Всё сказанное выше подтверждает неопровержимые факт: сегодня Россия вплотную столкнулась с очевидным и многоплановым вызовом ее национальной безопасности, ее суверенитету, что угрожает самому ее дальнейшему существованию. Именно этим объясняется моя рекомендация: закрыть Россию временно на самоизоляцию и основательно ее очистить от пятой колонны, от олигархов и чиновников, спянных с мировой закулисы, от воров, коррупционеров, преступников, аферистов и мошенников всех мастей, от русофобов, сионистов, масонов, сектантов и извращенцев, от нелегальных и падких на преступления иммигрантов, ото всех, кто посягает на наши святыни, духовные ценности и традиции русского народа, на извращение истории и территориальную целостность нашей страны, на безопасность и благополучие ее граждан, прежде чем открыться заново внешнему миру.

Не будем забывать уроки так называемой перестройки, приведшей к развалу СССР и Советской империи в 1991 году. Не простим и предательства Ельцина, сдавшего Россию олигархам. События на Украине после преступного майдана 2014 года, в братской Белоруссии в 2020 году показали, чем могут обернуться массовые протесты против коррумпированных властей, искусственно поощряемые и направляемые внутренним врагом и его зарубежными кукловодами. С каждым годом и в России растет потенциал массовых протестных выступлений, которыми активно пользуется внутренний враг для противостояния с властью.

Не буду давать конкретных рекомендаций, что нужно в нынешней ситуации сделать и какие экстренные меры предпринять. Для этого у государства есть все необходимые средства и соответствующие органы. Им и предстоит в кратчайшие сроки навести в стране порядок самыми жесткими и решительными мерами. И от этого ни в коем случае не должен отстраняться сам президент России, как отстранился в 1991 году Горбачев, обреченный тем самым Советский Союз на развал.

Не исключено, что при такой чистке придется пойти на определенное ограничение прав и свобод граждан, включая временное закрытие всех границ, для основательной декриминализации государства и общества. Это потребует люстрации чиновничества и искоренения преступных синдикатов и банд, всех мошеннических структур и привлечения к суду их организаторов, национализации частных банков, крупных предприятий, эксплуатирующих природные богатства России, прежде всего газ, нефть и уголь, а также временного введения цензуры и контроля над деятельностью соцсетей.

Восстановление социальной справедливости в нашей стране, масштабная, а не выборочная борьба с коррупцией, преступностью и избавление от бедности и вопиющего неравенства востребованы народом. Всё это должно сопровождаться экспроприацией награбленного олигархами и чиновничьей элитой, а также публичным судебным преследованием этих преступников и их покровителей во властных структурах.

Реализация программы общероссийской «чистки» и возвращения социальной справедливости займет не менее года, будет весьма болезненной и явно встретит ожесточенное сопротивление всех врагов русского народа как внутренних, так и внешних. Это потребует мобилизации и коренной перестройки нашего общества, экономики и системы управления страной. На это время Россия вынуждена будет объявить о временном прекращении соблюдения международно признанных основных прав и свобод человека в связи с необходимостью экстренных жестких мер по укреплению ее безопасности.

Соблюдение Основного закона страны должно быть обязательным для каждого гражданина России без исключения. Особо актуально соблюдение конституционных норм и лояльности для государственных служащих всех рангов, что делает абсолютно недопустимым обладание ими и членами их семей иностранного гражданства, вида на жительство и собственности за рубежом. В целях укрепления своего суверенитета и влияния в современном мире России следует перейти от толерантности по отношению к своим открытым врагам к политике жесткого ответа на все антироссийские действия и провокации, пропаганду и практику русофобии. Есть целая группа стран, в том числе бывших советских республик, руководство которых избрало по отношению к России враждебный курс, а проживающих там русских обрекает на положение граждан второго сорта, приняв соответствующие дискриминационные законы, включая запрет русского

языка и обучение на нем. На такого рода политику надо отвечать адекватно. Прежде всего это касается агрессивно враждебных России стран. С ними следует свести дипломатические отношения до уровня консульских, ввести строгий визовый режим, прекратить культурный обмен, всякую торговлю, включая поставки газа, нефти, угля и электроэнергии, а восстановить нормальные отношения только в случае отказа таких стран от враждебной к России и русским политики. Что касается бывших союзных республик, им надо на русофобию и преследование русских и русского языка отвечать запретом на въезд их граждан титульной национальности на работу и учебу в Россию, на приобретение в нашей стране любой собственности и резким сокращением всех видов помощи, прежде всего военной. На любые военные провокации и попытки посягательства на территориальную целостность и неприкосновенность российских границ отвечать следует самым жестким образом, включая применение боевого оружия.

Полумеры и постоянные оглядки на то, что скажет Запад, не обрушит ли на нас новые санкции, тут не помогут, а только усугубят затянувшийся кризис власти и разрушение государства Российского. Надо понять, наконец, что против России ведется постоянная война по всем направлениям, в том числе в киберпространстве, с целью захвата ее территории, ее богатств и уничтожения ее государственности, что приведет и к геноциду русского народа.

России в самое ближайшее время предстоят тяжелые испытания и противостояния. К этому надо готовиться всем миром.

Только очистившись от скверны чуждых нам враждебных сил и идей, укрепив свою безопасность и суверенитет в современном мире, новая Россия откроется миру, вернется к Богу и встанет вновь на свой исторический путь к национальному величию и согласию. Это единственно верный путь.

От редакции

Данная статья была написана и подготовлена к печати до признания Россией донбасских республик и начала военной спецоперации на Украине.

РАССКАЗЫ

СТЕЛА

Каждый год на Страстной неделе, перед Пасхой, я стараюсь найти время, чтобы сходить на кладбище: убрать с могилки прошлогоднюю жухлую листву, взявшийся невесть откуда мелкий сор в виде фантиков от конфет, слетевшие с деревьев поломанные сухие сучья, поправить холмики — словом, привести всё в надлежащий вид. Немало зависит от обстоятельств, например, от погоды. Если дождь, слякоть, идти бессмысленно — вымокнешь и ничего толком не сделаешь. Если же солнечные дни устоялись, что, как мне кажется, бывает чаще, иду.

Хожу я всегда пешком, так как живу на окраине и для меня это самый короткий путь. Иду мимо гаражей, затем вдоль железнодорожной насыпи, после чего, пройдя не более километра, резко сворачиваю и через топкий овражек направляюсь к леску. Ещё немного — и я на кладбище.

Здесь у меня самые мои дорогие, самые близкие, родные...

Одним из первых, почти полвека назад, здесь был похоронен отец. На моей памяти в том месте, где его хо-

ПРОЗА

ронили, кроме двух десятков свежих могил, ничего тогда не было. Вернее, кроме редких деревьев, молодой поросли, дикого кустарника и мочажин, ничего окрест я более не видел. Теперь здесь благоустроенное кладбище, территория которого разбита на участки с асфальтированными дорожками. И как уже принято — с администрацией, гранитной мастерской, рабочими, цветочным рынком и невысокой часовней.

На могилу к отцу, где за одной с ним оградой упокоилась почти вся его, а значит, и моя большая родня, я иду немного погодя. Первым же делом навещаю могилу матери: она на другом участке, значительно ближе, в одной ограде с могилой её матери — моей бабушки. Здесь же похоронены и другие мои сродники.

Последние года три, когда я прихожу сюда и смотрю на портрет, выгравированный на красном граните, в моей памяти всплывает странная история, услышанная мной не так уж давно.

...В тот год я возвращался поездом в Москву с большого литературного праздника, ставшего уже традицией Вятского края. Вагон, в котором я ехал, был почти полупустой. Моим попутчиком оказался мужчина возраста примерно моего. Бледное лицо его очень необычно сочеталось с волосами — густыми и белыми, как молоко. И на фоне этих уж слишком белёсых волос и смуглого лица как-то особенно выделялся грубый шрам на щеке. А ещё — его голубые глаза, выражавшие нечто такое, что не сразу поддаётся определению. Возможно, что-то глубоко потаённое, сущностное, что не каждому дано понять и прочувствовать даже на закате его долгой жизни.

Поезд отходил вечером. Было ещё светло. Мы ехали в плацкартном вагоне. Чтобы скоротать время, заказали у проводницы чай. Обменявшись со своим попутчиком дежурными фразами, я узнал, что он — инженер-конструктор, металлург. Не знаю, какие обстоятельства расположили его к доверительной беседе. Быть может, моё откровение, что я литератор. Не исключаю и то, что он заметил, как в минуту его появления я невольно обратил внимание на его шрам. Так это или нет, но спустя некоторое время он немного смущённо и с грустной улыбкой произнёс:

— Да-а... с этим шрамом целая история.

На его слова я не выказал никакого удивления: мало ли что случается в жизни. Но с моим попутчиком всё оказалось не так прозаично. Другими словами, с ним произошло нечто из ряда вон выходящее.

— ...Мамы тогда уже не было в живых, — начал он свой рассказ. — До сих пор в голове не укладывается, ведь она

выглядела вполне здоровой. Только бледность... А затем... каких-то три месяца... и она угасла.

Он говорил немного сбивчиво. Было видно, как непросто даются ему слова. Прежде чем продолжить, он собрался с мыслями.

— Но я не о том, как она умерла, нет, не о том... — он вновь задумался, достал носовой платок, но почти сразу спрятал его в карман пиджака. — Да, тридцать с лишним лет прошло, а я всё помню до мельчайших подробностей, — словно в чём-то оправдываясь, сказал он. Затем, отстранённо посмотрев на меня, как будто хотел заглянуть внутрь самого себя, стал говорить свободнее. — Через год после смерти мамы я решил поставить ей памятник, такой, чтоб и себя впоследствии не упрекнуть, и чтоб перед людьми не стыдно было.

К тому времени могила уже просела, и всё упиралось лишь в деньги. Особых проблем с ними, быть может, и не было бы, но ведь я хотел поставить хороший памятник, очень хороший, — повторил он, сделав акцент на слове «очень», — а это, как выяснилось, недёшево. Но я уже тогда знал, как поступлю. У мамы оставались золотые миниатюрные часики, с довольно-таки приличным золотым браслетом, их-то я и решил отнести в скупку. Впрочем, это детали, важно другое. В гранитной мастерской я заказал именно то, что хотел... — сделав пару глотков уже остывшего чая, он вновь достал носовой платок, промокнул им губы и продолжил:

— Памятник был из чёрного гранита, высокий, с прекрасно выполненной гравировкой портрета. Но выяснилось, что с его установкой надо повременить: когда яму под фундамент стали рыть, из могилы сильный запах пошёл. А ещё грунтовые воды... Вдруг почву подмывает, и земля ещё просядет. Знающие люди говорили, что такое уже случалось. А памятник тяжёлый, одна стела чего стоит... И ноябрь уже, заморозки... В общем, решили отложить установку памятника до лета.

Он ненадолго умолк, чему-то горько усмехнулся и снова заговорил:

— Оставлять же памятник в мастерской не хотелось. Мало ли что. Решил отвезти его на дачу. У родителей жены дача, теперь она, конечно, наша — небольшой домик на шести сотках. И как раз возле того самого кладбища. Вот дом, — он взял стакан с остывшим чаем и поставил его на место, изображая таким образом дом, — а вот забор, — провёл он ребром ладони вдоль стола невидимую грань, — метров десять от дома, не больше. И сразу за забором — кладбище. Удобно и близко. Одна проблема: груз-то тяжёлый, без транспорта не обойтись. А памятник погрузить ещё надо, затем разгрузить...

Но в мастерской я договорился, с помощью погрузчика его погрузили без проволочек, а вот когда привезли на дачу... — он затмил головой и снова горько усмехнулся:

— Цветник с подставкой — куда ни шло, они хоть и гранитные, но размеры и вес их куда меньше, а стела... даже не знаю, сколько весила, но очень тяжёлая. Из кузова её не сбросишь — вдруг расколется. Но выгрузили. А ещё тащить надо. Вчетвером тащили. И смех и грех. Где волоком, где кантовали... в общем, как придётся. Даже на веранду втащили: негоже, думаю, под открытым небом оставлять, да и глаз людской не будет особо цеплять. Так на веранде и оставили, над погребом, так, чтоб крышку можно было открыть. Под верандой погреб был...

В вагоне приглушили свет. Мы как-то синхронно устремили свои взоры вверх, а затем посмотрели в окно. Сумерки сгустились, разглядеть что-либо на расстоянии, тем более при быстром движении поезда, кроме мелькавших где-то вдали редких размытых очертаний и огоньков, было почти невозможно. За разговором мы даже не заметили, что многие пассажиры, разложив свои постели, уже спали. Или только делали вид. Ещё мы удивились, что нас за всё время так никто и не потревожил. Позже выяснилось: в плацкарте, где мы ехали, два других места, незанятых, были забронированы теми, кто должен был сесть на промежуточной станции поздно ночью. Так что мы вполне могли продолжать нашу беседу, никого не тревожа. Но мой сосед поднялся.

Осторожно, чтобы не греметь, опустил верхнюю полку, встал на приступку и, достав скрученный в рулон матрас, внутри которого находилось некое подобие подушки, развернул его. Застелив матрас простынёй, стал натягивать на подушку наволочку. Всё это он делал аккуратно, не торопясь, сосредоточенно. После него то же самое проделал и я.

— Да-а-а... — тихо произнёс он, когда я присел напротив него. — Намаялись же мы с этим памятником. — На мгновение его лицо стало задумчивым, как если бы он отыскивал только что ускользнувшую мысль: — Нас, как я уже говорил, четверо было: мой бывший одноклассник, только что из Афгана вернувшийся, ещё сосед по дому, из моего подъезда, а третий... даже не знаю кто, там же, в гранитной мастерской к нам подрядился. И слава богу... втрём мы больше бы промучились. Ну да ладно... Втащили памятник на веранду. Надо проставляться. А я знал: тёща питьевой спирт на даче держала, так, на всякий случай. Нашёл я, значит, его в погребе, в трёхлитровой банке, среди других банок, с соленьями. Тёща моя каждый год огурцы с помидорами закатывала. Да там много чего было. Но это так, к слову... В общем, и выпить

есть и закуска имеется. Хлеба, правда, не было. Но какой там хлеб... — его лицо сделалось напряжённым, словно он к чему-то прислушивался. — Так вот, отметили мы это дело. Вернее, наотмечались. Даже не помню, как домой пришёл. А мне через день в командировку, — губы его слегка скривились, — ведь я тогда в аспирантуре на заочном учился, постоянно мотался по командировкам.

Он взял подстаканник, повертел его в руке и поставил на место.

— Утром просыпаюсь, вроде бы, всё нормально, в том смысле, что в своей квартире, в своей кровати, только голова не своя, трещит, как говорится, по всем швам. Начинаю припоминать — что да как. Но ничего не помню. Ну совсем ничего! — он даже замотал головой. — И первая мысль... — в воздухе повисла пауза. — А хрен его знает, какая была первая мысль. Только вспомнил я вдруг про ключи, что от дачи, они в кармане брюк были. Ищу брюки, а их нет. Я туда-сюда... нет! А в мыслях уже — закрыл ли дачу? Всё ли там в порядке? Начинаю соображать. А был выходной, воскресенье. Я и запомнил-то этот день потому, что на следующий день, в понедельник, командировка. Так вот, воскресенье, все дома. Спрашиваю жену, где, мол, брюки. Оказалось, она их в стирку положила. Но про ключи спрашивать не решаюсь. — Глубоко вздохнув, он вновь сделал паузу. — Ключи я вскоре нашёл. Ну, думаю, значит, дачу закрыл. Но что-то гложет, нет-нет, а мелькнёт мыслишка: вдруг там все двери нараспашку? Что тогда? На соседа с бывшим одноклассником я не то что подумать, а мысли даже не допускал плохой, а вот третий, что в гранитной мастерской к нам прибился... я знать-то его не знаю... Правда, на даче красть нечего, если только банки с маринованными огурцами, а так... ну что там красть? Мебель старую? Хороший инструмент тесть редко на даче оставлял, а если и оставлял, то прятал так, что днём с огнём не найти. И всё же что-то мучило меня, сомнения одолевали. Решил я, что завтра, перед тем, как поеду на вокзал, возьму ключи и заскочу на дачу, проверю, всё ли там в порядке. Не дай бог, если что-то не так, скандала потом не оберёшься, особенно с тещей.

— А если б кто ключей хватился?

— Жена не хватилась бы. У меня в тот раз командировка короткая была. А вот теща... и впервые за весь наш разговор он как-то по-доброму, я бы даже сказал, ностальгически улыбнулся. — Теща у меня мировая, такую ещё поискать... анекдоты там всякие — это не про неё. Ну да ладно... Короче, беспокойно было на душе из-за дачи. И знаю, что съездить туда надо бы сегодня, а не завтра, но голова раскалывается,

слабость... Похмелиться бы, но терплю, так как в моём случае желательнее всё же перетерпеть.

День кое-как продержался, а к вечеру и вовсе как будто отлегло. Жену ещё с утра попросил, чтоб сумку с вещами пораньше собрала; она не хуже меня уже знала, что мне с собой в командировку брать.

Он опять потянулся было к стакану с остатками холодного чая, но передумал и вяло махнул рукой:

— Лучше бы не заезжал.

Уловив в моём взгляде вопрос, пояснил:

— На дачу лучше бы не заезжал. Хотя... как говорится, что Бог ни делает, всё к лучшему. На даче оказалось всё в порядке, калитка на замке, все двери заперты. Мне бы развернуться, да на вокзал... Нет, дёрнуло меня в дом зайти, посмотреть, закрыт ли погреб. Снаружи-то, в окна, не видно за занавесками. Ну, открыл дверь, зашёл. Погреб закрыт. Мне бы опять — повернуться и уйти. Но... надо же и погреб проверить, посмотреть, всё ли там в порядке.

Возможно, и смутило меня то, что очень аккуратно всё было. Вообще всё. Ну как бы это сказать... подозрительно хорошо прибрано, что ли. Не могло так быть, чтобы я после пьянки ничего не помнил, а на даче всё чин-чинарём.

— Может, тёща приходила и навела порядок, — сказал я.

— Нет! — он даже встрепенулся. — Она с тестем в санатории тогда была. Да теперь это и неважно. Короче, открыл я погреб. А крышка на петлях, откидная, жестянкой оббита, ну я её на подпорку деревянную, чтоб не опрокинулась и стелу не поцарапала. Полировка всё же... Но сначала я переноску в розетку воткнул, в погребе-то ни света, ни розетки. Лишь позже провели свет. Так вот, включил лампу и спускаюсь с ней в погреб. Ступеньки на две спустился...

Который раз он повздыхал и который раз горько усмехнулся:

— И что меня туда понесло — в этот погреб? Ума не приложу. Слестницы, если наклониться, и так всё видно было. Посмотреть бы мне, да вылезти. Не-ет, уж если пришёл, думаю, пустой не уйду, поллитровку, а возьму. Да что-нибудь из тёщиних маринадов. Я человек на самом деле не пьющий и не гурман, но в командировке всё это не помешает. Ведь правильно?

Я согласно кивнул.

— Спустился я, значит, в погреб. Взял пустую поллитровую бутылку, нашёл воронку — тёща до сих пор всё это в погребе хранит, — и стал из банки в бутылку спирт переливать. И тут мне очень странной показалась тишина. Оглушающая такая... Не знаю, может, такая тишина в вакууме

бывает, но ощущение у меня было... будто что-то на меня нависает, невидимое что-то. Ведь перед тем, как в погреб спуститься, я отчётливо слышал сильный шум ветра. Погода в тот день была омерзительная. Помню, когда по улице шёл, ветер так бил в лицо, что в ушах свистело. А возле дач он и вовсе по крышам громыхал. Ветки с деревьев срывал.

— Так в погребу, наверно, и не слышно...

— Нет-нет, — поспешно ответил он, — здесь было что-то другое. Я даже из погреба выглянул, тишина была страшная.

Он откинулся спиной к стенке и закрыл глаза. Но тут же их открыл.

— Мне вдруг захотелось вылезти из погреба и убежать.

С минуту мы молча смотрели друг на друга, как два заговорщика. Точнее сказать, со стороны это, возможно, и выглядело так. Но в отличие от него я, наверно, выглядел человеком, которого в этот заговор только что посвятили или должны были вот-вот посвятить.

— Не успел, — как-то тяжело выдохнул он, — из-за спирта этого, пропади он пропадом. Только на лестницу ступил, чтоб вылезти, как громыхнёт что-то сверху, аж уши заложило. Сначала ничего не понял. Лампа погасла, темно. Стою истуканом — переноска в одной руке, бутылка в другой. Постоял, постоял, надо, думаю, что-то делать. Пошарил перед собой рукой. Нашупал что-то вроде ниши, поставил туда бутылку, чтоб ненароком не задеть. Начал дёргать переноску, а она как зацепилась за что. Ну, думаю, или со шнуром что-то, или пробки выбило. Опять на лестницу встал, на нижнюю ступеньку, и рукой вверх... ладонью в крышку упираюсь, чтоб вверх её отбросить, а не получается, будто монолит сплошной сверху. Я сильнее давлю. Стал двумя руками, да ещё головой себе помогаю. Надавил что есть силы, а ступенька подо мной и обломилась. А всё ведь на ощупь... Не упал только чудом. Мог бы так сбалансировать, что все банки перебить и порезаться. Или напороться на что-нибудь. Ведь ничего не видно, ни щёлочки просвета... Сначала я подумал, что кто-то пошутил...

Прервав свой монолог, как мне показалось, на интересном месте, он осторожно покрутил головой по сторонам, как если бы у него затекла шея. От долгой неподвижности я тоже почувствовал неприятное ощущение в спине и лёгкую ломоту в пояснице и сменил позу.

— Да-а, — опять почти выдохнул он, приступая к рассказу. — Но надо что-то делать. А что? Начинаю соображать. В первую очередь — свет, без него что сделаешь?.. На переноску уже не рассчитываю. И тут я вспомнил: тёща в погребе иногда свечкой пользовалась. А если так, то и спички долж-

ны быть. Мне даже припомнилось, будто я на стеллаже видел спички. Начал искать. Погреб не очень тесный, но всё банками заставлено — и на полках банки, и на полу. А ещё капуста в ящиках, картошка свалена... У тётки на зиму запасы всегда большие, так я в картошку свалился, — что-то вроде усмешки промелькнуло на его лице. — На перегородку в темноте наткнулся, она невысокая, из досок, а я забыл о ней. Но хорошо, что в картошку, а не на ящики. За стеллажи-то ухватиться побоялся: не дай бог банки с полок полетят. Пришлось в картошку падать. Ну, думаю, приплыли: мне же в командировку, с людьми ехать, а как в таком виде?.. И злюсь на себя, и ругаюсь... — он махнул рукой, дескать, без толку.

— Но спички я всё же нашёл. И свечу, вернее, огарок, примерно такой, — он показал, каким приблизительно был огарок. — Но что есть, то есть. Я ведь думал, что быстро выберусь, наружу-то, а получилось... В общем, зажёл я свечу, смотрю: крышка погреба закрыта плотно, так плотно, что в том месте, где стык с полом, шнур зажало и как будто расплющило. Может, и перебило его тогда, я не знаю. Шнур снова дёргаю — не поддаётся, крышку стараюсь поднять — тоже не получается, упора хорошего нет. А высота погреба — метра два, если не больше. Смотрю, что бы под ноги поставить. Ящики из-под капусты? Так они — непрочная опора. Банки вовсе не годятся. Но главное — не пойму, почему стела упала, ведь, вроде бы, прочно стояла. И тут начинаю припоминать: когда мы пили, кто-то заметил, что стелу надо бы вертикально поставить, а то как-то нехорошо, что она в горизонтальном положении, портрет как-то не так смотрит, снизу, что ли...

В эту минуту я, стараясь незаметно зевнуть, прикрыл кулаком рот и изобразил что-то вроде покашливания. Он достал мобильник и посмотрел время.

— Может, в другой раз?..

— Другого раза может не быть, — ответил я.

Он заверил, что постарается быть кратким.

— В какой-то момент я начал осознавать, что оказался в ловушке: мысль, что могу не выбраться, привела меня в отчаяние. Ведь жена уверена, что я поехал в командировку, возможно, уже на вокзале. Если выяснится, что я никуда не уехал, то не раньше, чем через сутки. Но даже если выяснится, то где я? Где меня искать? Никто же не знает, что я в погребе. А тётка с тестем в санатории, и если даже раньше вернуться — не факт, что сразу на дачу явятся. Сезон-то уже не дачный, когда шёл, пусто кругом было, ни одной живой души. Кричи, не кричи, никто не услышит. Сотовых телефонов тогда ведь не было. Это сейчас, случись что, достал мобильник — и звони,

кому хочешь и куда хочешь. К тому же воздух такой... Когда погреб открыт, не замечаешь спёртости, а стоит немного побыть внутри, да ещё закупоренный, тут же все запахи и спёртость начинаешь ощущать. А я в погреб минут двадцать уже торчал. Да ещё свеча коптит, скоро, думаю, и вовсе дышать нечем будет. И свеча... на сколько её хватит?...

О командировке уже не думаю, лишь бы выбраться. Стал все шели проверять, сам толком ещё не зная, что хочу найти. Наверное, что-то вроде лома искал, железку какую-нибудь. И ведь нашёл! Монтировку. Или гвоздодёр — до сих пор не знаю, в чём их отличие. Между ящиками с капустой лежала. Нашёл и сразу же начал жестянку с крышки сдирать. Больше корёжил, конечно. Но с ней я недолго возился. Когда жестянку содрал, стал доски отдирать. А с ними уже пришлось поковыряться. В буквальном смысле. Во-первых, темно, при огарке-то, во-вторых, в глаза всё сыплется сверху-то, и, ко всему прочему, крышка двухслойная, из толстых досок, гвоздями сбита, наверное, больше сотни гвозди... — Он чему-то усмехнулся и продолжил: — Так я на гвоздь и напоролся щекой. Как его не заметил — не знаю. Торопился, наверно. Да и темно, при огарке-то...

Боли особой, вроде бы, не чувствовал, а кровь... некогда было на неё внимания обращать. Рану же решил чуть позже спиртом обработать. Словом, монтировкой орудую так, что щепки во все стороны... Лишь глаза шую, чтоб ничего в них не попало. Но на свечку поглядываю — успею до того, как догорит, или нет. Немного оставалось, когда она потухла...

Он умолк, и мне показалось, вернее, я каким-то шестым чувством ощутил, что в его рассказе наступает ответственный момент.

— Когда я отбивал первые доски, уже тогда у меня появилось некое предчувствие. Доски-то я выворачиваю, а мне почему-то не по себе. Особенно худо стало, когда не увидел проёма. То есть он, конечно, был, но гранит-то чёрный, вокруг темно. И на улице... тоже, наверное, стемнело, время-то я ещё чувствовал. Но странно другое: я боялся смотреть вверх, даже боялся прикоснуться к тому, что было сверху. И чем дольше я бездействовал, тем становилось невыносимее.

Не помню, сколько времени я так простоял в темноте — минуту, две, больше... Вспомнил про спички, я их в свой карман положил, чтобы не искать потом. Достал коробок, а у самого что-то вроде озноба, мурашки по телу. И руки... как не свои стали. И пальцы... Спичку хочу зажечь, а они не слушаются — или коробок выроню, или спичку... Словом, что-то странное со мной творилось. Когда же зажёл спичку, и поднял её над собой... — он говорил нервно, сбивчиво, с натугой, —

когда жёлтое пламя раздвинуло темноту, я увидел... или нет, правильное, наверное, будет сказать...

Он снова стал говорить сбивчиво, нервозно. Полез, было, за носовым платком, но передумал. Наконец овладев собой, на удивление ровным голосом произнёс:

— Когда я осветил вверх, на меня оттуда смотрела моя мать.

Он глядел на меня так, словно старался понять, верю я ему или нет. Признаюсь, ничего подобного я не ожидал услышать, а потому, чтобы ненароком не поставить его в неловкое положение, проронил самое нейтральное:

— Мистика...

— Или... или промысел?.. Божий промысел, — было непонятно, спрашивал он или утверждал. — На меня как будто бы из темноты смотрела мать, моя умершая мать. Представьте, вы держите зажжённую спичку и на вас сверху из темноты смотрит чьё-то лицо, и это — ваша умершая мать. Лишь когда спичка гаснет, всё исчезает. Но стоит зажечь спичку...

Я молчал, стараясь представить картину, только что описанную.

— Да, да, — заметил он мои сомнения, — с чёрного гранита на меня смотрела мать. Мне казалось, что она хочет что-то сказать. И это моё мучительное состояние длилось бесконечно долго. Признаюсь, мне было не по себе.

Не знаю, верил я ему или нет. В голову лезла всякая чушь о сверхъестественном, о неведомых силах, но я не исключал и другое...

— Наверное, думаете, если у меня был спирт... — он явно читал мои мысли. — Впрочем, я знал, что вы мне не поверите.

Он пальцами стал массировать свою переносицу, слегка надавливая на внутренние уголки глаз. Затем произнёс:

— Конечно, я выпил тогда. А что мне оставалось? В погребке, как вы понимаете, холодно, а я там провёл около двух суток. Так-то... — Он всё ещё читал в моём взгляде недоверие. — И, слава богу, что был спирт, а то бы... или с ума сошёл, или воспаление лёгких заработал. Да и дезинфекцию раны надо было сделать.

Я утвердительно кивнул, он же равнодушно махнул рукой:

— Впрочем, думайте, как хотите.

Было видно, как он устал. Мне тоже хотелось прилечь, и мы оба не скрывали этого. Но мне не терпелось узнать — чем всё закончилось.

Заметив это, он как-то снисходительно улыбнулся и, поднявшись из-за столика, видимо, собираясь ложиться, произнёс:

— Знаете ли... я никогда не считал себя сильно верующим человеком. Даже после того случая, о котором я вам расска-

зал, я, наверное, не стал таковым. Точнее, не то чтобы не стал, а просто не чувствую в себе такой сильной веры. И в церковь хожу редко. И то, если жена настоит. Но я искренне завидую людям, у которых есть такая вера, вера в Бога. Не стану сейчас углубляться, да и поздно уже, но одно скажу: Господь в той или иной мере указывает нам наши ошибки, чаще всего неявно и через посредников, реже — воочию.

— Понимаю...

— Ничего вы не понимаете, — сказал он с обезоруживающей прямоотой. — Разве можете вы представить... Нет, это трудно представить. И объяснить тоже трудно. Это надо увидеть, прочувствовать, пережить, это надо... — он пристально взглянул на меня.

Не знаю, что в эту минуту выражало моё лицо, но он, не закончив фразы, знакомым уже мне жестом махнул рукой, дескать, пустое всё, полез на верхнюю полку. Я тоже стал укладываться. Через пару минут я уже лежал, закинув руки за голову, и под мерный убоякивающий стук колёс старался уснуть.

— Вы спите? — услышал сверху его голос.

Повернувшись к нему лицом, дал понять, что не сплю.

— Я вам ещё кое-что не сказал, — свесив голову с полки, прошептал он. — Когда в погребке я находился... со мной и впрямь как будто что-то происходило. Мне казалось, что я слышу какие-то звуки, как будто хор где-то пел. Такое стройное пение хора... Не верите?

— Почему же... — совсем тихо откликнулся я.

— Мне на всю жизнь это врезалось в память. И представляете, не так давно я услышал это пение. Жена уговорила меня сходить с ней на вечернюю службу. Я днём-то редко хожу, а тут вечером... Словом, там, в церкви я услышал это пение. И решил узнать, что это. Оказывается, это были слова молитвы «Свете Тихий...» Представляете?..

Он умолк, а я, повернувшись к стене, закрыл глаза и вновь постарался уснуть.

— А знаете, кто меня нашёл тогда? — вновь донёлся его голос. — Жена. Ключей хватилась. Из командировки-то я не позвонил, она и догадалась. Кстати, она и на даче тогда порядок навела. А на могиле я крест поставил. Красивый. С хорошим портретом, на фотокерамике...

Он что-то ещё говорил, но я его уже не слышал.

ПЕТЬКА

— Слабо? — удерживая тяжёлый велосипед, глядя на меня в упор, спросил Петька. Велосипед был старый, с налётом

ржавчины на спицах. Цепь — тоже ржавая — скрипела. Даже руль, когда-то никелированный, поржавел.

— Слабó?! — повторил он.

Хорошо помню его лобастую голову, чуть скошенный чумазый рот; выгоревшие, цвета золотистой соломы, брови и ресницы, хитрый прищур синих глаз, пучком торчащие на макушке вихры. Его колени и локти в ссадинах и царапинах. Наши с ним матери — двоюродные сёстры, и Петька, соответственно, доводился мне троюродным братом.

Жил он с матерью и бабкой, без отца. Отец у него, конечно, был, но я его ни разу не видел. Слышал, будто бросил он их и где-то маклачил, в деревне почти не появлялся. Возможно, по этой причине Петька имел босяцкий вид: ходил в мятых грязных штанах и босиком.

В тот год я закончил второй класс. Почти весь июнь провёл в пионерском лагере, а в конце месяца матери неожиданно дали отпуск, и мы уехали в деревню, о которой я и понятия не имел.

Петька был моложе меня на год, но ему лишь предстояло идти в первый класс. По какой причине он отстал от своих ровесников, не знаю, но, похоже, это сказалось на наших с ним отношениях: сначала они были отнюдь не родственными. Петька не чувствовал себя младшим. Напротив, всем своим видом показывал старшинство, не собираясь уступать лидерства. Вёл себя заносчиво, не по годам серьёзно, что, наверно, было присуще многим деревенским мальчишкам.

В день нашего с матерью приезда я увидел его гонящим по деревенской улице на взрослом велосипеде. Коренастый, маленького роста, чтобы достать до педалей, он ставил правую ногу под раму и ездил кособочась.

— Из Москвы? — нарежая на велосипеде восьмёрки, спросил он.

— Из Москвы.

— В каком классе?

— В третий пойду.

— Давай за мной! — крикнул он вдруг и помчался по деревенской площади, скрипя педалями, распугивая кур и гусей. Я зачем-то побежал за ним, не взирая на призывы матери вернуться.

Петька гнал на окраину деревни, на большак, туда, где широкая пыльная дорога крутым уклоном убегала в поля, к горизонту, расплывающемуся в мареве полуденного зноя. Я бежал за ним. До тех пор, пока он не остановился возле самой крутизны.

— Слабо, — повторял он, глядя на меня в упор, явно провоцируя: струшу я или нет съехать с такой крутизны.

Сначала я решил, что смогу. Но чем дольше смотрел на уклон, тем больше одолевали сомнения. И хоть ростом я был выше Петьки, мне пришлось бы ехать тоже под рамой: способ для меня был не новый, но сам спуск казался опасен, можно было и шею свернуть.

— Это тебе слабо, — возразил я, надеясь перевести «стрелку» на Петьку.

— Тогда съедь, — сказал он. Это было вне всякой логики. Я даже растерялся: почему съехать должен именно я, а не он?

Возможно, мой дальний сродник меня хотел проверить «на вшивость», испытывал городского маменькиного сынка. Но самолюбие моё было задето. Вдобавок, облик Петьки, его конопатое лицо и наглость меня возмутили. И позицию он выбрал выигрышную: стоял с велосипедом на полшага выше, точно Наполеон, гордо поставив ногу на педаль.

Я перехватил у него руль. Петька, ухмыляясь, отдал мне велосипед. К своему ужасу я сразу ощутил его тяжесть и громоздкость; руль показался неудобным, а педали скользкими. И спуск стал вдвое круче, с колдобинами и рытвинами.

— Тебе хорошо, ты босиком, — сказал я, — а у меня сандалии скользят.

— Ты ихними. Или струсил?

Разумеется, струсил. Но мог ли я признаться, показать это Петьке, который даже не первоклашка. Ни за что! А если честно, я, наверное, не очень-то и трусил. Не потому, что смелый был, а потому, что до конца не осознавал последствий.

Сандалии, конечно, снимать не стал. Развернув велосипед, который тут же потащил меня под уклон, постепенно набирая скорость, я на ходу подлез под верхнюю перекладину рамы, успев поставить правую ногу на педаль.

Что я испытал в те мгновения, передать трудно. Мне даже крутить педали не пришлось. Колёса на колдобинах постоянно подпрыгивали и подошвы сандалий скользили. С нескольких метров велосипед так разогнался, что у меня дух захватило. Я даже не мог притормозить. Оставалось лишь крепко держать руль и надеяться на везение.

Каждое мгновение казалось последним: я уже не сомневался, что разобьюсь. Не проехав и полспуска, подняв облако пыли, я влетел в кювет и грохнулся оземь. Некоторое время лежал головой вниз, не в силах подняться, придавленный велосипедом. Каким уж образом вывернутый руль оказался в ногах, а заднее вращающееся колесо возле моего лица, не знаю. Но Петька уже был тут как тут, помогал мне подняться. В его глазах было что-то вроде восхищения. Ещё бы! Ведь я решился, пусть и на безрассудный, но поступок. Петька

позже признался, что сам с этого спуска не съезжал. И никто из деревенских — тоже, полагая, что эта затея — пустое лихачество, дурость.

Его признание меня огорошило. С одной стороны, я вроде бы не струсил, проявил смелость, и если не убился, не считая ушибленного колена и ссадин, то по чистой случайности. С другой стороны получалось, что выставил я себя круглым идиотом, недоумком: вырасти вырос, а ума не вынес.

Петьке, конечно, в тот день влетело за подстрекательство. Тётя Нюра, мать Петькина, маленькая, двужильная, отлупила его за милую душу. Он держался стойко, терпел, не плакал. Я как пострадавший отделался легко. Но правое колено сильно опухло и ныло. К вечеру у меня поднялась температура. Больше всего я досадовал на Петьку: от брата, хоть и троюродного, такого подвоха я не ожидал. Да ещё ухмылки его... Получалось, что он умнее меня, а я так... олух царя небесного, и впрямь — летами ушёл, а умом не дошёл.

Вечером тётя Нюра привела старушку-фельдшера. Та сказала, что у меня сильный ушиб. Старушка смазала колено вонючей мазью, наложила компресс, сверху обмотав ногу шерстяным платком. Колено жарилось, точно в печке. Ходить, а тем более бегать, мне запретили. Но разве удержишься, когда Петька насмехается, дураком меня выставляет? Нет, конечно.

Я понимал: ему влетело не совсем заслуженно, но не считал это поводом насмехаться. И на следующий день я гонялся за ним по двору, словно раненый в ногу пехотинец, не покинувший поле боя. Петька, пользуясь моей немощью, дразнился, а я впадал в неистовство, потому что не мог его поймать. В тот день он стал для меня врагом номер один.

Всякий раз, сооротив мне рожицу, он подпускал меня к себе. А когда я оказывался совсем рядом, срывался с места и убежал. Так продолжалось довольно долго. Я уже отчаялся с ним поквитаться. Но Петькина мать, вернувшись с фермы, так отлупила его, что он долго потирал ягодицы и не мог присесть. Надо отдать ему должное, и на этот раз он не ревел.

Весь следующий день я смиренно пролежал на Петькиной пуховой перине — с нашим приездом он спал на запечье или сеновале — под ситцевым лёгким одеялом, сшитым из разноцветных лоскутов. Признаюсь, мне нравились и ранние разбудки петухов, и доносившееся бляение овец; похрюкивание поросят и кудахтанье кур, когда тётя Нюра заходила в курятник за яйцами. Даже мычание коровы, которую по утрам выгоняли, стало привычно умиротворённым. Уют и покой был в белой пятистенной избе под соломенной крышей,

шёл от земляного прохладного пола, от ухватов и кочерги, от печи с чугунами, в которых что-то варилось.

Иногда я тихонько вставал с кровати, ковлял к широкой тёсовой лавке, что находилась под небольшим оконцем, и смотрел на деревенскую улицу. Сидя так на лавке и поглядывая в окно, я увидел двух мальчишек, верхом скачущих на каурых лошадях. Это было ближе к вечеру. Они гнали маленький табун, голов десять, той же масти, через деревенскую пустошь к окраине, туда, где серебрилось клеверное поле. В одном из мальчишек я узнал Петьку. Как же я ему завидовал! Завидовал и злился: ведь из-за него я сидел дома.

Вечером, когда мне накладывали свежий компресс, стало видно, что опухоль заметно спала. Через день я уже мог сносно ходить, правда, на что-нибудь опираясь. Шатался по разным закуткам, выходил на улицу, где было не так скучно и одиноко. Петька перестал глядеть на меня с ухмылочкой. Даже удивил: принёс большую кружку земляники, такой спелой и душистой, какой я и не пробовал никогда.

— Ты её с молоком, — предложил он.

Я так и делал: смаковал землянику, запивая молоком, которое тётя Нюра ещё с вечера сцедила сквозь марлю в жестяное ведро.

— Ходить можешь? — спросил он.

— Не очень. А что?

— Пойдём со мной.

Обиду на него я уже не держал, но осадок недоверия остался.

— Пойдём, я тебе помогу, — потянул он за рукав. — Ты это никогда не видел.

Я отстранил руку:

— Куда?

— Ты видел, как курам головы рубят?

— Нет.

— Тогда пойдём.

Вышли в сени. Через хлев Петька повёл меня на задний двор, на огород. Я ковлял рядом, опираясь на что придётся, иногда на Петькино плечо, стараясь не наступать на скользкий куриный помёт, на ошмётки от навоза, на какие-то нечистоты и репейник, который почему-то оказывался именно под моими ногами.

Тётя Нюра, всегда расторопная, чуть суетливая, рано состарившаяся, обутая в резиновые сапоги, уже держала в руках пойманную только что курицу.

— Где тебя носит? — бросила она в сердцах сыну, но, увидав меня, смягчилась. — А ну, подсоби, — сказала спокойнее.

Петька ловко перехватил курицу, крепко сдавив ей цевки с крыльями к подгрудку, и ткнул клювом в деревянный отрубочек, на котором обычно колот чурбаны. Тётя Нюра слегка оттянула голову птицы и тюкнула по ней топором: тюк. Я вздрогнул. Петька же улыбался, поглядывал то на меня, то на безголовую курицу с обнажившимся чуть шейным позвонком, откуда, как из спринцовки, брызнула кровь. Но вдруг — нарочно ли, случайно — он выпустил курицу. Наверное, всё-таки нарочно: мне показалось, он её слегка подбросил вверх. Лихорадочно хлопая крыльями, разбрызгивая кровь, птица понеслась по грядкам, забарахталась в кустах смородины и малины. Добежав до подсолнухов, что росли отдельным островком, она кинулась в сторону и скрылась в высокой крапиве. Петька сломя голову бросился за ней.

Всё произошло так внезапно, быстро, что я забыл о боли в ноге. Лишь стоял и наблюдал за происходящим, прислонившись к старой разбитой телеге, в которой находились пустые молочные бидоны, накрытые тряпьем. Через минуту из крапивы, вопреки всем законам природы, снова выпорхнула безголовая курица. Не сразу я сообразил, что Петька её вновь подбросил. Птица всё ещё хлопала крыльями, хотя жизненные силы её были на исходе. Очувтившись на земле, «ощутив» твёрдую почву, она метнулась в мою сторону. Я неловко отступил и споткнулся о длинную оглоблю телеги, лежащую наперекос, одним концом в навозной куче. И, снова ударившись травмированным коленом, вскрикнул от боли. Улыбка моментально сошла с Петькиного лица: и я, и он поняли, что его ждёт очередная порка. И правда: его в третий раз выпороли. Но и тут он не плакал, даже звука не издал. Выдержка у него была железная! Я даже позавидовал.

Моё колено опухло больше прежнего. Снова мне пришлось лежать под ситцевым одеялом из разноцветных лоскутов и утешать себя тем, что Петька наказан. И хоть он не ревел, я знал, ему было очень больно. А под вечер, как ни в чём не бывало, он скакал на кауром жеребце, перегоняя через деревенскую пустошь маленький табун на клеверное поле. И снова я ему завидовал. Завидовал и злился.

На следующий день он вновь принёс мне полную кружку спелой земляники. Я и не удивился, принял как должное. И пока уплетал ягоды, прихлёбывая молоко, Петька сидел рядом и озорно шурился: ему, видно, это доставляло удовольствие. Я отсыпал ему горсть, чтобы он тоже попробовал. Он поморщился, почесал лодыжку и отказался.

— Почему? — удивился я.

— Не люблю, — ответил он не очень убедительно.

Я не стал задумываться, почему он не любит землянику. И чего думать, если, сколько её ни ешь, всё мало.

— Дело у меня к тебе, — интригуяще произнёс он.

Я насторожился: все «дела», им предлагаемые, до сих пор выходили мне боком, а точнее, ушибленным коленом. Но любопытство распирало. Так что колебался я недолго. К тому же ударился второй раз по собственной неосмотрительности. Да и выпустил Петька обезглавленную курицу для моего же удовольствия, меня удивить. Что же касается падения с велосипеда, так мы с мальчишками и не такое проделывали. Кого винить, так нас обоих. Примерно так я рассуждал.

Словом, узнав, что у него дело ко мне, я обрадовался, даже подумал — не на лошадях ли кататься. Но ошибся.

— Рыбалку любишь? — спросил он.

— Ещё бы! — ответил я, не раздумывая, не без некоторого разочарования: скакать верхом на лошади казалось куда интереснее. Рыбалка, конечно, тоже неплохо, но я ни разу в жизни не ловил рыбу (как, впрочем, представления не имел о верховой езде), а если ловил, то исключительно головастики. Видеть же, как рыбачат другие, видел. Мне казалось, что это просто: насаживай червя на крючок и забрасывай удочку. Вот и всё.

— Где ловить-то? — В деревне я не заметил ни одного водоёма, не считая неглубокой запруды, где плавали гуси и утки, да местная детвора в сильную жару иногда бултыхалась. Но там никто рыбу не ловил. Значит, рыбалка предстояла где-то за пределами мне дозволенных границ, и, следовательно, с Петькой меня уж точно не пустили бы.

Это обстоятельство меня несколько остудило. Но и подстегнуло: теперь я готов был с Петькой хоть на край света, хоть в разведку, в «тыл к фрицам брать языка». Когда я ему в этом признался, он сказал, что не всё так просто:

— На обычную наживку у нас рыба не клюёт. Наши пробовали на червя и хлеб, так, мелочь одна попадается.

— Что же делать?

— Особенная наживка нужна.

— У нас на мотыля ещё ловят, — показал я свою осведомлённость.

— Его пока намоешь, рыбачить расхочется, — возразил Петька. — И не люблю я на мотыля.

— Тогда не знаю, — пожал я плечами.

— Опарыши нужны, — вперился он в меня, словно рентгеном.

— Толково придумано, — с видом бывалого рыболова, выдержал я его взгляд. — Да где их взять? — сделал я такую скорбную физиономию, так грустно вздохнул, будто всю

жизнь только и занимался что опарышами, хотя не имел о них ни малейшего представления. Даже слова такого никогда не слышал.

— Я знаю где, — заговорщицки подмигнул Петька.

— Где?

— Погреб в саду видел, земляной?

— С амбарным замком?

— Он самый. Мать соленья в нём всякие держит. А вчера отнесла туда полное ведро освежеванной говядины. Кум материн, он через двор живёт, корову вчера резал. Она старая была, корова, боялись, что сдохнет, вот и зарезали.

Я внимательно слушал Петьку, не догадываясь, к чему он клонит. Замолчав, он снова вперил в меня свои небесные зрачки, но смотрел теперь не в глаза, а как будто на мою переносицу. Я почувствовал — от меня что-то требуется, что-то такое, отчего затея с рыбалкой показалась вдруг сомнительной, такой же авантюрной, как провокация с велосипедом и Петькиной выходкой с обезглавленной курицей. Но больше всего озадачивало неведение: я не мог найти связь между опарышами и зарезанной коровой. Петька же молчал, по-прежнему уставившись в мою переносицу. Он так долго её разглядывал, что она зачесалась. И когда я поскрёб ногтем, он рассмеялся.

— Ты чего? — не понял я.

— Примета такая.

— Какая?

— Если зачесалось, значит, сбудется задуманное. Ну так что?

— Что что?.. — он вовсе сбил меня с толку.

— Хорошая идея?

Я не знал, что на это сказать, и терялся. Петька же держался уверенно, нагло, чувствовал себя лидером. С таким положением вещей мириться вовсе не хотелось, но я ничего не мог с этим поделать: у него явно была предрасположенность к авантюрам и лидерству. Не зря же моя мать говорила: «Видно, он о двух головах». Спасовать же перед Петькой я не хотел.

— Идея хорошая, — с тем же видом бывалого рыболова ответил я. — Но как её осуществить?

— У меня есть план. Важно, чтоб ты был согласен. Ты согласен?

В эту минуту я понял, что снова попался на крючок. Как глупая рыба. С той лишь разницей, что не знал, какую наживку заглотил. И хотя интуиция подсказывала, что Петькина затея «дурно пахнет», — как потом оказалось, в буквальном смысле, — и тянет, минимум, на розги, отступить было нельзя. Идти же на поводу — тем более.

— Всыпят, — привёл я, как мне казалось, веский аргумент. — И тебе всыпят, и мне. Тебе в первую очередь: ты здоровый, а я — вон какой...

И тут Петька дрогнул: я заметил это по его блеску в глазах. Значит, действительно, затея опасная. Но насколько? Колебался он недолго.

— Если что, всё беру на себя, — решительно заявил он.

Теперь заколебался я. Хотелось узнать: что подразумевалось под словом «всё», какие грехи в будущем обязывался взять на себя Петька. Ведь как бы то ни было, но всякий раз первым пострадавшим оказывался именно я, а не он. Конечно, авантюры ему тоже выходили боком, но и сходили, как с гуся вода. У меня же неделю болело колено, и я всё ещё хромал.

Отмалчиваться тоже было нельзя: он мог заподозрить меня в трусости. С плохим предчувствием, ещё не зная, что от меня требуется, я согласился. И Петька открыл план.

Как только его мать пойдёт в погреб, я должен находиться неподалёку, и когда она откроет дверь погреба, закричать, будто упал и сильно ударился. Хотя бы тем же коленом. Тётя Нюра непременно кинется ко мне, оставив дверь погреба незапертой. Всё будет зависеть от того, насколько убедительно я буду притворяться. Остальную часть плана Петька брал на себя.

— Ты-то что будешь делать? — спросил я.

— А ты не знаешь... — усмехнулся он.

— А ты быстро всё сделаешь? — понимающе кивнул я, ничего не понимая.

— Погреб у нас глубокий, — сказал Петька. — И ступеньки... шею сломать можно. Но постараюсь быстро управиться. Спички только бы не забыть.

— И много их там?

— Чего? — посмотрел на меня Петька так пристально, словно что-то заподозрил.

Я чуть было не сказал «опарышей», но вовремя сообразил: наверное, снова сработала интуиция:

— Ступенек?

— Штук сто, — не задумываясь, сказал он и тут же слегка покраснел: я понял, он не умеет считать, а если и умеет, то очень плохо и вряд ли до ста.

— Что ты на меня уставился? — нахмурился он, догадавшись, что я его «раскусил». — У нас погреб глубокий. В самую сильную жару там молоко в лёд превращается.

— Врёшь!

— Не в лёд, так всё равно — выпьешь, и ангину схватишь. Насчёт ангины я поверил.

К осуществлению плана приступили не мешкая, начали караулить Петькину мать на заднем дворе. Захватив для отвода глаз книгу, я забрался на развалину-телегу, что стояла под развесистой корявой яблоней в тени, о чью оглоблю споткнулся, и улёгся между молочными бидонами на тряпье. Петька спрятался в подсолнухах, иногда выглядывая оттуда, почёсываясь и отмахиваясь от мух и комаров. Изредка куда-то бегал, наверное, в разведку. Я уже задремал, как вдруг услышал под собой голос:

— Идёт. — Его большая голова, с пучком волос на макушке, торчала из-под телеги. — Если откроет дверь погреба, делай, как договорились: громче кричи. — И он скрылся за земляным скатом погреба, нырнув в подсолнухи.

В ту же минуту появилась тётя Нюра в резиновых сапогах и запачканном переднике, поверх которого была надета лёгкая фуфайка. Я приготовился. Но когда она открыла замок, растерялся и не знал, как себя вести дальше, что делать. Ни о чём, разумеется, не догадываясь, она спустилась в погреб. Петька выглянул из подсолнухов, пригрозил мне кулаком и скрылся.

Осторожно, стараясь придерживать правое перевязанное колено, я стал слезать с телеги. И когда поставил левую ногу на обод деревянного колеса, кто-то сильно потрянул всю эту рухлядь. Под днищем что-то подломилось: возможно, не выдержала подгнившая ось. Скрипнув, телега накренилась на бок. Молочные бидоны опрокинулись, а один — на моё незажившее колено. Я взвыл от боли. Видимо, так громко, что на крик прибежала Петькина мать, оставив погреб открытым. Ещё я успел заметить, как кто-то прошмыгнул в погреб. Конечно, это был Петька. И телегу потрянул он. Я выдал бы его с потрохами, но, во-первых, у нас была с ним договорённость, а во-вторых, он и впрямь подумал, что я притворяюсь: во время обеда он весь сиял и загадочно мне подмигивал, дескать, всё отлично.

Его восторженность меня подкупила: я ему решил не говорить, что ударился вовсе не понарошку, а взаправду.

— Всё в порядке? — когда мы остались одни, спросил я.

— В порядке. Теперь будут опарыши. Во-от такие!.. — оттопырил он пухлый мизинец. — Ухи нава-арим!..

Остаток дня прошёл без приключений. Впрочем, с больной ногой не очень-то побегаешь. Петька мне тоже порядком поднадоел с дурацкими своими проектами. Но ещё через день я не вытерпел, стал к нему приставать, чтобы он показал мне опарышей: очень уж хотелось узнать — что это за вещь такая — опарыши.

— Рано ещё, — отвечал он. — Лучше давай удочки для тебя срежем. У меня-то есть.

Битый час, прихрамывая, таскался я за ним, отыскивая среди ивовых веток ровные и длинные, пригодные для удилица. Леска, грузила и крючки в наличии имелись, а вот поплавок не было. Но Петька и тут нашёлся: сделал поплавки из гусиных перьев.

Наконец моё терпение иссякло. Мне казалось, будто Петька что-то утаивает. И это после того, что я для него сделал! Я уже не просил, а требовал показать опарышей.

— Они ещё маленькие, — ответил он, чем окончательно сбил меня с толку.

— Всё равно покажи!

— Потерпи хоть до завтра.

До завтра, так до завтра.

Ещё до первых петухов я заглянул на запечье, на Петькину лежанку, и разбудил его.

— Показывай.

— Что? — не понял он спросонья, протирая заспанные глаза.

— Опарышей показывай.

— Тсс!.. — прислонил он палец к моим губам: поблизости спали его мать и бабка.

Он слез с печи и тихо, на цыпочках подкрался к двери. Я за ним. Юркнули в сени и прошли в хлев, потревожив дремавшую скотину. Петька ухватил высокую деревянную лестницу, находившуюся здесь же, и приставил её к чердачному отверстию сеновала. Полез первым. Приподнял макушкой крышку — квадратный деревянный щит — осторожно, чтобы не опрокинуть и не греметь, опустил его с той стороны. Следом, стараясь не сгибать перевязанную ногу, точно на протезе, полез я.

Кроме привычных запахов прелого сена, птичьего помёта и пыли на сеновале пахло чем-то протухшим. Петька прополз на четвереньках под нижнюю часть кровли, к угловому венцу, и окликнул меня. Я последовал его примеру. Неприятный запах усилился. В ворохе сена была спрятана большая дюралевая кастрюля, деформированная, словно по ней били молотком. Она была накрыта куском фанеры, придавленной булыжником.

Петька убрал булыжник и снял фанеру. В нос шибануло тухлятиной. В кастрюле находился большой, успевший превратиться в почерневшее месиво, шматок мяса, в котором копошились белые жирные червячки. Я поморщился, стараясь не дышать носом, по возможности задерживая воздух в лёгких. Довольный же Петька с улыбкой до ушей сказал, что ждать осталось день-два — и опарыши станут очень крупными, и можно будет идти на рыбалку.

Я смотрел на копошащуюся в смрадном месиве живность — белых червячков, питающихся гнилью, смотрел на этих самых опарышей и представлял, как тётя Нюра берёт ремень или смоченные в воде розги и лупит Петьку как сидорову козу по голой заднице, поставив его на четвереньки, зажав его большую голову между ног. По моим скромным прикидкам Петька утащил говядины килограмма два, а то и больше. Признаюсь, рыбалка мне вдруг представилась неосуществимой мечтой.

— Зачем столько мяса украл? — спросил я, когда спустились с сеновала. — Всыпят же.

По Петькиному вздоху я понял: он не сомневался, что ему всыпят.

— А мне как сообщнику, — добавил я из-за солидарности, давая понять, что готов разделить с ним горькую участь. С мясом в деревне было трудно, наши матери только об этом и говорили.

— Там все куски такие были, — с обречённостью произнёс он.

Что сделано, то сделано, говядину не вернёшь.

Утром мы снова пошли на сеновал. Петька подлез к чердачному проёму, приподнял макушкой лазник, и тотчас его опустил.

— Что? — спросил я.

Он хлопал носом, выражая всем своим видом отвращение.

— Пахнет?

— Ещё как! Сам поднимись, — уступил он мне лестницу.

Стараясь меньше опираться на больную ногу, я поднялся и тоже макушкой приподнял западную. В нос сразушибануло смрадом и меня чуть не стошнило.

— Что делать будем? — спросил я, осторожно спустившись.

— Что-что... — дёргал носом Петька. — Думать надо.

— Скоро весь дом провоняет.

— Тогда точно всыпят, мало не покажется.

Он так говорил, будто во всём виноват я.

— Ты затеял, ты и думай, — обиделся я.

— Надо вынести кастрюлю на задний двор, к навозной куче, — предложил он.

— А потом?

— Затем принести холодной воды и налить в кастрюлю. Опарыши всплывут, и мы их сачком выловим. К тому же вода запах отобьёт.

— А не проще наоборот: сначала воды, а потом кастрюлю.

— Не проще, на лестнице можно расплескать.

Стали думать. И тут Петька шлёпнул себя ладонью по лбу:

— Знаю, что делать!

Он выбежал в сени, некоторое время чем-то гремел, что-то искал. Вскоре вернулся с противогазовой сумкой, заплесневевшей и замасленной, из которой торчали соединительная трубка и шлем-маска. Противогаз был очень старый, скорее всего, довоенных лет, но мы тогда в этом не смыслили.

— А он работает? — спросил я, сомневаясь в его исправности.

— Конечно работает, — уверенно сказал Петька. Сказал так, что сомнения мои не рассеялись, а напротив, усилились. Впрочем, меня это не очень и волновало: лично я противогаз надевать не собирался.

Перекинув лямку сумки через голову, Петька повесил противогаз сбоку. Со знанием дела, словно что-то в этом понимал, проверил противогазовую коробку — в порядке ли. Щёлкнул ногтем по стеклу очков и зачем-то покрутил клапанную коробку.

— Ну, я полез, — произнёс он и взялся рукой за перекладину.

— Маску-то надень, — напомнил я, полагая, что удобнее надевать её здесь, чем на лестнице.

Тут до него как будто дошло, что необходимо надеть маску. Он снова шлёпнул себя ладонью по лбу, дескать, забыл, и стал натягивать противогаз. Он его прилаживал и так, и сяк, пробовал надеть с подбородка и с макушки, но лишь тужился и сопел. На его голову шлем явно не лез.

— Голова большая, — сдуру ляпнул я.

— Размер не мой, — согласился он. — У тебя какой размер?

Ещё не догадываясь, к чему он клонит, я ответил, что не знаю.

— Может, на твою голову попробуем?

Я согласился. Петька снял с себя сумку и отдал мне. Я перекинул лямку через голову.

— Давай помогу, — предложил он. И, не дожидаясь, помог мне натянуть шлем. С Петькиной помощью на мою голову противогаз налез быстро.

— Как? — спросил он.

— Нормально, — ответил я, не сообразив, что он меня плохо слышит, что слова мои невнятны, что-то вроде: бу-бу-бу...

— Тогда ты полезай, — сказал он, — я буду здесь ждать. Принесёшь мне кастрюлю, а я отнесу её во двор.

Жаль, что Петька не видел под маской моего лица: в ту минуту я его ненавидел лютой ненавистью.

— Не хочешь, не надо, — заметил он мою нерешительность.

Разумеется, лезть за опарышами пришлось мне.

В противогазе было душно и трудно дышать. И он вовсе не защищал от посторонних запахов. Стёкла очков быстро за-

потели, и все предметы были как в тумане. Глаза пощипывало от пота.

По примеру Петьки я макушкой приподнял деревянный щит и в тот же миг почувствовал страшную вонь. Задерживая дыхание, забрался на сеновал и почти на ощупь поковылял за кастрюлей.

Трудно передать, с каким отвращением нёс я опарышей Петьке. Но его на месте не оказалось. Внизу, у лестницы, стояла тётя Нюра и ждала, когда я спущусь. Кажется, она нисколько не удивилась. Я стал медленно спускаться. Но омерзительный запах сделал своё дело: оступившись, я выронил кастрюлю и свалился с предпоследней ступеньки, лишь чудом не свернув себе шею.

Наверное, вся деревня слышала, как тётя Нюра охаживала Петьку сыромятной, сложенной вчетверо, помочей. Он держался стойко, как пионер-герой, попавший к фашистам в плен, даже не хныкнул ни разу.

Протухшее мясо с опарышами выбросили в запруду. Гуси и утки были довольны. И рыба, если таковая там водилась. Самого Петьку я увидел на следующий день: на нём лица не было. Войдя в избу, он молча протянул мне кружку с земляничкой и как-то бочком, поджав под себя ноги, полуприлёт на широкую лавку и уставился в окно. И смотрел долго, почти до сумерек. Предзакатное небо только-только начинало разгораться, полыхать оранжево-красным. Я подсел к Петьке и тоже стал смотреть в окно. По деревенской пустоши двое пареньков верхом на каурых лошадях погоняли уже знакомый табун. Один из них, отстав, свернул в нашу сторону и, промчавшись галопом мимо избы, придержав лошадь, развернул её и резко натянул повод. Заржав, конь встал на дыбы. Петька вскочил с лавки. Мальчишка, крикнув что-то в нашу сторону, хлётко ударил по крупу лошади рукой и помчался к клеверному полю догонять табун, проделав широкую дугу.

— Слабо?! — не удержался я, припомнив Петьке и велосипед, и курицу с отрубленной головой, и опарышей. А он, не обращая на меня внимания, словно прилип к стеклу:

— Зачем так-то? Она же несёдланая, попонку бы подложил. И некованая. Ей же больно, я знаю...

Только теперь я заметил: лошадь, на которой мимо нас проскакал мальчишка, была под седлом. По Петькиной щеке катилась крупная слеза. Я догадался: это была его лошадь, вернее, колхозная, но для Петьки это не имело значения. В следующую минуту слёзы уже обильно текли по его щекам.

Вскоре мы уехали.

Прошло много лет. Изменился мир, изменились люди. Сменились ценности. Что когда-то было непреложным, стало ущербным. И наоборот. В деревне я с тех пор не был, а после развала страны полагал, что, как большинство других, она разорилась или вовсе сгнула. Но представился случай.

Родственница по материнской линии, старая и слабая здоровьем, упростила меня отвезти её в ту деревню.

— Может, последний разочек. А то и не доведётся боле. За бензин не переживай, деньги-то у меня есть.

Ездил она туда каждое лето: поездом, а затем автобусом или попуткой. Теперь испугалась, что своим ходом сил не хватит добраться. Пришлось её везти на машине.

Выехали мы рано утром и были на месте ещё засветло. Деревня заметно изменилась, и если б не моя родственница, мы проскочили б мимо Петькиного дома.

Когда вышли из машины, две старушки, сидевшие на низенькой скамейке у калитки, поднялись навстречу. Только тогда в одной из них — сухенькой и сторбившейся — я с трудом узнал тётю Нюру

Она меня тоже признала не сразу, долго разглядывала слезящимися прищуренными глазками. А когда, наконец, вспомнила, долго покачивала маленькой с морщинистым лицом головкой.

— Петеньку-то помнишь? — спросила она таким тоненьким голоском, что ком подкатил к горлу. Сам не знаю, почему. Наверное, потому что в общих чертах слышал кое-что о Петьке.

— Помню, тётя Нюра, — ответил я.

— Схоронила я Петеньку. Давно уже. Сама вот живу, а его схоронила.

Ночевать я остался в деревне, решив ехать с рассветом. Но отъезд пришлось отсрочить: утром, часов в девять, тётя Нюра повела меня на кладбище. Пока шли, она мне поведала вот что.

Пётр, закончив школу, остался работать в колхозе, который к тому времени благоденствовал, даже закупил племенных лошадей. Затем Петра в армию взяли, был в Афганистане.

— Повезло ему, — рассказывала тётя Нюра, — живым вернулся, даже не ранило. Устроился в колхозе работать, вроде как помощником конюшего. Женился. Сноха хорошая, из нашей деревни. Детки родились — двое: первым мальчик, после уж девочка. Жили в достатке, жаловаться грех. Затем перестройка эта... После и вовсе не поймёшь что. Когда делёжка началась, землю колхозную и лошадей Витёк к рукам прибрал, сын нашего председателя. Да какая там аренда... на словах лишь — аренда. Петенька у Витька этого при лоша-

дах был. Тот его, конечно, не обижал, платил справно. Но люди Витька не даже любили. А кто и вовсе — открыто зло копил. Сказывали, что ему записки с угрозами были. И где-то к Успению полыхнула ночью конюшня. Да так полыхнула, за много вёрст видать было. Вся деревня сбежалась. Но никто палец о палец не ударил. Один Петенька кинулся к лошадям. Он же за них в ответе. Да хошь и не в ответе, лошади ему что детки малые... Их уберёт, а сам... Я-то когда прибегла, он живой ещё был. Волосы на себе рвала, да бабы меня всёрно не пустили, боялись за меня. По земле Петенька шибко катался... обгорелый-то. Не кричал, нет. Будто мыкнет, как тёлочка наша, и застонет... Боль-то какую терпел. Он у меня всегда терпеливым был.

Пришли на кладбище.

— Вот его могилка, — подошла тётя Нюра к резной чёрной оgrade, перекрестилась и промокнула кончиком платка невольно выступившие из глаз слёзы.

— А Витёк деньги-то дал... Петеньку похоронить. Всё людски. И гроб хороший, и памятник, и крест на могилке...

Здесь уж я не выдержал и отвернулся. Смотрел на холмик, заросший травой и цветами, среди которых увидел крупные багровые вкрапины. Это была земляника. Она была такая спелая, сочная, что невольно притягивала взгляд. То ли заметив что-то или угадав мои мысли, тётя Нюра сказала:

— Землянику очень любил, Петенька-то мой. Помнишь, он и тебя земляничкой всё угощал, — и махнула сухенькой ручкой: — Забыл небось.

Не забыл, тётя Нюр, ничего не забыл, хотелось сказать. Но не мог. В ту минуту не мог.

МНЕ ХОРОШО С НИМИ, МАМА...

Вот уже полгода, как Виктор Краюхин слёг — отнялись ноги. Он давно страдал суставами, но всё же, хоть через силу, а выходил на улицу, заставляя себя немного пройти. По утрам выгуливал дворняжку Чуню, которую лет пятнадцать тому подобрал возле мусорных баков ещё крохотным щенком. Дворняга — такая уж, видать, уродилась — так и осталась мелкой, низкорослой, как какой-нибудь карликовый шпиц, если его очень коротко остричь. С тех пор Чуня являлась полноправным членом семьи, «хозяйничала» в двухкомнатной малогабаритке наравне с Виктором и его матерью — кроткой старушкой, которой давно перевалило за восемьдесят.

Самому Виктору — под шестьдесят. От природы моложавый, с худым лицом и таким же худым телом, с белёсо-голу-

быми глазами, как у ребёнка, которые от пристрастия к «зелёному змию» потускнели, — он заметно и как-то резко постарел. До пенсии ему совсем немного, какие-то месяцы. Когда он попал под сокращение, потерял работу (ноги уже тогда плохо слушались), и материнских крох едва стало хватать на квартплату да на хлеб с молоком, старушка долго упрашивала сына, чтобы тот оформил себе пенсию — по инвалидности. Но из-за лени ли, по какой ли другой причине, Виктор лишь отмахивался да отнекивался: дескать, инвалидность ещё получить надо. И дадут ли её? А лишний раз по врачам бегать, справки собирать... это ж такая канитель!.. И стаж у него... смешно сказать.

Словом, сидел на шее у матери который год и ждал чего-то, а чего — одному Богу известно. О каких-либо переменах к лучшему в своей жизни даже не мечтал, о бывшей жене не вспоминал, о детях... С тех пор, как последний раз виделся с ними, столько времени прошло, что и не знает, где они, как?.. В общем, как жил раньше — шиворот-навыворот, никчёмно, так и теперь... О таких ещё говорят: на голове густо, а в голове пусто.

Ныне, в аккурат на Великий пост, и вовсе слёг из-за ног. Ко всему прочему у него внутри что-то стало шалить: то желудок прихватит, то ещё что-то, а то и сердце сожмёт так, что ни шевельнуться, ни крикнуть.

В последнюю, Страстную неделю, Виктору стали сниться родственники и всё почему-то покойники. Со вторника на среду, например, приснились ему отец и старший брат Михаил, погибший ещё в Афганскую. Позавчера — тётка с мужем и ещё кто-то, умершие много лет назад. В эту ночь — шурин Андрей, офицер-подводник с Дальнего Востока, от белокровия скончался. Виктор видел шурина всего лишь один раз на своей свадьбе, а вот надо же — приснился.

Сестра Валя тоже приснилась — опухоль головного мозга у неё врачи обнаружили, но поздно. Бедная, страшно мучилась она перед смертью.

Если всех перечислять, немалый список получится. Вот почему в ночь со среды на четверг сон был как бы особенный, даже старушка-мать это заметила, ибо проснулся он в этот раз несколько возбуждённый.

- Витя, что это ты?
- А что?
- Да улыбаешься.
- Так, мам, ничего...
- Небось, опять наших видел?

На вопрос матери Виктор и впрямь — лишь улыбается:

значит, видел. Но улыбается той блаженной улыбкой, которая радует и пугает одновременно.

— Не нравятся мне твои сны, сынок, — покачивает головой мать.

— Мне хорошо с ними, мам...

— С покойниками-то?..

Сын молчит. Да и надо ли что-то объяснять, вроде бы и так всё ясно.

— Что хоть на этот раз?.. — любопытствует она.

Виктор, облокотившись на руку, приподнимается, стараясь сдвинуть две большие подушки так, чтобы можно было принять полусидячее положение, откинувшись на них спиной. Мать ему помогает, поправляя сбившуюся простынь и одеяло. Здесь же, виляя хвостом, крутится у неё под ногами Чуня, стараясь запрыгнуть на кровать.

— А ну, пошла отсель... — незлобиво замахивается на неё старушка. — Стирай потом за тобой простыни да наволочки.

Чуня всё понимает, смиряет свой собачий нрав и ложится на половичок, специально постеленный для неё в углу комнаты, между стулом и шкафом, возле батареи.

— Так кто приснился-то? — старушка присаживается на краешек кровати, в ногах сына.

Счастливая улыбка сходит с лица Виктора, но не потому, что он чем-то опечалился, вовсе нет, просто он старается сосредоточиться, вспомнить сон.

— Захожу я будто бы к тётке Лизе, — начинает он рассказывать, — но квартира вроде бы как наша, только коридор большой. Захожу, значит, а из коридора тётку Лизу не вижу, хотя точно знаю, что дома она. Стою, значит, я в коридоре, а из комнаты выходит Алексей Иваныч — и ко мне...

Виктор замолкает и погружается в себя.

— Дальше-то что? — выждав некоторое время, вопрошает мать, стараясь вывести сына из задумчивости.

— Дальше-то... — словно придя в себя, повторяет он. — А дальше Алексей Иваныч вроде как в комнату уходит, к тётке Лизе, и почему-то сердитый. Он же всю жизнь сердитый был, ты же помнишь...

Мать согласно кивает.

— Ну вот. Он уходит, а мы в коридоре с Иваном...

— Он-то откель взялся?

— Откель, откель... — без насмешки, мягко, даже ласково передразнивает её Виктор. — Не знаю, откель. Ведь это же сон.

Иван — сын упомянутых тётки Лизы и Алексея Ивановича — приходился Виктору двоюродным братом, он погиб в автомобильной аварии.

— Что дальше-то? — уже не терпится узнать матери.

И вновь улыбка светится на лице Виктора.

— Выходим мы с Иваном на лестничную площадку, а у меня в руках откуда-то свиток. Оказывается, свиток этот я принёс...

Он вновь замолкает, но на этот раз мать не даёт сыну впасть в задумчивость:

— Что за свиток-то?

— Поминальный, кажется, — Виктор напрягает память. И уже уверенней: — Да, поминальный... Я свиток этот Ивану-то даю, чтобы он в церковь с ним пошёл, за упокой чтобы подать... я же не могу, ноги-то мои не ходят. Так вот, даю Ивану этот свиток. Он его стал смотреть, а там вместо имён фотографии. Да чёткие все такие. А свиток большой, как рулон, и длинный, если его раскручивать...

— Без имён, что ли? — переспрашивает непонятливая старушка.

— Я же сказал, вместо имён — фотографии: и тётки Лизы, и Алексей Иваныча, и Валентины... всех, в общем.

— Ну, ну..

— Что «ну-ну»?.. Иван вдруг как бросит это свиток, да как матюгнётся, да крепко так, мол, тебя ещё здесь не хватало, меня то есть... Я и проснулся.

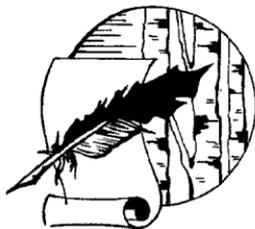
— Свят, свят... — перекрестилась старушка. С полминуты посидела возле сына молча. Так же молча встала и, слегка ковыляя, вышла из комнаты.

В этот же четверг Виктор попросил мать обернуть его влажным полотенцем и достать чистую сорочку. А ещё попросил маленькую картонную иконку, что все эти годы пылилась на подоконнике в его комнате.

«В заштат никак собрался... сынок-то мой», — спокойно подумала старушка. Именно что спокойно, без вздохов, без охов и ахов, лишь с той глубинной печалью, с какой мать, пережившая своих детей, устаёт от земной жизни, стремясь поскорей в жизнь вечную, смиряясь с судьбой, покорно принимая всё, что уготовано.

Через несколько дней Виктор умер. А ещё через несколько дней пропала Чуня: выбежала во двор и не вернулась.

г. Подольск Московской обл.

Александр ЛИСНЯК

МИЛОСТЬ И СВЕТ

ПРО РУССКУЮ ПЕСНЮ

Заходи, тоску сметая,
Песня, жизни нашей в тон.
Царствуй, музыка святая,
Радость грусти, сладкий стон.

Ни струны, ни гармониста,
Лишь от сердца голоса.
В доме — чисто.
В мыслях — чисто.
И слезинки, как роса.

Сколько линий!
Сколько граней!
А какие высь и стать!
Европейскому органу
Русской песни не достать...

С песней прошлое виднее,
Впереди развеян мрак:
Мы роднее,
Мир роднее,
Даже враг уже не враг.

Звёзды в очи,
Космос в лица
От баллады вековой.

Как мы все сумели слиться
В песне дедов ликовой!

Как выводишь ты, милашка,
Подголосок в небеса!..
Словно души нараспашку
Дорогие голоса.

Чтобы праздник быстротечный
Нам прочувствовать сполна,
Поцелуемся сердечно
С чаркой горького вина!..

В доме — тихо.
Сердце — радо.
В мыслях солнечный покой.
Эхо песни где-то рядом.
За лесами, за рекой...

ПРО ВЕСНУ И ЛЮБОВЬ

Ещё леса волной зелёной
Не затопили горизонт,
Но в этот мир, в людей влюблённый,
Уже влюбиться есть резон.

К изменам склонная погода.
И ночи снова коротки.
Любовь с кошачьей походкой
В сердца вонзает коготки.

Пусть не совсем земля прогрета,
Но победить нас есть расчёт:
Вот-вот она взорвётся цветом
И всем нам головы снесёт.

Хмельным животворящим соком
И дерева и мы полны,
Но только нас не взять с наскока,
Мы крепче дуба и сосны...

Ах, по весенней бы примете
Сейчас суметь определить —

Людей в каком-нибудь столетье
Любви удастся победить?

Чтоб жить в делах,
В словах, на лицах,
Простор заполнить и жильё!
Всей сутью к нам она стремится...
А мы всё дальше от неё.

ПРО ЧУДО

Зима. Окно...
И вспомнил под пургу я,
Как бабушка, ровесница села,
Про жизнь потустороннюю, другую
Нам, мелюзге, со вкусом речь вела:

Там Бог чертей кнутом по гривам лупит,
Послушным детям приготовив приз...
А сам потом на облаке в тулупе
Сидит в раздумье, ноги свесив вниз.

И мы чудес навеки восхотели,
Как манны (лучше денежек) с небес.
Но годики над ухом просвистели,
И в чудесах — как не было чудес...

О, бабушки, во много раз полезней
Про жизнь земную говорить всерьёз:
От сладкой жизни — горькие болезни.
От изобилья — мусор и навоз...

Душа не служит телу на потребу,
И счастье тоже не жилица в нём.
Зачем менять местами нас и небо —
Мы всё равно, хоть поздно, но поймём:

И ад — не раскалённая посуда.
И рай — не лепесточки и нектар...

Здесь! Каждый миг! —
Божественное чудо!
Но видеть это — тоже Божий дар.

ПРО ОСТУДУ

Бродит стужа по дому, по сердцу,
Словно в чувствах наметился сбой...
Почему же мне вдруг, маловерцу,
Одиноко так стало с тобой?

Это всё не каприз и не поза.
Между нами созрели сполна:
Недосказанность, словно заноза,
Недоверие, слово стена.

Ты по-прежнему мягко постелешь,
Там, где вовсе немислимо спать,
Потому что давно мне не веришь,
Но не хочешь об этом сказать.

Мы готовились, будто к параду,
К этой жизни, оболганной сплошь.
«Я всегда говорю только правду» —
Наша первая главная ложь.

И совсем не по прихоти рока
Этот груз мы, смиряясь, несём:
И вокруг, и вдали, и высоко
Так со всеми, везде и во всём.

ПРО КРЫЛЬЯ И СОЛНЦЕ

Опростались пурги веретёнца,
Оборвались все нитки снегов.
Под лучами весеннего солнца
Милый край мой и весел и нов.

В даль, где зори над миром повисли,
Обгоняя гусей косяки,
Полетели и чувства, и мысли,
Хоть весной без того высоки.

Эх, сейчас бы в лапту или прятки!
Где вы, резвые наши года? —
В интернетном болоте ребятки
Утонули, кажись, навсегда.

Их сазаньим не выманить клёвом,
Не зовут их лесов чудеса...
Вот каким-то немыслимым рёвом
Разорвал самолёт небеса.

Сразу стало под солнцем тревожно,
Даже к жизни пропал аппетит...
Пусть железные крылья возможны,
Только с ними душа не взлетит.

ЦАРСТВЕННАЯ МЕЧТА

Для славы или ради моды,
А, может, просто наобум
Себя назвать царём природы
Пришло землянину на ум.

Когда-нибудь, века итожа,
Мы осознаем, как и встарь,
Насколько жалок и ничтожен
В делах и целях этот царь.

Всё будет, как вначале было
В людской естественной семье.
И станет нам светло и мило
На нашей маленькой Земле.

Воспрянут реки, звери, птицы...
Воспрянут чувства и мечты.
И станем мы уже стремиться
Прочь от губительной тщеты,

Туда, где царственные звоны
Плывут в мирах из края в край.
И все заставы, и препоны
Исчезнут на дороге в рай.

ПРО СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Ни детей, ни родных, ни товарищей.
Ни страны, ни царя, ни слуги...
На душе лишь зола от пожара.
На земле лишь напевы пурги.

Что мечталось, работалось, строилось
В светлом детстве и зрелой поре,
Не сгодилося и не заисторилось,
Растворилось, как в чёрной дыре.

Где теперь они, все рубежи мои?
Но зато в мои семьдесят лет
Всё реальнее Непостижимое,
Ощутимее Милость и Свет!

ПРО ЧЕЛОВЕКА

Се — человек! Приветствуйте скорей
Его салютом, званием и златом.
Он, покоритель суши и морей,
Освоил недра,
Одомашнил атом.

Он смог природу под себя подмять,
Уже Земля пощады запросила.
Но он давно направил время вспять,
И есть ещё здоровьишко и сила.

И никаких долгов перед творцом.
И к разуму оборваны все нити...
Не нужно быть на доброе скупцом:
Се — человек!
Восплачьте.
Помяните.

п. Анна Воронежской обл.

ПОКЛОННОЕ СЛОВО

Поклонное слово тяжело пробивается из глубокой пахоты будней, трудно растёт, долго зреет. И, созрев, не хвалится статью, высоким своим золотистым колосом, а сокрытым в том колосе зерном — каждым зёрнышком! — благодарно и светло к земле клонится. Знает: без земли той, без родной почвы, многими поколениями пахарей возделанной, не подняться бы ему, не вырасти, не вызреть...

Июль 1986 года. Липецк. Совещание молодых писателей Центрального Черноземья и Юга России. Возможно, это просто случайность, что одним из руководителей семинара, в котором я оказался, стал Виктор Петрович Яковенко, поэт, первый заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия». Но мне до сих пор не верится, что это случайность: так, только так всё и должно было случиться! Очень важной, можно сказать, знаковой оказалась для меня эта встреча...

От того совещания, кроме вырезок с публикациями, остались две фотографии — чёрно-белые, любительские, в царапинах и пятнах, но такие выразительные. На первой — автор этих строк, напряжённо вычитывающий что-то из раскрытой папочки, не отрывающий от неё взгляда. На второй — Виктор Петрович несколько минут спустя, во время обсуждения. Строгий, это видно даже по жесту: правая рука с предупреждающе воздетым указующим перстом — на уровне лба. Моим виршам мас-

К 100-летию «МГ»

тер мёда не расточал, похвалил сдержанно. Зато потом, подождав в перерыве, обнадёжил: «У тебя созрела уже книжка, как раз для нашей журнальной серии. Пиши заявку». Это было похоже на рождественскую сказку: в Воронеже мне, уже далеко не юному «молодому», книжка в ближайшие годы не светила. Заявку я тогда в радостной колготе (дружеские посиделки, выступления на публике, подведение итогов совещания) так и не написал, но Виктор Петрович о своих словах не забыл. В октябрьском номере «МГ» появилась подборка моих стихов, а спустя год с небольшим, в январе 1988 года вышел тоненький, тетрадного формата первый сборник «Два голоса». Тираж — нынче и самому не верится — 15 тысяч экземпляров! Воронежский комсомол отметил эту книжку премией имени Василия Кубанёва. Так сказка стала былью, а я — «молодогвардейцем».

А потом были трудные, смутные, тяжкие годы — и для страны, и для меня, и для каждого из соотечественников — граждан великой Державы. Трудными они были и для журнала. И в то же время — определяющими, дающими окончательное осознание глубинной правоты и правды, растящими в душах не только гнев и скорбь, но и горькое, умеющее глядеть сквозь непроглядную тьму мужество. Именно тогда в журнале, в далёкие тридцатые годы опубликовавшем пронзительную книгу Николая Островского, каждодневно «закалялась сталь» духовно-нравственного противостояния разрушителям страны, отливалась в бесстрашные строки его патриотическая, помнящая свой гражданский долг позиция. На первый план вышла публицистика: кипели дискуссии, горячо обсуждались новые книги (в одном из таких обсуждений и мне довелось принять участие), появлялись статьи, сухие типографские тесты которых, казалось, дымилась от сокрытого в них глубокого русского чувства и душевного жара.

О деталях, подробностях уже говорилось — и ещё не раз будет сказано, об этом не нужно забывать, особенно в эти юбилейные дни — теми, кто тогда делал журнал, кто входил в число его ведущих авторов. Я скажу лишь о том, что журнал сумел сохранить себя — и как честное, смелое, умеющее говорить правду в лицо властям предрержащим патриотическое издание, и как духовную, не ограниченную только строгими литературными рамками общность единомышленников, имя которым — «молодогвардейцы». Моя причастность к оставшимся в памяти читателей творческим вехам и свершениям «Молодой гвардии» более чем скромна, но я счастлив и горд, что и теперь, через тридцать пять лет после первой публикации, остаюсь автором журнала, живу его тревогами и надеж-

дами. И я рад, что сегодня искренне, со светлым чувством могу сказать журналу, помогшему мне встать на крыло и подарившему чувство полёта, это благодарное поклонное слово.

Спасибо! Спаси Бог! Многая, многая, многая лета!

Александр НЕСТРУГИН, поэт, член Союза писателей России, с. Петропавловка Воронежской обл.

ВМЕСТЕ ЧИТАЕМ «МОЛОДУЮ ГВАРДИЮ»

В начале двухтысячных я часто читала журнал «Молодая гвардия» в Ряжской городской библиотеке. Тогда еще у нее была возможность оформлять подписки на толстые литературные журналы. Это сейчас кроме газет в провинциальные библиотеки ничего не поступает. Читала я «Молодую гвардию» и даже не мечтала увидеть свои стихи на ее страницах. А в 2009 году собралась с духом да и отправила поэтическую подборку в редакцию. Потом с волнением ждала, опубликуют их или нет. Признаюсь честно, не особо и надеялась стать автором популярного журнала, в котором печатали свои произведения такие литературные гении, как Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Михаил Шолохов и другие. И вот наконец-то свершилось! Подборка моих стихотворений была опубликована в 2010 году в четвертом номере! Вместе со мной радовались мои друзья и знакомые. Потом я стала почти ежегодно посылать в «Молодую гвардию» свои подборки. И всегда, с таким же трепетом, как и в первый раз, ждала результата. К моему счастью, стихи получали одобрение. Подборки выходили периодически. После прочтения я передавала журнал знакомым, чтобы они тоже могли его почитать.

В 2020 году, когда Ряжская городская библиотека №3 отмечала свой юбилей, я решила подарить читателям подписку на «Молодую гвардию». И вскоре поняла, что не ошиблась с выбором подарка. Как рассказывает заведующая библиотекой Инна Шабаева, журнал пользуется у читателей неизмен-

ным успехом. Некоторые из них заранее записываются на очередь и читают его от корки до корки. Частенько делятся впечатлениями о прочитанном друг с другом. Для многих журнал стал родным.

Откровенный интерес у читателей вызывают «Протуберанцы» главного редактора Валерия Хатюшина. Они не перестают восхищаться мужеством и патриотизмом автора и тем, как честно и смело он описывает происходящие события. «И один в поле воин», — такой вывод сделали читатели. С большой радостью они принимают публикации своих земляков-рязанцев: рассказы Владимира Пронского, стихи Владимира Хомякова, Сергея Панферова, Владимира Силкина.

География «Молодой гвардии» широкая, и рязские читатели с удовольствием продолжают открывать для себя новые имена в литературе. В юбилейном для журнала году в Рязской городской библиотеке №3 запланировано провести мероприятие «Вместе читаем «Молодую гвардию».

От своего имени и от имени всех рязских читателей я сердечно поздравляю наш родной журнал со 100-летием! Мы желаем «Молодой гвардии» всегда идти в ногу со временем! Желаем журналу процветания, талантливых авторов и многочисленных читателей. А главному редактору Валерию Васильевичу Хатюшину мы от всей души желаем крепкого здоровья, радости и творческого долголетия!

Ольга КОЗЛОВЦЕВА, поэт, член Союза писателей России,
г. Рязск Рязанской обл.

ПЕРВАЯ СТОЛИЧНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

В 1977 году в Дивногорске проходил очередной краевой семинар молодых писателей. По имени города и времени проведения он, как и предыдущий, 1970 года, получил название «Дивногорская весна». Работа шла по секциям, руководили ими в основном местные литераторы. Но пригласили, как водится, и москвичей. Уже не помню, кто из московских поэтов участвовал в обсуждении рукописей начинающих стихотворцев Красноярья. А вот имена литераторов, приглашён-

ных из Москвы для ведения секции прозы, назову. Это были сотрудники журнала «Молодая гвардия» Сергей Лыкошин и Илья Митрофанов. Оба работали в ту пору в отделе прозы, и вполне логично, что интересовали их произведения молодых прозаиков. Что было делать неоперившемуся пииту? Набрался я храбрости и под конец семинара, в перерыве между его занятиями, вручил молодогвардейцам тоненькую стопку машинописных листков — с просьбой передать в отдел поэзии. Без особой надежды на то, что эта просьба будет исполнена.

В конце 1978 года меня, выпускника институтской военной кафедры, призвали в ряды Советской Армии. Я служил командиром взвода связи на радиолокационной «точке» в Забайкалье и журналов не читал. Но ухитрился продолжить заочную учёбу в Литинституте, а в 1979 году по рекомендации красноярской поэтессы Аиды Фёдоровой даже попал на VII Всесоюзное совещание молодых писателей. Каково же было моё удивление — безусловно, отрадное — когда в Москве я узнал, что подборка моих стихов напечатана в февральском номере «Молодой гвардии»! Эта была первая моя публикация в столичном издании. Мимолётные знакомые не выбросили листки никому не известного провинциального сочинителя, а передали по назначению; в отделе поэзии не выкинули нигде не зарегистрированную, а значит бесхозную рукопись в мусорную корзину, но внимательно прочли, отобрали несколько стихотворений и поставили в план. И спустя без малого два года (для всесоюзного «толстого» журнала срок не столь уж большой) стихи увидели свет.

...Когда в середине 1981 года ежемесячник «Молодая гвардия» обзавёлся собственным книжным приложением и руководителем литинститутского семинара Валентин Митрофанович Сидоров порекомендовал меня, своего студента, на должность редактора поэтических книжек, пришёл я в редакцию журнала уже не как чужак, а как его автор. И в кабинете, где мне предстояло занять редакторский стол, встретили меня знакомые по Дивногорску люди: Сергей Лыкошин, возглавивший книжное подразделение «Молодой гвардии», и Илья Митрофанов, призванный вести прозаический раздел. Встретили радушно, с добрыми улыбками узнавания и товарищеского участия.

Девять с половиной лет я проработал в «Библиотеке журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Но это отдельная история.

В нынешнем году любимый миллионами журнал отмечает 100-летний юбилей. Поздравляю коллектив редакции, членов редколлегии, авторов и читателей «Молодой гвардии»!

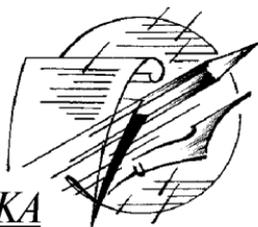
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ,

поэт, член Союза писателей России, г. Москва

ЧТО ПРОИЗОШЛО В КАЗАХСТАНЕ

Первое, что бросается в глаза при анализе событий января 2022 года в Казахстане, это два обстоятельства: 1) антиросийские и русофобские лозунги и мотивы путчистов, 2) полное неучастие в событиях русского контингента, составляющего пятую часть населения страны. Всё это ярко свидетельствует о том, что глубинная подоплека событий лежит не в конспирологической или политэкономической, как может показаться поверхностному наблюдателю (хотя и такие мотивы, конечно же, имеют место), а в этнополитической плоскости. Это очень важно сразу понять и усвоить, поскольку этнополитические проблемы в принципе не решаются ни геополитическими, ни тем более политэкономическими методами, марксистские подходы тут не работают.

Если коротко: перед нами достаточно типовой пример последней, завершающей стадии этногенеза (именно казахской нации) — полное подобие тому, что мы видели в майданной и постмайданной Украине. А именно: попытка осуществить диалектический переход от умеренной формы национального государства к крайней форме этнократии. И

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

попытка окончательно и полностью избавиться от российского влияния и русского фактора во внутренней политике.

Чтобы понять, как и почему это происходит, необходимо вспомнить основные этапы казахского нациестроительства.

У истоков казахского этногенеза

1. Как и украинскую, так и казахскую нацию в начале XX века мы еще не встречаем, они пока не сложились. Их образование — во многом рукотворное дело, обусловленное преступно недалководидной, ошибочной национальной политикой большевиков. Которая в значительной степени определялась ложными воззрениями зашоренного марксиста В.И. Ульянова (Ленина), искренне убежденного и убеждавшего других в том, что нации — это «буржуазные выдумки». Ленин стоял во главе вновь созданного советского государства и сумел навязать свою позицию в национальном вопросе, сделать ее официальной доктриной ВКП(б), а значит и страны в целом. При этом, если украинцы к тому времени уже реально прошли первую стадию этногенеза (по Мирославу Хроху), выносив идею украинства как отдельного этноса и начав развивать ее в массах, то у казахов и этой стадии за спиной еще не было, они свой путь этногенеза начали при большевиках с нуля.

Приходится напомнить, что и сам этноним «казахи» — относительно позднего, в основном уже советского происхождения и обращения. А в те годы, когда предки нынешних казахов вошли в состав Российской Империи, ни о каком едином народе не было и речи — речь шла о союзе племен разного расово-этнического происхождения. Примерно 9-10 монголоидных и 14 тюркоидных племен кочевали по просторным степям от Каспия до Алтая, ни о каком своем «казашестве» еще не подозревая (лишь одно из этих племен, кочевавшее между озерами Зайсан и Алаколь, использовало этноним «казах»). У них сильные диалектные различия и разная, гетерогенная генетика. Единым народом их сделала только (!) советская власть.

Недаром поэт Гавриил Державин, обращаясь к императрице Екатерине Великой в своей знаменитой оде «Фелица», писал: «Богородица царевна киргиз-кайсацкия орды». Именно под именем таковой орды и были известны тогда предки нынешних казахов. Они издавна делились на три «жуза»: Старший, Средний и Младший, каждый из которых в своем кочевом ареале представлял собой независимое ханство.

Эти предки еще с XVII века жестоко страдали от набегов джунгаров (1681—1684, 1694, 1711—1712, 1714—1717 гг. и др.). К примеру, в 1717 году отряд джунгаров численностью в одну тысячу человек разгромил 30-тысячное казахское войско (Аязгоская битва). Тогда хан Тауке впервые обратился к Петру I с просьбой принять казахов в российское подданство, но без выплаты ясака, без исполнения повинностей и при сохранении власти хана над казахами. Россию предложение не заинтересовало. После чего джунгары продолжили наступление на территорию жузов, не встречая серьезного сопротивления. В результате протоказахи потеряли территории в районе Семиречья, а также земли нынешних Джамбульской и Южно-Казахстанской областей. Эти события вошли в историю казахского народа как «Годы великого бедствия» (или «Актабан шубырынды» — «Бегство до побеления пятки»). Считается, что тогда погибло до трети казахского населения, многие были вынуждены мигрировать. Над предками казахов возникла угроза геноцида. Еще немного — и джунагары полностью бы их подчинили, истребили или ассимилировали.

В этой связи в 1730 году хан Абулхайр и его сыновья вновь обратились к российской императрице Анне Иоанновне с просьбой о вхождении казахов Младшего жуза в российское подданство. В 1731 году это прошение было удовлетворено, а в следующем 1732 году российской императрице присягнул хан Среднего жуза Самеке. Ханы Младшего и Среднего жуза обязались охранять российские границы, содействовать российским военным, политическим и торговым интересам на подвластной им территории и платить ясак «кожами звериными». В обмен они получили защиту от джунгаров и башкир.

Тем не менее в 1741—1742 гг. джунгары возобновили свои набеги на казахские жузы, и казахи, чтобы спастись от джунгарской резни, вынуждены были убегать под сень русских военных укреплений — Оренбурга, Орска и др. Российские власти даже разрешили им входить в эти крепости в случае джунгарских нападений. В 1742 г. в Джунгарию явился с войском полковник Г.Ф. Миллер с целью добиться полного прекращения военных нападений на новых «российских подданных». Джунгары не имели столь современного вооружения и тактики, как русские, и вынуждены были отступить. Будущие казахи оказались нами спасены. По идее, любой казах должен бы в пояс кланяться любому русскому солдату, казаку, крестьянину, ведь без них не было бы ни этого союза племен, ни этой псевдонации.

Стоит отметить, что Младший жуз оказался при этом потеснен на север и к Уралу, чем вызвал недовольство живших там башкир, каракалпаков, бухарцев, волжских калмыков и, главное, яицких казаков. Так что наша благотворительность уже тогда нам недешево обходилась. Но то ли еще будет!

Верность казахов российскому престолу недорого стоила. Как пишет историк Вячеслав Бакланов, «оказавшись между тремя геополитическими силами Центральной Азии: джунгарами, Китаем и Россией, казахская знать судорожно принимала то одно, то другое подданство всех трех ключевых игроков». К примеру, когда летом 1756 г. на казахские кочевья вторглась армия империи Цинь, казахские жузы быстро признали подданство маньчжурского Китая. (Сегодня всё повторяется, и Казахстан лавирует между Западом, Россией и Китаем.)

В конечном счете Россия оказалась для протоказахов ближе и предпочтительней, но их лояльность от этого не возросла, и большинство родов Младшего жуза, а также некоторые рода Среднего жуза поддержали Пугачевское восстание (1773—1775). Хотя чего им, казалось бы, не хватало? Стремясь покрепче привязать их к престолу, Екатерина Великая, преследуя династические имперские интересы, совершила большую стратегическую ошибку, сделав ставку на исламизацию казахов. Каковая должна была производиться усилиями лояльных трону казанских татар. В 1784 году был издан указ о массовой постройке в казахских степях мечетей, медресе и караван-сараев и укомплектовании их татарами, а в 1789 году в Уфе был учрежден первый российский муфтият с целью распространения мусульманства среди кочевников. В результате чего ислам стал господствующей религией в тех степях уже к началу XIX века. О том, как это отозвалось нам, русским, в XX—XXI вв., нетрудно догадаться.

Были предприняты и иные меры, ограничивающие возможности протоказахов быть нелояльными и вести двойную игру с российским правительством, коему они присягали. Так, ханы в жузах стали с 1781 года назначаться российским правительством, пока в 1818—1824 годах институт ханства не был ликвидирован вообще.

Всё это не подбавляло, однако, лояльности по отношению к «матушке-России» со стороны новоявленных российских подданных, ударивших ей в спину при первой возможности. Мало кто говорит об этом, но на деле революция началась именно с национальных окраин, где в 1916 году вспыхнуло т.н. Туркестанское восстание (сегодня его называют Средне-

азиатским), охватившее аж целых десять губерний, населенных преимущественно казахами и киргизами. Повод — попытка царского правительства мобилизовать 235 тысяч автохтонов на фронт Первой мировой войны. Не на передовую, не в бой, конечно — упаси Боже! — а всего лишь на тыловые работы: рыть окопы, строить укрепления. Это возмутило инородцев-россиян, не желавших палец о палец ударить ради своей новой родины, и привело к глобальному восстанию Туркестана. Три армейских дивизии, которые правительство было вынуждено снять с фронта для подавления восстания, перебили и заставили бежать массу казахов и киргизов и сами потеряли три тысячи солдат и порядка ста тысяч русского и прочего некоренного населения. Но в итоге Туркестанское восстание при царе так и не было полностью подавлено, плавно переросло в революцию 1917 года и последующее движение басмачей. Оно, как известно, было разгромлено только большевиками уже в 1930-е гг.

Впрочем, вскоре после Октябрьской революции 1917 года в жизни «киргиз-кайсацкия орды», продолжавшей зачастую вести кочевой образ жизни, стали происходить судьбоносные изменения уже по воле большевиков. В результате разрозненные и не слишком дружные между собой монголоидно-тюркоидные племена встали на путь этногенеза, завершившийся рождением синтетической и оседлой казахской нации.

2. Основной этап казахского этногенеза связан с образованием никогда прежде не существовавшего государства Казахстан, которое было образовано путем искусственного (точнее: насильственного) объединения большевиками киргиз-кайсацких степей с русскими казачьими областями. Казачьих войск в тех краях было несколько: Яицкое (после Пугачевщины переименовано в Уральское), Гурьевское, Оренбургское и Семиреченское (самое обширное). Сегодня эти земли, некогда обнимавшиеся топонимом «Южный Урал» или «Южная Сибирь», обычно именуется «Северным Казахстаном». Но в те времена кочевникам на казачьих территориях появляться запрещалось, путь туда был им закрыт.

Для большевиков казачество в целом всегда было врагом, которого после победы красных в Гражданской войне надлежало смирять, ослаблять, ставить под контроль и не давать ему самостоятельности. Расказачивание — одно из тяжелейших преступлений большевизма, на грани геноцида. Поэтому, кстати, большевики не отвергли границу, проведенную в 1918 году по Брестскому миру немецким штыком и разрезающую Область Войска Донского пополам, поделив казачье

население поровну между Россией и Украиной. По этой же причине южно-уральские казачьи земли однажды оказались в составе Казахстана. Это произошло в несколько этапов.

Декретом ВЦИК и СНК от 26 августа 1920 года Уральская казачья область была переименована в губернию и включена в состав автономной Киргизской республики. Далее 5 апреля 1925 года декретом ВЦИК и СНК Киргизская республика оказалась переименована в Казакскую Советскую Социалистическую Республику. После чего киргизов следовало именовать «казак-киргизами». Следом 5-й Всеказакский съезд советов, состоявшийся в г. Кзыл-Орда 19 апреля 1925 года, постановил (п. 16): «О восстановлении имени “казаки” за киргизской национальностью. Для восстановления исторически верного имени киргизского народа 5-й Всеказакский съезд советов постановляет: впредь именовать киргиз — казаками». В феврале 1936 года было издано постановление ЦИК и СНК Казахской ССР «О русском произношении и письменном обозначении слова “казак”». В постановлении говорилось, что последняя буква «к» заменяется буквой «х». В соответствии с этим отныне следовало писать не «казак» и «Казахстан», а «казах» и «Казахстан». Наконец, 29 июля 1936 года в составе новоиспеченной Казахской ССР была образована Северо-Казахстанская область. В свое время — с 1919 по 1925 гг. — эти земли считались Петропавловским уездом Омской губернии РСФСР. Но потом большевики произвольно передали его декретом ВЦИК и СНК РСФСР в состав Акмолинской губернии Автономной Киргизской республики, которая с 1925 по 1936 гг. называлась Казахской АССР.

Вот так земли сибирских, оренбургских, гурьевских и уральских казаков оказались в административном подчинении теперешнего Казахстана. А никому прежде особо не известное киргиз-кайсацкое племя превратилось в титульную нацию и обрело территорию, многократно превосходящую его исконный ареал обитания, вторую по размеру после самой России в рамках СССР и девятую в рамках всего мира.

Да, умели делать подарки большевики! Особенно за русский счет.

Как советский Казахстан стал антисоветским и антирусским

Осев на землях Казахстана, вышеозначенные племена приняли общий этноним «казахов» и погрузились в процесс ускоренного нацистроительства, сопровождающийся, как во-

дится, форсированным сочинением национального мифа, что характерно для первого периода этногенеза. В каком-то сочинении обычно с большим энтузиазмом участвует национальная интеллигенция еще вчера бесписьменного народа (прекрасный пример — известный казахский поэт Олжас Сулейменов с его книгой «Аз и Я»). С порождениями этого мифотворчества мы постоянно сталкиваемся сегодня, когда слышим выступления казахских политиков и работников СМИ.

Ближайший результат казахского этногенеза (напомню, что конечная цель любого этногенеза есть достраивание этнической нации и сотворение ею своего национального государства, в идеале этнократии, с последующим созданием политической нации) проявился уже в 1980-е годы. И самым ярким проявлением стал так называемый «Желтоксан» — казахское национальное восстание в декабре 1986 года в Алма-Ате, бывшей в то время столицей Казахской ССР. Формально поводом для восстания послужило решение Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева о снятии с должности первого секретаря Коммунистической партии Казахстана Динмухамеда Кунаева (казаха) и замене его на ранее никогда не работавшего в Казахской ССР Геннадия Колбина, первого секретаря Ульяновского обкома КПСС (русского). Это вызвало настоящий взрыв национальных эмоций у казахов, дозревших к этому времени до своего самого настоящего этнического национализма. В столице Казахстана начался стихийный митинг, быстро перешедший в массовые беспорядки и побоища.

Как писал тогдашний первый заместитель председателя КГБ СССР Ф.Д. Бобков, отвечавший за внутреннюю политику, подстрекателями беспорядков выступили люди из ближайшего окружения Кунаева, «воспользовавшись экспансивностью молодежи. Свою лепту внесли и некоторые преподаватели вузов, отличавшиеся националистическими настроениями».

Главное требование восставших поразило издавших виды партократов, показалось диким всем советским людям, воспитанным в понятиях интернационализма: они потребовали назначить на должность главы республики «представителя коренного населения», т.е. казаха. Волнения быстро перекинулись в Караганду и другие города и регионы Казахстана. Бунтовала в основном казахская молодежь и интеллигенция, на улицы вышло совсем новое поколение, непохожее на «советских казахов». Утром 17 декабря на площади перед зданием ЦК собрались толпы молодежи, чьи транспаранты гласили «Требуем самоопределения!», «Каждому народу — свой

лидер!», «Положить конец великодержавному безумию!», «Нам нужен руководитель — казах!», «Мы за ленинскую национальную политику!», держа портреты Ленина.

При попытке пресечь бунт безоружными военнослужащими практически во всех «Уралах» были выбиты стекла, а многие военные были ранены. Счет убитым участникам столкновений перевалил за сотню. Подавить восстание удалось только после того, как была создана крупная оперативная группировка общей численностью более 50 000 военнослужащих из состава частей Среднеазиатского, Московского, Ленинградского и других военных округов, военно-морского флота, внутренних войск МВД. Нешуточный масштаб...

Это был первый в СССР открытый массовый бунт с откровенно националистической мотивацией. Казахи умудрились обогнать в этом плане не только недобитых бандеровцев, но и ретивых, яро антисоветских прибалтов. Прозвучал первый звонок, возвестивший грядущую революцию этничности в СССР. Таким был прямой и непосредственный результат советского эксперимента в сфере национального строительства.

Но под этим идейным движением была объективная материальная подоплека: очень высокая рождаемость казахов, особенно в сельских регионах юга страны, их высокий естественный прирост на фоне снижения рождаемости русского населения в республике. С рождаемостью, естественно, возрастала и казахская пассионарность, как это всегда бывает. А с ней и национальный инстинкт, и национальное самосознание. Всё это проявлялось в жизни, в повседневной практике этнического фаворитизма и протекционизма. 6 января 1987 года на расширенной Коллегия КГБ республики, посвященной казахскому национализму, начальник 5 Управления КГБ КазССР полковник Т.Н. Нурахметов доложил в своем отчете о том, что в КазГУ количество студентов коренной национальности составляет 70 процентов, преподавателей — 80 процентов, в других вузах — обстановка и того хуже. Стражи государственного спокойствия наконец-то спохватились, да было уже поздно...

Неудивительно, что, как сообщала по горячим следам парижская газета «Русская мысль», транспаранты, с которыми утром 17 декабря студенты вышли на улицы города, «были сделаны за три месяца до выступления», а «нити организации» этих событий тянулись от преподавателей вузов «к творческой интеллигенции, таким как А. Мамбетов — главный режиссер Театра казахской драмы и ведущий поэт О. Сулейменов, а далее к дому ЦК». Казахская элита, политическая и гуманитарная, не

особенно скрываясь, встала во главе этнического восстания, сознательно и целенаправленно готовила его.

Поначалу всему произошедшему была дана принципиальная оценка: в первых числах 1987 года вышло постановление ЦК КПСС, в котором произошедшее прямо объявлялось «проявлением казахского национализма». Однако после обращения группы депутатов Верховного Совета Казахской ССР эта формулировка была отменена (национальный вопрос всегда был ахиллесовой пятой у коммунистов). А 22 июня 1989 года Нурсултан Назарбаев сменил Колбина на посту главы республики, и этим инцидент увенчался.

Но не исчерпался. Ведь с тех пор Назарбаев никогда не забывал, кому и чему он обязан своим положением — и какая сила на самом деле главная. На эту силу он неизменно опирался всю последующую жизнь.

Как только провал ГКЧП открыл путь на выход республик из СССР, так немедленно, уже в том же августе 1991 года на сессии Верховного Совета СССР состоялись знаковые выступления первых лиц. Вначале выступил президент Кыргызстана Аскар Акаев, который назвал текст подготовленного для подписания Союзного договора неприемлемым, поскольку он стал «компромиссом между демократическим движением к свободе и независимости суверенных республик и стремлением центра сохранить свою власть». А время для подобных компромиссов, по мнению этнократов, миновало бесповоротно: настал час их полновластия в своих улусах. Вторым подоспел именно президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, заявивший, что Казахстан никогда не будет «подбрюшием» ни одного региона и никогда не будет ни для кого «младшим братом». Он назвал выработанную — по его же инициативе! — в Ново-Огареве схему «опасной». Опасность, ясное дело, состояла только в одном: эта схема ограничивала полновластие национальных элит в пользу центра. Они же были полны решимости покончить с центральной властью раз и навсегда. И покончили.

Единственное, что их беспокоило — это вопрос о территориальной целостности и границах новообразующихся этнократий. Назарбаевым и кравчукам не хотелось расставаться с земельными приобретениями, подаренными им большевиками за счет русского народа. Между тем, этот вопрос неожиданно обострился после заявления ельцинского пресс-секретаря Павла Воцанова, который возьми да и брякни, что в связи с заявлениями ряда республик о выходе из СССР российское руководство оставляет за собой право поднять вопрос о пересмотре границ с соседними государствами.

На Украине и особенно в Казахстане на заявление Воцанова последовала жесткая реакция. Российским делегациям пришлось срочно вылететь в Киев и Алма-Ату. Мы не знаем, как проходили там переговоры, чем националы грозили и что обещали Ельцину. Но в результате Россия официально заявила о невозможности пересмотра границ и взаимном уважении территориальной целостности республик.

16 декабря 1991 года, ровно через пять лет после Желтоксана, Казахстан провозгласил свою независимость...

В 2006 году, в 20-ю годовщину декабрьских событий, Назарбаев лично открыл монумент «Заря независимости», установленный на улице с характерным новым названием Желтоксан. Ведь это поистине был памятник и его личному триумфу. Одноименные улицы появились также в Астане, Шымкенте, Таразе, Кызылорде, Талдыкоргане, Экибастузе и ряде других городов и поселков Казахстана.

Этнодемографический баланс в своей динамике — решающий фактор в судьбах территорий и государств. Описанные выше динамические изменения во внутренней политике Казахстана возникли не просто так, не на пустом месте, они опирались на ярко выраженные изменения этнодемографической статистики, которая за столетие казахского этногенеза складывалась следующим образом.

Численность населения Казахстана за 94 года от 1897 по 1991-й выросла примерно в 3,9 раза. В этом общем приросте заметной была доля русских, поскольку к тем казакам, которых Советская власть приписала в пользование новоделной республике в 1920—1936 гг., добавились в немалом числе представители рабочего класса и научно-технической интеллигенции, направленные туда же согласно решению XII съезда РКП(б) 1923 года по развитию национальных республик (Сталин: «Промышленные очаги в республиках должен организовывать русский пролетариат»). А в 1950-е годы в Казахстане стали развиваться три новые отрасли: ракетно-космическая, атомная и «целина», что также привлекло значительное число русских работников и специалистов.

Однако рождаемость у приезжих русских, селившихся преимущественно в городах, была примерно вдвое ниже, чем у казахов, преимущественно живших сельской жизнью, и этот фактор неуклонно изменял соотношение этнических контингентов населения республики.

В итоге, накануне распада СССР, согласно последней советской переписи 1989 года, русских в Казахстане проживало примерно 6,5 млн. (46% населения), а казахов — 6,2 млн.

(44%). То есть всё же меньше, чем русских. Строго говоря, по факту Казахстан в момент обретения полного суверенитета был федеративной страной, резко и четко разделенной на две этнодемографически равные половины: русский Север и казахский Юг (с русским анклавом — столицей республики Алма-Атой, бывшим казачьим городом-форпостом по имени Верный). При этом важно отметить, что в восьми областях Северного Казахстана, непосредственно примыкающих к российской границе (для нас это Южный Урал, Южная Сибирь), русские и вовсе составляли от 70 до 90% населения. Это не считая отдаленной от России Алма-Аты, тоже в целом русской.

Как отразилась указанная этнодемографическая ситуация на внутренней политике Казахстана?

Руководство республики, Назарбаев в первую очередь, отлично понимали значение названных обстоятельств. Поэтому основной головной болью всей казахской элиты было скорейшее закрытие «русского вопроса», ликвидация угрозы распада страны по национальной границе. Отсюда — стремительный перенос столицы из расположенной близ китайской границы Алма-Аты в самый центр русских областей, в Астану (с 1830 года казачий форпост Акмолинск, позднее Целиноград). Отсюда — обозначение в Конституции 1993 года Казахстана как унитарного, а не федеративного государства: «Территория Республики Казахстан является целостной, неделимой и неприкосновенной». Элита страховалась от распада или раздела страны, опасаясь потерять неправедно приобретенное.

Кстати, о той Конституции. Казахи обогнали Россию, поспешив утвердить свой суверенитет в нынешних границах еще в январе 1993 года. Самой главной особенностью свежего документа, выдающей основное настроение, с которым он писался и утверждался, было положение, записанное в первом постулате «Основ конституционного строя»: «Республика Казахстан как форма государственности самоопределившейся казахской нации...»

Ни одна (!) из бывших республик распавшегося СССР не заявляла подобного этнократического принципа самоопределения с такой вызывающей откровенностью, нарушающей все правила и нормы демократии! Настолько сильным, эмоционально необоримым оказался порыв казахов к национальному суверенитету, к этнократии. Народ, никогда не имевший своей государственности, народ, спасенный русскими от тотального геноцида со стороны джунгар в XVIII веке, народ, в полном смысле слова созданный Советской

властью, и награжденный ею огромными землями с русскими людьми, вступил в активную фазу этногенеза — и при первом же удобном случае ухватился за возможность создать свое национальное государство. И создал, и удержал, нисколько не смущаясь тем, что лучшая часть страны принадлежит русским, составившим на тот момент национальное большинство страны. И закрепил этот факт в Конституции, притом в самом откровенном выражении.

Правда, через два года казахи испугались, что перегнули палку — и убрали «дразнящую гусей» формулировку из новой Конституции, принятой в 1995 году и действующей до ныне. Испугались, конечно, не русского большинства, пассионарность которого постыдно низка, а несоответствия стандартам западных кураторов. Но оставили пункт о выборах президента, которым может быть лишь гражданин республики, «в совершенстве владеющий государственным языком» (ст. 114, п. 1). Поскольку таковым является по Конституции только казахский, то ясно, что должность президента заведомо обеспечена лишь казаху, а для русских такая возможность пресечена. Сказать об этом прямо постеснялись (в отличие от туркмен), но всё и так было ясно.

С тех пор минуло тридцать лет, сменилось два поколения. Под «мудрым» руководством Назарбаева в республике сложилось не просто национальное, а ярко выраженное этнократическое государство казахов, русофобское по самой своей сути.

Сегодня численность населения Казахстана достигла своего пика за всю историю страны: 19 082 467 человек на 1 ноября 2021 года. Однако к 2020 году русских в Казахстане уже буквально ополовинили, вытеснив из страны: вместо 6,5 млн. осталось всего 3,5. По статистике, на начало 2021 года казахи теперь составляют не 44, а 69,01% населения, русские 18,42 вместо 46%. Даже Караганда и Усть-Каменогорск ныне уже наполовину казахские города. Теперь по международным стандартам это уже мононациональное, а не многонациональное государство. Большинство из оставшихся русских старше 60 лет; молодые, перспективные — разбежались, в основном в Россию (в одном только 2000 году республику покинули 600 тыс. человек). Социально-экономическое положение русских резко ухудшилось, их практически полностью выдавили из администрации, силовых структур, бизнеса, растет безработица, закрываются русские школы и культурные учреждения, в казахских школах преподают фальсифицированную в угоду этнократам историю не только Казахстана, но и России. Зачатки русско-казахского, во-

обще славянского, включая украинцев, белорусов и поляков, движения, поначалу весьма действенного, успешно раздавлены, его лидеры, познакомившись с тюрьмой и иными преследованиями, покинули страну.

Каковы, при таких обстоятельствах, перспективы у России, у русских в таком Казахстане? Они, прямо скажем, неутешительные.

Прежде всего — опять об этнической демографии. На 2020 год показатель рождаемости в республике составляет 3,13 ребенка на каждую женщину. В то время как общемировой средний показатель равен 2,42. Это значит, с учетом низкой рождаемости у русских, что казашки вывели свой этнос и страну на уровень самых рожаящих в мире: в Иране на 1 женщину приходится 3,5 детей, в Йемене — 3,1, в Сирии 2,85, в Марокко приходится 2,55 ребенка, в Тунисе — 2,45, примерно столько же в Ливии и Мавритании и т.д. Есть, конечно, страны и покруге: Нигер (более 7), Афганистан (6,5) и др. Но и Казахстан явно входит сегодня в группу лидеров. Только за последние десять лет прирост населения здесь составил 2 млн. При этом 40% казахских мужчин поддерживают идею легализации многоженства, которое и так существует де-факто в этой исламской республике. Но особенно важно, что молодежь до 15 лет составляет здесь 21,6% населения (в России 16,5%), в этом факте заложено будущее страны. По прогнозу ООН к 2100 году в РК будет проживать около 28 млн. человек.

Сказанное означает, что Казахстан будет целенаправленно, неудержимо и успешно двигаться к сильному мононациональному государству и проводить соответствующую политику, а, следовательно, этнократические и русофобские тенденции будут только усиливаться, стремиться к своему максимуму.

Их уже и сегодня более чем достаточно. О некоторых сказано выше. Но нельзя пройти мимо таких чувствительных зон, как язык, культура и вера, служащих этническими маркерами, где нарушение этнических прав и интересов отзывается особенно болезненно. Здесь всё развивается по хорошо уже всем известному украинскому сценарию, когда украинизация, сперва довольно мягкая, интеллигентная, со временем выродилась в разнузданную кампанию оголтелой русофобии.

Возьмем для начала языковую проблему. Понятное дело, вся культура, литература и наука, которую получил еще недавно не имевший ничего этого казахский народ, была ему

преподана через русский язык. В том числе письменный, кириллический. Согласно данным переписи 2009 года в Казахстане наиболее распространенным был русский язык: 94,4% населения страны указали, что понимают устную русскую речь, 84,8% населения умеют читать и писать по-русски, еще 3,4% только читать.

Еще в советские времена в принятом в 1989 году Законе о языках в Казахской ССР было введено понятие «государственный язык», а казахскому языку был придан статус государственного. В то время как за русским языком был закреплен де-юре лишь статус «языка межнационального общения».

Дальше началось наступление на русский язык самостоятельными силами казахского чиновничества. К примеру, Министерство сельского хозяйства полностью перевело документацию на государственный язык еще в 2004 году. Тогда же правительство Казахстана приняло решение, что казахский язык будет играть важнейшую роль в процессе «казахизации» (сам термин выдает нацеленность решения). К 2006 году в пяти областях Казахстана всё делопроизводство также было официально переведено на казахский язык. 13.12.2008 г. тогдашний премьер РК Карим Масимов (в январе этого года он был арестован за участие в организации националистического путча) заявил, что Казахстан не намерен признавать русский язык вторым государственным. А 26.07.2010 г. министр культуры Мухтар Кул-Мухаммед сообщил, что история Казахстана в вузах страны будет преподаваться только на казахском языке. На презентации госпрограммы функционирования и развития языков на 2011—2020 гг. было предложено ввести в кодекс новую статью за оскорбление казахского языка, покончить с законодательной поддержкой русского языка и переориентировать все силы на государственный. 6 сентября 2011 года общественные деятели потребовали от президента Казахстана исключить из конституции пункт об употреблении русского языка наравне с государственным — казахским.

Инициативу переняло Министерство образования и науки Казахстана, глава которого Ж. Туймебаев в своем интервью 29 января 2010 года заметил: «Русских школ, то есть таких, где все предметы на русском языке, у нас в республике около 30 процентов. Согласитесь, не так уж и мало». Может быть, так бы и могло показаться, если не знать, что с 2001-го по 2006 учебный год (всего за пять лет) число школ с русским языком обучения упало на 303, смешанных русско-казахских школ — на 5, а школ с казахским языком

обучения выросло на 46. Доля казахстанских школьников, обучающихся на казахском языке, с 2001 по 2009 годы выросла до 61%. На начало 2015/2016 учебного года в Казахстане доля студентов, обучающихся на казахском языке, составила 62,7%, на русском — 34,3%.

Тенденция продолжилась, захватила и сферу культуры — к примеру, театры и кино. С 2012 года согласно поправкам в Закон «О культуре» все фильмы, ввозимые на территорию Казахстана с целью проката, обязательно должны быть дублированы на казахский язык. А в конце 2021 года парламент одобрил законопроект, разрешающий размещение визуальной информации (рекламе, вывесках и т.п.) исключительно на казахском языке. И т.д.

И вот теперь — еще один сюрприз: казахскую письменность переводят с кириллицы на латиницу. Идею начал осуществлять еще в 2017 году первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, который пообещал, что к 2025 году республика перейдет на латинский алфавит. Это означает, во-первых, что отрыв казахской культуры от русской матрицы усугубится. А во-вторых, культурный дискомфорт русского населения, по необходимости изучающего казахский язык, возрастет.

А вот и вишенка на торте: недавно ряд региональных властей Казахстана настоятельно рекомендовали священникам РПЦ не пускать казаков в форме в православные храмы под угрозой их закрытия. Комментарии излишни.

Как всё это нам знакомо по Украине! Как легко представить себе ту атмосферу, жить в которой приходится нашим единокровным соплеменникам, русским людям в Казахстане! И как понятно, чем всё это должно рано или поздно закончиться!

Интересы, задачи и перспективы России в Казахстане

А теперь после того, как экспозиция, развернувшаяся в советском и постсоветском национальном пространстве Казахстана стала в общих чертах ясна, вернемся к событиям января 2022 года. Ибо, взяв в соображение всё вышеизложенное, легко понять, что именно произошло в Казахстане, чего России следует ждать в дальнейшем и как на это всё реагировать.

Совершенно ясно, что казахский национализм, развившийся необратимо вследствие объективных исторических и социальных причин, — это и есть та «точка опоры», благодаря которой оказался возможен путь и неудавшийся перево-

рот, путч. Потому что она точка существует независимо от нашей воли, это всё определяющая реалья нашего времени.

Почему нас, Россию и русских, в отличие, скажем, от Таджикистана или Киргизии, остро задевает происходящее в Казахстане? Потому что это касается нашего русского народа, его прошлого, настоящего и будущего. Народа, который в 3,5-миллионном составе оказался в заложниках у казахских этнократов. Мы не имеем права предавать наше прошлое и настоящее. Мы не можем не заботиться о нашем будущем. Это единственное моральное основание, по которому нам следует занять активную позицию и быть готовыми вмешаться в ход событий в этой сопредельной стране.

Самое главное в этой связи: надо четко понимать, что проблема русско-казахских отношений не имеет другого решения, кроме раздела Казахстана и воссоединения казахстанских русских (вместе с территорией их исконного проживания) с материнской страной, материнской нацией. Всё остальное — наивные мечты, не более того. Национализм глупо противопоставлять интернационализм. Неважно какой — коммунистический или имперский. Успеха не будет, конкуренция слишком неравная.

Собственно, Россия уже вмешалась, пусть лишь слегка и ненадолго, послав свои войска в составе контингента ОДКБ для поддержки правящего режима, посчитав его наименьшим злом по сравнению с путчистами. Чем это обернется? Как будет продолжено? Это вовсе не праздные вопросы.

Ввод войск ОДКБ, среди которых львиная доля принадлежала России, явно не улучшит ни отношения казахов к русским (которых с всевозрастающей вероятностью будут причислять к врагам казахской нации и государственности), ни положение русских в Казахстане. Можно выразить полную уверенность, что русофобия там будет только возрастать. И этот рост русофобии в Казахстане был бы нам на руку, если иметь в виду сценарий обострения русско-казахских отношений с перерождением в русско-казахскую войну. Имеющую целью раздел этой страны по этнической границе и возвращение исконно русских, казачьих областей в Россию. К сожалению, шансов на подобное развитие событий, единственное стратегически оправданное, пока не видно. Россия поддержала режим: «хороших» националистов — против «плохих», вместо того, чтобы поддержать и защитить русских. Чего теперь ждать от тех, кому мы помогли?

Мы неожиданно увидели, что елбасы Назарбаев, несомненно, казахский националист, но умудрённый опытом, «мягкий» постепеновец, предпочитающий «варить лягушек на медлен-

ном огне», отстал от своего народа и оказался не ко времени. Казахскому обществу ныне подавай национальный радикализм (вариант: радикальный национализм). Так что с уверенностью можно утверждать: Токаев для России не многим лучше тех, от кого мы его защитили. Он умный и твердый политик, который видит ситуацию изнутри и не может игнорировать настроения масс. Ведь Конфуций некогда точно сформулировал: если хочешь, чтобы народ шел за тобой, ты должен идти за ним. Понятно, что для Токаева те представители казахских националистических кругов, которые стоят за январским путчем, — не опора и не социальная база, а всего-навсего политические конкуренты, в отношении которых действует завет Остапа Бендера: «Нам грубьянов не надо, мы сами грубьяны». Его задача — избавиться от конкурентов, сохранив общую с ними социальную базу, но уже исключительно для себя. И что же мы увидели в первых шагах Токаева?

Мы увидели, как Токаев, не успели мы спасти его от путчистов, тут же на весь свет продемонстрировал свою ориентацию и опору на казахских националистов-русофобов. В новом правительстве республики, чей состав им оглашен, мы видим 22 фамилии, но только одна из них — некто Ильин — русская, и что-то подсказывает мне, что он не ставленник русской диаспоры.

Зато в списке назначенцев присутствует Аскар Умаров, министр информации и общественного развития Казахстана — личность более чем одиозная, которой даже запрещен въезд в Россию из-за оголтелой, отъявленной русофобии. Неизгладимо запечатлелось, как в 2017 году возглавляемое им госинформагентство «Казинформ» (это как наш ТАСС или РИА Новости) издало карту, где к Казахстану наглядно прирезаны российские территории (Омск, Оренбург). Умаров уже заявлял публично по адресу русского населения Казахстана: «Не забывайте, что вы тут навязанная диаспора, а не автохтоны, и скажите спасибо, что ваши права соблюдаются и вас как колонизаторов в иных странах никто не гонит». Не гонит? Судя по тому, что русское население республики за тридцать лет потеряло половину своего состава, это далеко не так. Но то ли еще будет! Ведь именно с Умаровым связывают появление прошлым летом в Казахстане «языковых патрулей», которые на улицах требуют от случайных прохожих, чтобы они говорили на казахском языке или извинялись за его незнание. Подобные действия мы уже видели на Украине, в Молдавии и других бывших республиках СССР, следствием чего был усиленный отток из них русских. Не случайно глава Россотрудничества Евгений Примаков в сво-

ем канале в *Telegram* назвал нового министра «русофобской дрянью» и уже отказался с ним сотрудничать из-за его слишком хорошо известных взглядов.

Не только Умаров, впрочем, приобрел дурную славу в России из членов нового казахского правительства: образованием в нем теперь будет заниматься Аскат Аймагамбетов, тесно связанный с ЦРУ и фондом Сороса, как повествуют об этом многочисленные публикации в СМИ. Не удивлюсь, если и некоторые другие министры под стать этим двум названным.

Поневоле приходится думать, что сугубая русофобия и западничество стали для Токаева критериями отбора в новую постназарбаевскую элиту Казахстана. И это немедленно уловили влиятельные казахи в самой России, в Москве. Так, председатель московского фонда «Казахская диаспора» (он же и председатель Центрального правления Московского дома национальностей!) Полат Джамалов публично назвал оккупацией ввод войск ОДКБ — он прекрасно понял, что такое заявление ничем не чревато для него ни здесь, ни дома.

Что ж, логика Токаева понятна: чтобы удержаться у власти, он сам должен стать крутым националистом, не уступающим по данному параметру ни ушедшему в прошлое Назарбаеву, ни лидерам путчистов. Он должен быть максимально лоялен по отношению к самому феномену казахского национализма, к этой поднимающейся грозной народной волне, воплощению пассионарности демографически успешного этноса. Чтобы не оказаться однажды в жалком положении г-на Януковича. Его маневр предельно ограничен, что бы ни заявлял он клятвенно коллегам в кулуарах ОДКБ...

Что будет, если Россия начнет давить на него, настойчиво требуя защиты прав и интересов казахстанских русских? Скорее всего, он будет вынужден перейти на крайние позиции и сам на этот раз возглавить новый, еще более радикально националистический путч, поскольку ничего другого ему попросту не останется. А это, в свою очередь, будет означать решительный шаг к окончательному расколу страны, за которым последует... Что? Это будет зависеть только от позиции России.

Чего ждать, на что надеяться?

Сценариев несколько. Не секрет, что в России немало народу бредит восстановлением СССР. К примеру, глава Национально-освободительного движения, депутат Госдумы Евгений Федоров обосновал в подобном духе возвращение всей территории Казахстана в Россию. Всей! Естественно, со всем

ее 12-миллионным казахским населением, стремительно размножающимся и русофобским по определению. Ничего ужаснее нельзя было себе вообразить, ведь это всё равно, что посадить человека жить в обнимку с осиным ульем. Боже упаси! Но идея, несомненно, вызывает энтузиазм и надежды в определенных кругах.

Есть, однако, другой сценарий. Он предусматривает ввод российских войск на те территории, что были переданы Казахстану в свое время от Российской Федерации на условиях невыхода из СССР (вот тут могут пригодиться казуистические выкладки Федорова для юридического оправдания такого шага). И восстановление таким путем законного права на них со стороны России. Тут должен быть соблюден основополагающий принцип: взять свое, чужого не трогая. Верните нам наше, бывшие братья, а ныне небратья казахи, — и спите спокойно, и стройте себе что хотите, независимые вы наши...

Правда, в этом случае придется занять также Кызылординскую область с космодромом Байконур, поскольку надеяться на продолжение доброго сотрудничества в этой сфере будет вряд ли возможно. Хотя бывает всякое — к тому же, придется пожертвовать русской Алма-Атой, дотянуться до которой и контролировать которую мы не сможем (слишком далекий анклав), так что произойдет своего рода размен.

Нужно особо отметить, что такая политическая развязка по большому счету уже санкционирована российской властью. Причем с самого верху. Так, президент Владимир Путин, выступая в 2014 году на Селигере, сказал, явно в развитие главной идеи «Русской весны», что у Казахстана никогда не было государственности и значительная часть его территории — это «подарки» от России, сделанные во времена СССР. А уже в 2020 году в знаменательный день 22 июня Путин дополнительно заявил: «При создании Советского Союза в договоре было прописано право выхода, а поскольку не была прописана процедура, то возникает вопрос: если та или иная республика вошла в состав Советского Союза, но получила в свой багаж огромное количество российских земель, традиционно российских исторических территорий, а потом вдруг решила выйти из состава этого Союза, но хотя бы тогда выходила с тем, с чем пришла. И не тащила бы с собой подарки от русского народа».

Посыл президента был услышан, верно понят и подхвачен многими политиками, политологами, журналистами. В том числе такими чуткими, тонкими и точными ловителями по-

литических ветров, как депутаты Госдумы Вячеслав Никонов и Евгений Федоров. Так, в программе «Большая игра» на Первом канале 10 декабря 2021 года Никонов заявил, буквально вторя Путину, что прежде «Казахстана не существовало, Северный Казахстан вообще не был заселен. Они (казахи. — А.С.) существовали гораздо южнее. И, собственно, территория Казахстана — это большой подарок со стороны России и Советского Союза». Уместно напомнить, что с 2007 года Никонов — исполнительный директор фонда «Русский мир», назначенный на этот пост лично президентом России, а с 2011 года председатель правления этого фонда. То есть, его заявление — манифестация влиятельной организации, почти официоза, отвечающей за русский аспект этнополитики и состоящей непосредственно под патронажем государства. О Федорове сказано выше.

Вариантом решения данной проблемы могло бы стать соглашение с Китаем о разделе Казахстана по вышеуказанным границам. Таким образом, казахское сопротивление разделу сразу превратилось бы из нашей проблемы — в китайскую, а в той стране накоплен гигантский опыт решения подобных проблем (взять хотя бы Тибет или Синцзяно-Уйгурский район). Кто-то скажет, что такое решение опасно тем, что между Китаем и Россией исчезнет буфер, как исчез он в 1939 году между СССР и Германией с разделом Польши. Но на самом деле для нас мало что изменится, ведь у нас и без того самая протяженная граница с Китаем, так что мы ничего не теряем.

Такой исход назревающей проблемы российско-казахстанских отношений стал бы достойным и очень логическим продолжением «Русской Весны», воссоединения с Крымом и углубленной интеграции с Белоруссией. Если, конечно, смотреть вперед с позиций стратегических, не отвлекаясь на вопросы тактики и не позволяя зашорить себе глаза мечтами идеалистов о вечной дружбе народов.

От редакции

Изложенные размышления Александра Севастьянова — это точка зрения автора статьи. Журнал предоставляет возможность высказать своё аргументированное мнение по любым проблемам каждому профессиональному публицисту и аналитику.

РАССКАЗЫ

КОМПОНИСТ

Осенью, в канун страшного сорок седьмого, мыкались мы с матерью по чужим углам. Жили сначала у знакомых неподалеку от вокзала, потом перебрались в окраинный район Дубинку, в частный дом — скрипела по ночам, терлась об оконное стекло лоза, и всё вокруг пахло виноградом «изабелла», сестра хозяйки дома, парализованная старуха, целый день сидела в коляске, следила за мной выпученными глазами и что-то мычала — оттуда тоже пришлось съехать, уж не помню почему. Пригрела нас Лина Григорьевна, смуглая, похожая на цыганку женщина — с ней мать дружила потом до самой смерти, а белая, утонувшая в зарослях жасмина хата на всю жизнь для меня стала символом спасительного прибежища.

Навалилась сырая, стылая осень, матери далеко было ездить на работу, трамваи ходили кое-как, пришлось искать что-то поближе — так вот мы и оказались в закутке у Сазонихи, одинокой бабки, имевшей «квартиру» в одноэтажном кирпичном бараке, что стоял в пяти минутах ходьбы от стеклотарного завода, где мать избрали секретарем парткома.

ПРОЗА

Квартирка была крохотная, с полутёмной, в одно окно, горницей, проходной кухонькой, где стоял топчан Сазонихи, и холодными сенями, которые старуха называла пышно — «террас». Дом-барак торцом упирался в высокий серый забор, за которым громыхали, звякали буферами составы, тонко вскрикивал по ночам маневровый паровозик «кукушка».

Всю зиму я проболел. Сазониха, сердито гремя кастрюлями, бормотала: «Эко, малец, истаял весь». И совала мне то моченое яблоко, то солёный, в колких пупырышках огурец. А зима стояла тяжёлая, светало поздно, солнце медленно протаивало сквозь оконную наледь, по дворам ходили нищие, люди замерзали на улицах.

Родичи привезли из станицы два мешка кукурузы, старуха пекла кукурузные лепешки, тем нас и спасла. И ещё мать приносила с завода тыкву, запечённую у стекловарной печи. Розовая, сладкая тыквенная мякоть так и осталась для меня особым, ни с чем не сравнимым лакомством.

«Хрум-хрум» — похрустывала машинка, на которой Сазониха молола кукурузу, «хрум-хрум» — отдавалось за окном, словно и там, в предвечерней сини, кто-то вращал рукоятку самодельной мельницы. Только к весне, к концу февраля, понял я происхождение этого однообразного, тягостного звука.

Вялый, укутанный в ватник и пуховой платок, вытолкнут я был Сазонихой в ветреный февральский простор: «Неча в хате-то преть, ступай воздухом подыши». Снег осел, с сосулек капало, серый забор почернел, сад был пуст, на голых ветвях висели янтарные капли. Там-то, в саду, услышал я знакомый звук, проковылял к калитке, глянул, щурясь, пытаюсь понять, откуда хрумканье, и увидел нечто серое, колышущееся и не сразу понял, что это строй. По раскисшей, в желтом крошewe дороге шли пленные немцы, желтолицые, оборванные, кто в чем, шли, стараясь держаться прямо, и изпод сапог летели комья грязи. «Хрум-хрум, хрум-хрум».

Я смотрел вслед удаляющемуся строю и не мог поверить, что это те самые немцы, которые убили моего отца, заставили нас с матерью бежать через всю страну, скитаться по углам. Именно они сделали мою жизнь такой непомерно длинной — столько уже в ней было воспоминаний. Вялый, закутанный в платок, я стоял у калитки, и у меня было ощущение, что меня обманули, а вечером снова подскочила температура, я метался в жару, комната была заполнена жидким, как подсолнечное масло, светом, а за стеной всё ближе и ближе слышалось страшное: «Хрум-хрум». А рядом голос Сазонихи: «Молись, девка, видать, к утру отойдет».

Но я не умер. На третий день жар стал спадать, Сазониха натирала меня собачьим салом, силком заставляла есть мёд — где только его раздобыла? — и пить какие-то горькие травяные отвары, от которых мне делалось необыкновенно легко, я как бы парил в комнате у самого потолка и, приходя в себя среди ночи, видел оттуда, сверху, замершую перед иконой старуху и рыдающую у моей койки мать. Наверное, я и в самом деле был близок к тому, чтобы «отойти».

Потом я стал быстро поправляться, наступила весна, и я пошел в школу. Сазониха уехала в станицу помочь родичам управиться по хозяйству и добыть продуктов. Как я сейчас ни пытаюсь вспомнить лицо этой старухи, спасшей мне жизнь, и не могу — что-то морщинистое, темное, угрюмое. Была она низкоросла, худа, сгорблена, а ходила тяжело, стуча подошвами бурок, как копытами. Мать потом рассказывала: мужа Сазонихи, казака, посадили еще в начале тридцатых, а когда на Кубань пришли немцы, сына взяли в полицаи, был он, говорят, зверь зверем, старуха прокляла его, подалась в город, к сестре, от покойной сестры и досталась ей квартирка, где прожили мы голодную зиму сорок седьмого. Мое воскресение Сазониха считала чудом: «Простил меня Господь, простил за мово-то душегуба, антихриста проклятого».

В конце марта стало уже совсем тепло. Чтобы я не болтался после школы на улице, мать брала меня с собой на завод. Мне там нравилось. В огромном сумрачном цехе ревели вентиляторы, у стекловарной печи по деревянным настилам сновали люди, малиновые блики плясали на закопченных стеклах. Я пристраивался в стороне и наблюдал за работой стеклодувов. Стеклодув совал в огнедышащий зев железную палку, выхватывал оплывший красный ком, похожий на конфетку-тянучку, и из него рождалось то стекло для керосиновой лампы, то графин, а то стеклянный чертик. Рядом на шипящих, постреливающих паром машинах, женщины штамповали трехлитровые баллоны для овощных консервов. Расплавленное стекло заливалось вручную, подсобница должна была успеть отсечь вязкую огненную массу. Баллон выхватывался из формы шприцами, ставился на посыпанную песком площадку, он быстро темнел, покрывался серым налетом и постепенно становился прозрачным. Один из стеклодувов, старик Бурмистров, сворачивал толстую самокрутку, закуривал и, подмигнув мне, извлекал из широченных штанов сверток. «А ну глянь, что там моя ведьма сунула?» В свертке я находил то шмат круто посоленного сала, то копченый рыбец, а то несколько мелких, в крапинку яиц. Жена его

действительно походила на ведьму: седая, растрепанная, в черной, обвисшей до земли юбке. Когда стеклодув возвращался домой пьяным, ведьма кричала на всю улицу: «Шоб ты сказився, заразы кусок!» «Кусок заразы» представлялся мне в виде студня, и всякий раз, разворачивая сверток, я со страхом ожидал, что увижу нечто подобное.

Однажды на заводской двор, урча, вкатил обшарпанный «Студебеккер», из его кузова не спеша вышло несколько пленных немцев. Они принялись нагружать вагонетки песком. Когда вагонетка заполнялась, пленные по команде старшего отгоняли ее к воротам цеха. Закончив работу, немцы побросали в кузов грузовика лопаты, забрались сами и уехали, а один из них, худой, низкорослый, в очках, остался. Он стоял, зябко поеживаясь, задрав остроносое лицо к небу. Я подошел ближе и спрятался за кучу песка. На немце был серый, вылинявший мундир с белыми полукружиями пота у подмышек, ноги жердями торчали из широких голенищ. Он был рыж, светлые, почти прозрачные глаза что-то отыскивали в небе, а губы, вытянутые трубочкой, шевелились. Я не сразу понял, что немец насвистывает какую-то мелодию. Он стоял ко мне спиной, и тощие его ноги слегка притоптывали, отбивая ритм. Надо же, свистун! Я пошарил глазами, нашел обломок кирпича и, широко замахнувшись, запустил в ненавистную спину. Немец упал как подкошенный, упал лицом в песок, словно в спину ему угодила пуля. Он лежал, широко разбросав руки, и не двигался. Радость от удачного броска сменилась у меня страхом — может, я убил его? Наконец немец пошевелился, перевернулся на спину, сел, наши глаза встретились, очкарик смахнул с лица песок и заплакал. Я видел, как у него по впалым щекам скатываются слезы, как вздрагивают его худые плечи. Я повернулся и пошел прочь, боясь оглянуться, боясь увидеть эти прозрачные, мокрые от слёз глаза.

— Что с тобой? — спросила меня вечером мать.

— Ничего, — ответил я.

На другой день я не пошел на завод. Мать рассказала, что пленные возят из карьера песок, который идет на изготовление стекла, что немцы все доходяги, бабы жалеют, подкармливают их — ничему нас, русских, война не научила.

Появилась первая зелень — редиска, лук, стало уже не так голодно, и хлеба по карточкам прибавили. Мать говорила, что ожидается снижение цен, а скоро и карточки отменят. Немцы всё так же работали на заводе. Очкарик, видно, был болен, напарники не брали его с собой в карьер, и он отлеживался на песке. Он уже не насвистывал. Когда возвращался из карьера

«Студебеккер», очкарик вставал, брал лопату и начинал нагружать вагонетку. Каждое движение давалось ему с трудом.

Третий день дул норд-ост, с крыш летело кровельное железо, тротуары были усыпаны лепестками отцветающих деревьев, сразу стало холодно. От нечего делать я слонялся по заводскому двору, потом по лестнице забрался на крышу склада. Оттуда видна была товарная станция: железнодорожные составы — зеленые, бурые, серые вагоны, тускло поблескивающие нефтеналивные цистерны, рыжий пустырь, левее — пирамиды похожих на рыбки пузыри баллонов, приготовленных к отгрузке, а еще левее, за деревьями, за разноцветными крышами, открывался вид на заречье с синими горами.

Меня всегда влекла высота, то острое ощущение ужаса, холодка в животе, когда подходишь к самому краю крыши — и внизу открывается бездна. Оттуда, с крыши, я увидел очкарика, он лежал на песке, и фигура его казалась совсем маленькой и жалкой. Я спустился с крыши, подошел к нему. Немец неожиданно открыл мутно-голубой, увеличенный стеклом очков глаз и тихо сказал:

— Мальшик... Гутн так, мальшик.

Я испуганно отскочил.

Очкарик неуклюже сел, покачал головой:

— О, ньет... Бояться — ньет. Как тебя совут, мальшик?

— Никак! — я с брезгливостью разглядывал его.

— Никак — плёхо, — немец улыбнулся. — Отшень плёхо. Я есть Ганс! — Он похлопал себя по груди. — Я есть музыкант, компонист, сочиняйт мюзик. Ферштейн?

Я усмехнулся. Мне показалось невероятным, что этот тщедушный человек может сочинять музыку.

— Вы не верейт? Я и сам не верейт, — немец звонко рассмеялся. — Вот смотреть. — Он встал, отбросил полы длинноватого мундира, взмахнул руками, словно собирался дирижировать оркестром — дирижеров я видел в киножурналах, что показывали перед тем, как начать крутить фильмы, — его светлые брови взлетели вверх, синие, почти чёрные губы сложились в трубочку, очкарик на секунду замер, незряче глядя перед собой, затем дрожащим голосом повел мелодию. Я с изумлением глядел на него. Еще несколько минут назад немец лежал без сил на песке, я даже подумал, что он умер, а сейчас он преобразился, на скулах проступили розовые пятна, глаза блестели. Я видел, как песок струйками затекает в широкие голенища сапог, но он ничего не замечал, продолжая дирижировать оркестром. Я сидел ошеломленный. Ганс вдруг покачнулся, тяжело осел на песок и закашлялся. Кашлял он долго, с надрывом.

На другой день дежурил незнакомый вахтер, и на территорию завода мне пришлось пробираться через щель в заборе. Ганс, нахохлившись, сидел на перевернутом ящике и ел хлеб. Раскрошил маленький кусочек и посыпал воробьям. Увидев меня, он поздоровался и спросил, указывая на воробышек, спящих у его ног:

— Как называйт... Как называйт по-рюсски... Э-э?

— Воробей.

— Я, я... воробьей. — Ганс выпятил нижнюю губу и чирикнул. Получилось здорово. Он и сам походил на воробья: серенький, остроносый. Я засмеялся. Немец покрутил головой, ткнул пальцем в ворон, круживших у заводской трубы, громко каркнул. И тут же, забыв обо мне, что-то пропел, меняя звук так и эдак. Прислушался и стал что-то быстро рисовать палочкой на песке. А ветер дул, гремел кровельным железом, в небо летел всякий мусор, а Ганс всё чертил и чертил на песке знаки, похожие на птичьи следы. Потом, словно очнувшись, смахнул их ногой и, грустно посмотрев на меня, пояснил:

— Нотен... Я, я.

Как, почему, почувствовал я своим обугленным войной сердцем, что Ганс занят чем-то очень и очень важным и это не должно исчезнуть, как следы на песке? Я никогда не видел, как пишут музыку, но именно этот жалкий, больной немец заставил меня поверить, что существует другой мир, мир, где нет и не может быть войн, нет барахолок, нет унылых очередей за хлебом, вонючих, кишашщих шпаной вокзалов, где люди спят прямо на каменном полу и мухи ползают по их лицам. Я не мог еще изложить словами свое впечатление, но потаенное чувство подсказало мне, как следует поступить. У меня было припасено несколько тетрадок в клеточку — целое богатство, не помню, на что матери удалось их выменять на рынке, знаю только, что стоили эти тетради дорого. И вот я тайком взял одну тетрадь и отнес Гансу. Сам эпизод выпал из памяти, не уверен даже, поблагодарил ли он меня, а вот глаза Ганса запомнились, внезапно потемневшие, наполненные теплотой и состраданием. Такие глаза не могли быть у человека, убившего моего отца.

Теперь я бывал на заводе каждый день. Изредка мне удавалось принести Гансу кукурузную лепешку или немного хлеба — жить стало полегче; он рассеянно благодарил, жадно ел, заглатывая большие куски, кадык дергался на тощей шее — чувствовалось, что он далеко отсюда, от грязного заводского двора, куч белого речного песка, ржавых вагонеток. Иногда, задумавшись, он вздрагивал, точно кто ударял его в бок, то-

ропливо доставал из кармана мундира подаренную мной тетрадку, огрызок карандаша и, присев на перевернутый ящик, начинал писать, как тогда на песке. Ганс по-прежнему кашлял, в груди у него хрипело и посвистывало. По-русски он понимал почти всё. «Нужно лечиться, в больницу», — сказала я ему. Ганс покачал головой: «О, нет. Арбайтен, арбайтен...» — и показал на груды песка и вагонетки.

Однажды Ганс спросил меня:

— Твой фатер... отец жив?

— Нет. Погиб на фронте.

— О, майн гот! — немец закрыл лицо руками и покачал головой.

Ночью меня опять давили кошмары, что-то смутное, угрожающее, а потом вдруг открылось ровное черное поле. «Это война, — сказал чей-то голос, — а сейчас мы будем передавать музыку». Но я услышал не музыку. А знакомое: «Хрум-хрум!» — по полю двигалось, изгибалось что-то серое, круглое, похожее на гусеницу — много ног, много глаз и все они глядели на меня. Гусеница росла, увеличивалась в размерах, заполняла всё вокруг, стало трудно дышать...

Старик Бурмистров как-то спросил меня:

— Ты что с немцем-то валандаешься?

— Он не немец.

— А кто же?

— Он музыкант. Музыку сочиняет...

— Много они музыки насочиняли. Музыкант-то твой, видать, не жилец. Ишь, как кашляет. В больницу его нужно.

— Он не хочет.

— И то... В больнице скорее коньки отбросишь. На-ко, снеси ему, пусть поест. — Бурмистров протянул мне кусок хлеба с ломтем сала. — Сало-то, оно от кашля помогает.

Пленных на работу обычно привозили на заводском грузовике без охраны. Иногда в кабине «Студебеккера» рядом с водителем сидел маленький, стриженный наголо солдатик с автоматом. Случалось, что немцев сопровождал и сам начальник охраны лейтенант Гуш. Он был плотен, коротконог, с непомерно большой головой, на которой фуражка с синим околышем всегда сидела прямо. Обычно лейтенант стоял во дворе, придирчиво наблюдая, как военнопленные работают. Его не любили и побаивались. Кто-то дал Гушу странную кличку: «Тетя-дядя». Работницы посмеивались: «Ишь, Тетя-дядя идет, буркалы, как у борова», «Да в ём, бабы, от мужика только одне штаны!»

Я старался не попадаться Гушу на глаза. При его появлении военнопленные, отправляясь в карьер за песком, брали с

собой и Ганса. Тот был слаб, его приходилось подсаживать в кузов. Однажды, когда Ганс уже перебросил тощую ногу через борт, из-под мундира вывалилась мятая тетрадка. Лейтенант Гуш поднял ее, развернул и стал с удивлением разглядывать.

Ганс с мольбой протянул к нему руки:

— Господин офицерен. Это есть мой хефт, я сочинял мюзик.

Тетья-дядя свирепо глянул на него:

— Музыку сочинил? Ах, мать твою так! Ото ж, паскуды, кормять их, от народа отрывают... А ну давай, нечего фило-нить!

«Студебеккер» рывком взял с места. Гуш, тужась, краснея лицом, разорвал тетрадку на мелкие кусочки и долго топтал их сапогами.

Прошло два дня. Я не был на заводе. Из станицы вернулась Сазониha, привезла мешок фасоли, кукурузу, свиной смалец, принялась за уборку. Я таскал воду. Часов в десять утра, прихватив кусок хлеба со смальцем, выскочил во двор. Было душно, гудели пчелы, ранние черешни уже стали розо-веть. Я хотел немного хлеба оставить Гансу, но увлекся и не заметил, как съел. Уже на заводской проходной почувство-вал, что что-то неладно. У вахтерши было испуганное крас-ное лицо, с ней разговаривал незнакомый военный. До обе-денного перерыва было еще два часа, но во дворе толпились рабочие. У пустых вагонеток угрюмо, отдельной группой сто-яли пленные немцы. Около них прохаживался, скрипя сапо-гами, лейтенант Гуш. Увидев меня, он сердито заорал:

— Ну-ка ступай отседа, нечего здесь шастать! И вы расхо-дитесь, граждане.

Рабочие, не обратив на него внимания, продолжали негром-ко переговариваться:

— А што случилось-то?

— Та кто их знае? Хриц шо ли убег?

— Не убег. В нужнике удавился.

— Тю! Чего брехать зря?

— Говорят тебе. Бурмистров пийшов до витру, а там, в нуж-нике, немец висит. На помочах удавился.

— Иди ты!

— Ну? Хворый был. Тошой такой, в очках. Кашлял всё.

— Отчего же он себя порешил?

— Тосковал, видать. Человек всё же.

— Нашел, кого жалеть, они нас не очень-то жалели.

А во двор тем временем, пискляво гуднув, въезжал автобус «скорой помощи». На столбе что-то заполошно бубнил ре-

продуктор. Под ноги мне попался клочок бумаги. Я поднял его — это был разорванный лист из тетради в клеточку.

В ГОД ЧЕШСКОЙ КОМЕТЫ

Памяти Ирины

Сохранилась фотография: у клумбы с цветущими флоксами на маленькой скамеечке сидит Ирина. Среди сочной зелени видны ее загорелые руки, она рыхлит маленькими грабельками землю, волосы падают ей на глаза, она убирает их тыльной стороной ладони и улыбается.

С деревянной решетки, стоящей посредине клумбы, свисают гирлянды соцветий клематиса — изящных граммофончиков, темно-синих по краям и бледно-голубых в центре. Такого цвета были глаза у Ирины. Она до пятидесяти была очень хороша. Такие лица можно встретить только на Кубани, где греческая, черкесская кровь перемешана с вольной казацкой, малороссийской.

Мы прожили тридцать пять лет. У нас было всё: и хорошее, и плохое. Ира безропотно разделила мою судьбу, судьбу флотского офицера — бесконечные переезды, чужие углы, Север с его гиблым климатом, медленно растущий достаток, бесквартирье. Но у нас была и яркая, как вспышка магния, любовь там, у Черного моря, в Геленджике, в год, когда к Земле приблизилась Чешская комета.

...Я закрываю глаза, в лицо мне ударяет сухой полуденный зной. Мы с Ириной идем по центральной улице мимо магазинов, мимо выгоревшего на солнце сквера — петунии на клумбах опали от жары и напоминают раскисшую в воде бумагу, только багровые шапки «паньчей» упруги, листья сочны — им солнце нипочем. Асфальт проезжей части блестит, а сама дорога напоминает мутную реку в половодье, такую, скажем, как Кубань. Мы с Ирой еще на «вы», я робок, хочу показать себя с лучшей стороны, но меня то и дело заносит. С рассказа о стажировке на Севере я перескакиваю на Гленна Миллера и тут же пытаюсь воспроизвести его мелодии. Выставка немецкой графики в Эрмитаже, поэзия перемешиваются у меня с флотскими байками. Я выворачиваю свой тощий рюкзачок с эрудицией, и уже видно его пыльное дно. «Ирина, наверное, считает меня дураком», — со страхом думаю я и холодею от этой мысли. И верно, я поглупел, меня умиляет всё: небо, пыльный сквер, собака у входа в кафе «Крыша», — но взгляд мой остр, я замечаю каждую деталь, и она тут же

запечатлевается в мозгу — словно предчувствую, что это лучшие мгновения жизни и всё нужно запомнить.

На Ире пестрый сарафан. Ей идет всё пестрое, цыганское. На смуглом плече голубая бретелька купальника — с утра мы были на пляже. Мы шли просто так, еще не договорившись о вечере. Я мучительно размышлял, что же предложить. Танцы отпадали. Пойти на концерт ансамбля лилипутов? Или в кино? Ира молчала, затаённо улыбаясь каким-то своим мыслям.

— Юрка!

Я удивленно обернулся и увидел, что русоволосый крепыш в пестрой рубашке уверенно движется ко мне. Серега? Ну, конечно, он, мой однокашник и товарищ по сборной училища по боксу Сергей Борисов. Профиль римлянина, коротко подстриженные волосы, тяжело обвисшие могучие плечи. Серега — знаменитость, чемпион Ленинградского гарнизона по боксу в тяжелом весе.

Я помахал ему рукой, но он не обратил на меня внимания, а удивленно, даже растерянно разглядывал Ирину. Наступил и мой черед удивляться. Вслед за Сергеем шла девушка, поразительно похожая на Иру, сходство усиливал сарафан, такой же пестрый, цыганский. Невероятно — те же глаза, те же волосы, тот же матовый оттенок кожи. Их вполне можно было принять за сестер-близнецов, разве что подруга Сергея чуть выше ростом. Девушки тоже заметили свое сходство и улыбнулись.

Сергей быстр на ринге, а в жизни он тугодум.

— Познакомьтесь, — неуверенно пробормотал он, — моя жена.

Жена протянула руку и представилась:

— Ирина.

— Ирина, — ответила «моя» Ирина и засмеялась.

— Спятить можно! — Сергей потрясен. — Сестрички-лисички, и обе Ирины. Или у меня в глазах двоится? Послушай, милая, может, у тебя и фамилия Борисова?

— Да, Борисова, — спокойно ответила «моя» Ира.

Серега помрачнел:

— Бросьте разыгрывать, ребята. Двух Ирин Борисовых в природе быть не может.

— Кроме шуток, я и в самом деле Борисова.

Возникла пауза. На помощь пришла жена Сергея:

— Сержик, ты забыл, что по паспорту я — Инна, но мне не нравится это имя. Чтобы не запутаться, я на время верну его себе.

Сергей, похоже, пришел в себя.

— Ладно, разберемся. Теперь слушайте сюда: у меня есть гениальная идея. Мы с Ирккой, виноват с Инной, занимаем целый дом в Фальшивом Геленджике. Сейчас пробежимся по магазинам и едем к нам.

Я растерянно посмотрел на Иру. Мы знакомы всего два дня и еще даже на «ты» не перешли. Она не может согласиться, не должна — ведь ехать с ночевкой. И как я ее представлю? Знакомая? Глупо.

Но всё разрешилось неожиданно просто. Я отказывался верить своим ушам.

— Отличная идея, — Ирина поправила бретельку купальника. — Я люблю Фальшивый, конечно, едем. Только мне нужно переодеться. А тебе, Юра, идти домой незачем. Фальшивый — деревня, там целый день можно ходить в плавках.

«Тебе!» — удивительно, как я не грохнулся на раскаленный тротуар.

— А что нам взять с собой? — как-то очень буднично спросила Ирина.

— Бутылку водки. У нас есть «Шартрез» и десятилитровый баллон сухого вина. Ударим по коктейлям. Баранину я сейчас куплю, замастырим шашлыки. Короче, встречаемся через час у входа на рынок. Там проще поймать такси. Успеете?

— Успеем, — кивнула Ира. — Юра, пошли. Пока я буду переодеваться — мне еще ополоснуться нужно после морской воды, — ты сходишь в магазин. Деньги у меня есть.

Деньги... При чем тут деньги? Разве они имеют сейчас ценность? Я вижу себя как бы со стороны: брюки выглядят вполне прилично, пляжная рубашка-распашонка тоже вполне. Нет, всё ничего, если бы не выражение идиотской восторженности на лице.

— Вот мы и пришли, — сказала Ирина. — Я тебе сейчас вынесу сумку. Магазин в двух кварталах отсюда, на углу. Вернешься, посиди на скамейке.

В магазине, сумрачном, грязноватом, я купил бутылку «московской», полкило сыру, две банки шпрот. Ирину пришлось ждать минут двадцать, и я уже стал беспокоиться, не передумала ли она. С гор потянуло ветерком. В саду с тупым звуком падали груши. Но вот скрипнула дверь, и на пороге появилась Ира. Ресницы подкрашены тушью, отчего глаза кажутся еще больше, губы подведены, густые волосы собраны в пучок на затылке и схвачены аптечной резинкой. Она — другая, она — еще лучше, красивее и недоступней.

— Заждался? — Ирина улыбнулась. — Ничего, успеем.

Сергей и Инна уже ждали нас у входа на рынок. Серега купил увесистую баранью ногу с черным симпатичным ко-

пытцем, у Инны на шее, точно монисто, висела связка молодого чеснока. Подкатило такси — запыленная, расхлябанная «Победа».

— Девочки, живо на абордаж, а то перехватят! — скомандовал Сергей.

Таксист, молодой лохматый паренек, глянув на девушек, присвистнул от удивления:

— Тю, близнята! Ну, хлопцы, хорошо вы устроились. Не путаете в потемках?

— Нет, — серьезным голосом ответил Сергей, усаживаясь рядом с ним на переднем сиденье. И тут же пояснил:

— У одной на попке родинка, а у другой нет.

— О тож каждый раз смотреть? — поразился таксист. — Брешете, небось?

— Хочешь, покажу? — Инна стала приподнимать подол.

— Не, не надо, а то ослепну. — Парень смущенно засмеялся, закашлялся, и на его загорелых щеках проступил румянец.

Я разместился на заднем сиденье в центре, между «близнятами», и чувствовал себя неуверенно. К тому же баранья нога упиралась мне в пах острым копытцем. Такси гроыхало, как жестяное ведро, в салоне плавало облачко пыли. Серега что-то рассказывал таксисту, тот тряс головой, хохотал, и тогда «Победа» начинала вилять, а из-под колес с визгом летела галька.

Дни в Фальшивом Геленджике запомнились так, будто это происходило вчера. И всё же отдельные события кажутся мне теперь размытыми, словно я на ходу вскочил в быстро вращающуюся карусель.

...Белый одноэтажный дом стоял в запущенном саду. Сразу за живой изгородью начинался пляж. Дом был построен недавно, в комнатах, на просторной веранде еще пахло сосновыми стружками. Хозяин, полковник в отставке, родственник Сергея, на месяц уехал в Ленинград.

Скрипели цикады, всплескивало море. Пока девушки накрывали в саду на стол, мы с Сергеем отправились в поселковый магазин за хлебом. Поселок был пуст, отдыхающие еще жарились на пляже. Из местных жителей встретили только старика черкеса да двух древних старух с вязанками сушняка на сгорбленных спинах. На пустыре у школы паслись, брэнча колокольчиками, коровы.

Я всё еще был не в своей тарелке, не знал, как дальше сложится вечер. Сергей и Инна, безусловно, считают Иру моей невестой. Обман может раскрыться каждую минуту. Правда, Ирина умело подыгрывает мне, но вдруг Сергей спросит:

давно ли знакомы, где живет, кто родители? А я ничего не знаю, могу запутаться. Что тогда?

Но, похоже, Сергею это мало интересовало. Его беспокоило, правильно ли он приготовил маринад для мяса, созрело ли оно, хороши ли древесные угли.

Когда, купив хлеба, мы вернулись, стол в саду под яблоней уже был накрыт. Таз с виноградом стоял на земле, над ним вились осы. Ира раскладывала угли в мангале, а Инна нанизывала на шампуры куски мяса.

— Стоп! — гаркнул Сергей командирским голосом. — Шашлыки не женское дело. Кто разрешил?

Жена спокойно посмотрела на него:

— А ты не ори. Вы бы еще до ночи шлялись. Есть хочется. Принимайся теперь за дело. Юра, режь хлеб.

Шашлыки получились превосходные, сочные, с вкусно хрустящей корочкой. Сергей торжествовал. Вечер удался. Я старался пить поменьше. Да и зачем? Рядом Ира. И всё равно я был в ударе. Анекдоты, наполовину выдуманные истории так и сыпались из меня. Долго держался, тлея, закат. Море истекало малиновым светом, и на его фоне чайки казались черными. Потом как-то сразу стало темно. Инна принесла керосиновую лампу, о ее стекло с цокающим звуком ударялись какие-то ночные насекомые. Летучие мыши беззвучно пронеслись над головой. Засиделись до полуночи, а потом отправились купаться.

— Чур, мальчики отдельно, девочки отдельно! — предложила Инна. — Мы купаемся голяком. — Она слегка опьянела и часто без повода смеялась.

Ира же была молчалива, почти не принимала участия в разговоре, и меня это тревожило.

Галька на пляже еще была теплая. Небо — в россыпи крупных звезд. Каждую видно отчетливо, емко, словно на атласе. Рубиновый Марс, ковши Большой и Малой Медведицы, а рядом — искрящийся поток Млечного Пути. Это не Север, где штурманам порой трудно ориентироваться по звездам из-за непогоды.

Морская вода тоже была теплой, отраженные звезды изламывались на легкой волне, и, казалось, тонули.

Мы с Сергеем уже выкупались, стояли, вытираясь по очереди одним полотенцем, как вдруг из кромешной, спрессованной тьмы ударил луч прожектора. Голубой упругий, он скользнул по морю и стал неторопливо шарить по побережью. Вот луч замер, и я увидел две обнаженные женские фигуры, одна из них испуганно присела.

— Девки, а ну быстрее собирайтесь! — крикнул Сергей. — Сейчас пограничники нагрянут.

Через несколько минут мы уже торопливо шли по едва различимой тропинке. В зарослях ажины что-то потрескивало, шевелилось. Луну прикрыло тучей, и слева, над долиной реки Мезыбь, легла непроглядная тьма, справа же, там, где был центр поселка, мигали редкие колючие огоньки.

Впереди отчетливо прозвучал голос Инны:

— Я вам постелила в боковой комнате. Там не так пахнет лаком. Кровать полутораспальная, ничего, поместитесь. Только скрипит ужасно.

Ира что-то ответила, и они обе рассмеялись.

«Кровать, — тупо подумал я. — Разве это возможно?» Я испытал легкое разочарование — как-то слишком уж всё просто.

Потом я долго сидел на ступеньках крыльца. В глубине дома слышались тяжелые шаги Сергея. В саду пахло яблоками, к этому запаху примешивался другой, горьковатый, от остывшего мангала. Через равные промежутки времени вспыхивал прожектор, узкий луч его рассекал темноту, и тогда деревья отбрасывали длинные гибкие тени.

Ира легла — я слышал, как в боковушке скрипнула сетка кровати. Содрогаясь от озноба, я, как слепой, с вытянутыми вперед руками осторожно, ничего не видя, на ощупь открыл дверь, вошел в комнату, сделал несколько неуверенных шагов и вдруг услышал:

— Юра, не сердись, но спать тебе придется на полу. Там... коврик. Я тебе дам подушку и простыню.

— Да-да, — невнятно пробормотал я, еще на что-то надеясь.

— Наклонись ко мне.

Глаза привыкли к темноте. Справа — светлый квадрат окна, перечеркнутый виноградными лозами. Откуда свет? Ах да, прожектор. Я наклонился, ощущая, как гулко стучит сердце. Ирина коснулась моей щеки губами и тихо сказала:

— А теперь ложись и будь умницей.

Я покорно взял подушку, простыню, нащупал во тьме старенький половичок-дерюжку, лег, понимая, что не усну. Противоречивые чувства испытывал я: досада перемежалась с обидой — лежу, как пес, на полу, а рядом шевельнулась благодарность: Ира сегодня неплохо сыграла роль моей невесты. Но почему? Только из жалости, чтобы не унижить меня перед Сергеем? Подушка, набитая сеном, хрустела под головой, половик обжигал спину.

Уснул я только под утро. Проснулся, когда в окно бил яркий солнечный свет и в коридоре послышались шаги Сер-

гея. Я испуганно вскочил. Если Сергей узнает, что ночь я провел на полу, мне крышка. И тут я услышал шепот:

— Юра, давай-ка простыню и подушку и ложись рядом.

Я торопливо лег, чувствуя теплое бедро Ирины.

— Поспал хоть немного? — спросила она.

— Чуть-чуть.

— Молодец.

В дверь постучали.

— Эй вы, сони! — загремел Сергей. — Вставайте, завтрак готов.

Я спустил ноги с кровати и сказал утомленным голосом:

— Заходи, мы уже не спим.

Ира натянула простыню до подбородка. Сергей приоткрыл дверь, заглянул и усмехнулся:

— Даете, ребята! Койка-то хоть цела? А мы с подругой уже выкупались. Поднимайтесь быстрее, жрать хочется.

После завтрака пошли на пляж. За ночь выпала обильная роса, море было неспокойно. За темной прибрежной полосой, на гребнях волн ветер взбил пенистые барашки. В бухту нагнало много медуз. Выкупавшись, я зарылся в гальку, пытаясь согреться, и неожиданно уснул. Сквозь сон, словно издалека, до меня доносился приглушенный разговор.

Инна: Зачем тебе завтра уезжать?

Ира: Я обещала, дома будут волноваться. Да и билет на самолет я уже купила. Сейчас с билетами трудно.

Инна: А Юра?

Ира: Он еще останется на несколько дней...

И вдруг до моего сознания дошло: Ира уезжает, и я ничего не смогу поделать, чтобы удержать ее. После обеда мы уехали в Геленджик рейсовым автобусом, а на следующий день я провожал Ирину. Самолет на Краснодар улетал в полдень. Мы договорились встретиться в порту пораньше, чтобы успеть выкупаться на Тонком мысу. Я сходил на рынок, купил небольшой, похожий на пушечное ядро арбуз и бутылку домашнего красного вина. В начале десятого я уже сидел на скамейке у штакетника, отделяющего кассу и пассажирский зал от территории порта. Никакого зала, конечно, не было, под деревьями на скамейках дремали туристы, положив ноги на рюкзаки.

Солнце прикрыло облаками, отчего море стало густо-зеленого цвета. «Может, сегодня нелетная погода?» — с надеждой подумал я, вглядываясь в небо. Но облака таяли на глазах, уступая место синеве, от которой веяло безнадежностью. Ира появилась за минуту до отхода катера. Матрос, он же механик, капитан и шкипер, уже укладывал на корме швартовы,

осталось убрать лишь узенький, в две доски, трап. В руке Ирины пестрый матерчатый чемоданчик с застежкой-молнией.

— Бежим! — крикнула она мне.

Мы бросились к катеру, я даже не мог помочь Ирине — руки заняты дурацким арбузом и бутылкой вина. Матрос уже убрал трап, Ире он протянул руку, а на меня даже не посмотрел. Я прыгнул на борт, поскользнулся, едва не выронил арбуз.

— Молодец. Как спал?

— Я вообще не спал.

— Почему?

— Разве не ясно?

— Юра, мы же через несколько дней увидимся.

— Несколько дней — вечность. И что я здесь буду делать один?

Похоже, я и в самом деле, наконец, поверил, что она уезжает. Горло точно железным обручем перехватило. Боже мой, она улетит, а я вернусь на катере в порт, пройду мимо скамейки, на которой сидел, мимо ресторана «Платан» и сверну на дорогу, по которой совсем недавно мы ехали в Фальшивый Геленджик. Я представил свою комнату, кровать со скомканными простынями, и мне стало страшно. Почему, почему мы не улетаем вместе? Идиот, я же могу ее потерять.

Я не знал тогда, что после сдержанных отношений в Краснодаре Ирина приедет на зимние каникулы в Ленинград и остановится у тетки в мрачном доме на Петроградской стороне. В этот дом, вырвавшись в увольнение, я прибегу, поднимусь по неудобным ступенькам на третий этаж и, шалея от счастья, приложу ее теплые руки к своим одеревеневшим от мороза щекам. А через год будет сыграна скромная свадьба, после которой мы вначале отправимся в Лазоревку, а две недели спустя — к моему новому месту службы.

Боже мой, сколько всего было потом! Маленький южный городок, куда после работы в полигоне наша подводная лодка чаще всего возвращалась глубокой ночью. Пока механизмы приводили в исходное положение и отправляли личный состав в береговые казармы, небо на востоке начинало бледнеть, я шел тихими, еще спящими улочками мимо спящих домов — лишь кошки пересекали дорогу. Белёный известью дом, где мы с Ириной снимали комнату, стоял в глубине сада, цветы и листья разросшегося куста шиповника влажно блестели: я почему-то всегда цеплялся за колючую ветвь, и меня орошало мелкими брызгами. И тотчас же из-за дома возникал Рекс — полудворняга-полуовчарка. Он молча, с

доброжелательной целеустремленностью направлялся ко мне, клацая когтями по мощенной диким камнем дорожке, тыкался в руки носом, улыбался и, виляя хвостом, провожал до крыльца. Хозяйка никогда не запирала дверь — я без скрипа открывал ее и беззвучно, чтобы никого не потревожить, крался, минуя сумрачную, увитую виноградом веранду, кухню, где всегда пахло жареной барабулькой. Окно в нашей комнате было занавешено плотной шторой, и там еще стояла ночь. Я останавливался, прислушиваясь к дыханию Ирины, надеясь, что не разбудил ее, но уже через секунду слышал полусонное: «Юра-а!» — и из зыбкого мрака ко мне тянулись белые, как два луча, руки. Я становился у кровати на колени и целовал их. От моего кителя пахло солярой и мокрой резиной. Наш механик, командир БЧ-5, как-то с горечью сказал: «Что мы приносим женам с моря? Грязное белье и усталость». Грязное белье я, конечно, приносил, но усталости не было. В те предутренние часы я любил Ирину с особенной страстью, когда казалось, вот-вот разорвется сердце, и успевал даже полчаса поспать, пришить к кителью свежий подворотничок, побриться и к подъему флага явиться вовремя. «Лейтенант, — спросил меня как-то командир, — тебя жена, что ли, не любит? Ты всегда такой выспавшийся». Я только улыбнулся в ответ.

Потом был Север, гарнизон, одурачивающая тяжесть длинной полярной ночи. В жестокие морозы свет от уличных фонарей иглой вонзался в небо. Ирина в кургузом пальтишке и вязаной шапочке возвращалась с работы вся покрытая пушистым инеем. Белые ресницы, белые, точно внезапно поседевшие волосы.

Это было суровое и счастливое время. Много, много еще было всего, но тот день, день зарождающегося моего тревожного счастья — с беззвучным полетом бабочек, плеском моря, радостью, ликованием, надеждой — навсегда остался в памяти.

— Ты чего надулся? — спросила Ирина. — Радуйся, еще несколько деньков побудешь у моря. В Ленинграде уже осень. Слышал, вчера к земле приблизилась Чешская комета? И вроде бы ее можно было увидеть невооруженным глазом.

— Нет, не слышал.

Надвигался причал, слева и справа от него серебристым полукружьем растекался галечный пляж. Катер ткнулся бортом в старую автомобильную покрывку, заменяющую крадец, рыкнул дизелем и затих. Я соскочил на причал, поставил бутылку вина, положил арбуз и помог сойти Ире. Тоскливое чувство потери мешало сосредоточиться.

— А из чего мы будем пить вино? — спросила Ира.

— Что-нибудь придумаем. У тебя есть нож?

— Есть. — Ирина расстегнула молнию, достала из чемодана перочинный нож и протянула мне. — Ты будешь купаться?

— Нет.

— Тогда я пойду?

Я пожал плечами. Меня душила обида. Я взял нож, разрезал арбуз на две половинки, иссек мякоть и сложил ее на камень — получилось две чаши, одна побольше, другая поменьше — и с горечью подумал: «Если Ира так легко уезжает, значит, у нас ничего не было... Да, конечно». Самолет, натужно урча, заходил на посадку. Я проводил его ненавидящим взглядом. Ирина вернулась минут через двадцать. На гальку рядом со мной упали капли. Ее тень, загораживающая солнце, неожиданно шарахнулась в сторону, послышалось злобное шипение. Я вскочил. С двух сторон на нас в атаку заходили гуси. Целое стадо. Вожак, здоровенный, горбоклювый, пригибая змеиную шею к земле, двигался первым.

— А ну валите отсюда!

Я запустил в вожака камнем. Гуси загоготали, хлопнули крыльями, но приблизиться не решились. Вожак, придушенно шипя, топтался на месте — казалось, он захлебывается от злобы. Я с трудом вытащил из горлышка пробку — молодой кукурузный початок, разлил красное вино.

— За тебя, — сказал я.

— За нас, — поправила меня Ира. Она не успела закончить, как вожак, взмахнув крыльями, сделал выпад и вырвал из ее руки чашу с вином. Вино расплескалось, окрасив гусятину грудь в багрово-фиолетовый цвет.

Ирина испуганно вскрикнула.

— Ничего, это к счастью, — неуверенно сказал я. —пей из моего бокала. Не понимаю, зачем тебе уезжать? Будем жить под причалом, питаться гусями и ловить рыбу.

— Всю жизнь?

— Всю жизнь, — твердо сказал я, не в силах оторвать взгляда от окровавленной груди вожака.

Ирина поднялась.

— Ну, мне пора. Скоро начнется регистрация.

— Так и пойдешь в мокром купальнике?

— Я переоденусь в кустах. Не провожай меня, ладно?

— Почему?

— Я не люблю, когда провожают. Ты не обидишься?

— Нет.

Ира погрозила гусям пальцем:

— Гуси, не обижайте Юру. — Поцеловала меня в лоб и, подхватив чемоданчик, платье и босоножки, пошла по тропинке к аэродрому. Вожак забил крыльями и победно заорал. Ирина обернулась, помахала мне босоножками и крикнула: «Всё будет хорошо, Юрчик!»

Только еще раз в жизни она назвала меня так, когда за день до смерти из реанимации ее перевели в палату. Она обняла меня и, преодолевая слабость, тихо сказала: «Я думала, что больше не увижу тебя, Юрчик».

УЖИН НА ДВОИХ

Капитан медслужбы Неволин шагал по шпалам, то и дело сбиваясь с ноги, и это его раздражало. А мороз жал. Вокруг дыбился чёрный лес, над просекой, по которой положили узкоколейку, дырой в чёрном небе зияла луна. Казалось, оттуда и тянет ледяной стужей.

Сегодня утром Неволин и представить не мог, что окажется в такой глухомани. Шел, как обычно, на службу, а дежурный по части его огорошил: в хозяйстве Ашихмина от желудочного расстройства слегла половина роты. Так сказано в телефонограмме из штаба дивизии.

Хозяйство Ашихмина — крупный склад боепитания — размещалось в тайге, до ближайшей деревеньки верст двадцать. Дорога — дрянь, зимой заметает, на тракторе не продраться, самый надежный путь — узкоколейка на станции Заозерская.

Сведения эти Неволин почерпнул из справки, приложенной к топокарте. Сомнений в том, что придется ехать, у него не было. Чемоданчик на случай таких поездок всегда стоял у Неволина в кабинете. Он позвонил начальнику, потом по «вертушке» в хозяйство, договорился, где его встретят, утеплился в дорогу — поверх кальсон натянул шерстяные спортивные штаны, надел теплые носки, подошел и забрался в заиндевелый «уазик».

Эпидемиологам, случалось, выделяли вертолет, но с вечера запуржило, небо заволокло низкими тучами, и вертолет не выпустили. А путь предстоял неблизкий, сначала на машине вдоль русла замерзшей реки, потом до Заозерской местным поездом, который лесорубы почему-то называли «дежуркой», составленным из таких старых вагонов, что кое-где сохранились жестяные фонари с огарками свечей.

Двигалась «дежурка» какими-то натужными рывками, подолгу отстаиваясь на полустанках, так что в Заозерскую

Неволин попал только в начале восьмого вечера. Его поджидала дрезина. Чернявый, кривоногий, с нагловатыми глазами лейтенант представился:

— Мерешков, взводный. Ну и холодрыга, тащ капитан. Не обморозились? Ничего, мы сейчас чифирёк организуем, взбодримся. Пойдемте к дрезине, тут недалече ехать, минут сорок.

И всю дорогу лейтенант развязно болтал, а Неволин озлобленно глядел в подернутое желтой коркой льда окно, было такое впечатление, что ехали в туннеле — ни огонька, сплошной мрак. Из болтовни Мерешкова капитан все-таки выудил несколько важных фактов: Ашихмин в отпуске, командует его заместитель капитан Рудько, фельдшер — сундук, давно мух не ловит, оттого и завелись «автоматчики».

— Кто? — переспросил Неволин.

— Я не знаю, как по-научному, — Мерешков ухмыльнулся. — Дристуны, в общем. Некоторых крепко скрутило. До сортира добежать не успевают. Рудько тоже мается, а мне — хоп что. И знаете, что помогает? Водка, настоящая на ольховых шишках. Законно!

Километрах в двух от хозяйства вдруг заглох дизель, и дрезина встала. Водитель-казах долго ковырялся в моторе. Неволин плюнул и решил идти пешком.

— Оно верно, — согласился Мерешков. — Мы с Нурмаханом повозимся маленько и вслед за вами потопаем. Тут недалеко. Только уши у шапки опустите.

Шагая по звонким от мороза шпалам, Неволин с ожесточением думал: придет сегодня с работы жена, а его нет — вот и хорошо, пусть почувствует. Жена, тоже врач, три месяца была на курсах специализации в Москве, недавно вернулась, была как-то перевозбуждена — то громко и ненатурально смеялась, то вдруг впадала в задумчивость. Неволин любил жену, ревновал и теперь был убежден, что у нее в Москве кто-то был, вот она и отойти не может.

Замерзший, озлобленный, ввалился он на КПП хозяйства, с ходу наорал на фельдшера, старшину-сверхсрочника, степенного мужика лет под сорок и с такими пустыми глазами, что, казалось, сквозь них видна противоположная стена. А, наорав, успокоился и приступил к делу.

Рудько, худой, измученный капитан, ему понравился, он не суетился, не дергался, обстановку доложил спокойно. Ситуация выглядела еще более мрачной, чем Неволин предполагал: рота практически небоеспособна, число караульных постов пришлось сократить вдвое — стоять некому. В

одной из казарм развернули изолятор, там фельдшер, товарищ Чепурной лечит больных.

— Вот как, даже лечит? — хмуро, с издевкой спросил Неволин.

Чепурной только обиженно моргнул белесыми ресницами.

— Ладно, пойдемте на месте разбираться.

Хозяйство Ашихмина вид имело непривлекательный: три грязно-желтые казармы, штаб, кухня-столовая, два домика, где жили офицеры и сверхсрочники с семьями, все — типовые сборно-щитовые бараки. Дальше, за двойными рядами колючей проволоки со сторожевыми вышками, начиналась территория со складскими помещениями, которую здесь на лагерный манер называли «зоной».

Неволин и этого за работой толком не разглядел. Зимой светало только к полудню, а часам к пяти вечера короткий день уже гас. Но если бы капитан всё же выбрал время и забрался на сторожевую вышку, то перед ним распахнулась бы картина красоты удивительной и мрачной: слева и справа на военный городок увалами накатывалась тайга, а впереди открывался заснеженный, без конца и края простор — то лежала в тяжелом льду могучая река. И все здесь было первозданно, вечно, сурово и чисто.

Неволин же видел другое: казармы, забытые больными, солдатский сортир со сталактитами смерзшихся экскрементов и кухню в облаке вонючего пара.

Неволин в темноте подвернул ногу, повредил связки, пришлось наложить фиксирующую повязку, натянуть валенки и ходить с палкой. Его широкоскулое, татарского типа, лицо и без того обычно мрачное, заострилось, почернело, голос осип от ругани, курева, бессонницы, и весь он настолько пропах хлоркой, что казалось, и снег, и тайга вокруг тоже пропитаны этим острым запахом человеческой беды.

Крутились втроем: он, Рудько и Мерешков. Фельдшер только суетился, путал распоряжения и растерянно хлопал коровьими ресницами. Впрочем, от Мерешкова тоже было мало проку — он постоянно «подлечивался» своим самобытным способом и потому находился в этаким легком, эйфорическом состоянии — хихикал, посвистывал и всем подряд улыбался. Картина, в общем-то, складывалась ясная — пищевая токсикоинфекция, ясен и источник — повар. Вот уже неделю был он болен, но скрывал заболевание.

На другой день, когда метель утихла, небо прояснилось, больных отправили вертолетом в госпиталь. Неволин остался, чтобы завершить мероприятия по ликвидации очага.

Сборно-щитовой барак, где в одной из комнат разместили Неволлина, ставился, видно, наспех, из щелей в полу дуло. Истопник, худой низкорослый солдатик, такой бледный и испуганный, что, хоть и был капитан замотан, всё же обратил внимание на выражение ужаса на полудетском личике паренька, которое возникало всякий раз, когда он, Неволлин, появлялся в бараке. Получалось так: Неволлин распахивал легкую щелястую дверь, тут же сквозняком из поддувала вышибало облачко пепла, солдатик вскакивал, ронял кочергу, вытягивался и застывал, выкатывая серые глаза.

Должно быть, капитан представлялся истопнику кем-то вроде дьявола во плоти, коли мог он орать на фельдшера, и даже всеильный врио командира, похоже, боялся его, мгновенно исполняя любые приказания.

— Сиди, чего ты? — раздраженно отмахивался Неволлин.

Солдат, судя по выговору, был из вологодской или архангельской деревни, призван совсем недавно и на вопрос о себе ответил сипло:

— Да, значит, само... Никак нет! — и пошевелил большими черными руками.

Впрочем, до него ли было Неволлину? Вспышку нужно было сломить, а сделать это можно было только жесткими, решительными мерами.

К концу дня Неволлин устал, проголодался. Но солдатский харч не лез в горло — стояли перед глазами варочные котлы с наростами рыжего, похожего на парафин, жира, и дух на кухне был такой тяжелый, что подкатывала тошнота. Хотелось дернуть стакан спирта, закусить чем-нибудь острым, а потом медленно, в тепле пить чай из чистого тонкостенного стакана. Спирта было хоть залейся, но Неволлин придерживался железного правила — на вспышках не пить. Голова должна быть ясной. А вот чай покрепче заварить нужно. Он уже хотел через истопника передать распоряжение, как в дверь осторожно постучали.

— Да! — отозвался Неволлин, шурясь от сигаретного дыма.

Произошло то, что происходило и при его появлении: из поддувала вышибло сквозняком облако пепла, с грохотом упала кочерга, солдат вскочил и застыл. Глаза его выражали не испуг, а изумление.

— Тю, скаженный, напугал! — На пороге стояла молодая женщина, светлолицая, с черными блестящими глазами. Она улыбнулась Неволлину и мягко, по-южному выговаривая слова, сказала:

— Ото ж, товарищ капитан, вы зовсем извелися. И не снедали, небось? Какая ж еда у той заразе? А я вам домашнего принесла. Покушайте.

Тут только Неволин заметил, что в ее руках деревянный поднос, накрытый полотенцем.

— Позвольте, вы кто? — удивленно спросил он.

— Та я жинка Чепурного. Фершала, хай ему грец. Картошка, грибочки собственного засолу, капуста з клюквою, сметана — усё свое. Я не то, што мой дурень, чистоту уважаю. У меня в коровнике чище, чем у их в той кухне. Не побрезгуйте, товарищ капитан. А опосля я вам чайку принесу.

Женщина поставила на стол поднос и плавно пошла к двери. Неволин растерянно глянул ей вслед и спросил:

— А как же звать-то вас, красавица?

Она повернулась, весело блеснула глазами:

— Небось, думаете, Оксана чи Галя? А и нет. Неля я. Вот.

— Спасибо, Неля.

— Кушайте на здоровычко.

Неволин отбросил с подноса полотенце, заглянул в миски и сглотнул слюну: крепенькие грибки, один к одному, отливали янтарем, дольки лука серебрились, от картошки, крупной, разваристой, шел духовитый пар, а среди тонко нашинкованной капусты атели крупные, даже на вид кислые ягоды клюквы. Деревянная ложка в миске со сметаной стояла торчком. Хлеб был обычный, черный, солдатский, но пах он так ароматно, словно его только что вынули из печи.

— Вот это да, — расслабленно пробормотал Неволин, чувствуя, как накатывает на него теплая волна, как бегут по спине мурашки — так было в детстве, когда ему что-нибудь дарили. Вырос он без отца, в многодетной семье, и подарки перепали ему нечасто.

И тут чертом возник лейтенант Мерешков и заорал с порога:

— Тащ капитан, всё по нолям! Как велели!

А это означало, что нужно тащиться в казарму и проверить, установили ли питьевые бачки с кипяченой водой.

— Идем, взводный, идем. И не дай тебе бог соврать.

Лейтенант рассмеялся:

— Да чтоб мне век свободы не видать, тащ капитан. Или самому охота в «автоматчики» попасть?

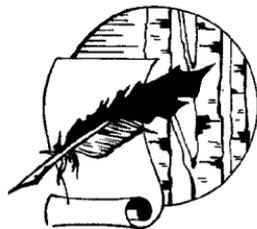
Когда Неволин вернулся, он уже с порога понял: что-то произошло. Солдат не вскочил как обычно, не выронил ко чергу, и даже пепел из печи не вылетел. Раскаленная до малинового цвета дверца была прикрыта, истопник сидел на полу, разбросав ноги в новых кирзовых сапогах, и на лице его, пе-

чальном и умиротворенном, застыло какое-то странное, от-
решенное выражение.

«Что это с ним?» — удивленно подумал Неволин, подо-
шел к столу и замер: картошки и грибов осталось на до-
нышке, заметно поубавилось капусты и сметаны. Тут же
лежала ложка.

Капитан вдруг почувствовал, как у него набрякли, отяже-
тели веки, и такой жалостью хлестануло по сердцу, что он
замычал, пытаясь перебить в себе горечь. Он как-то разом,
изнутри, увидел этого солдата, вырванного из родной дерев-
ни, из избы, от сестер и братьев. Какая тоска, должно быть,
навалилась на него, когда грузовик с призывниками нако-
нец оторвался от пьяной, орущей и плачущей толпы прово-
жающих, а потом долго катил по ухабистой дороге на сбор-
ный пункт. Нары с плоским матрацем, пропахшим дезин-
фекцией, окрики, возня по ночам, когда вдруг кто-то щупает
твое лицо руками. Подъем, плохо отапливаемые вагоны, учеб-
ка с придиричивыми старшинами, построения, команды, звон-
кая пустота в голове — и ты ничего не понимаешь и не мо-
жешь запомнить, насмешки товарищей и сны, сны, после
которых просыпаешься в слезах. И еще пища — вроде и сыт-
но, с убоиной, а всё не дома. Как, должно быть, этот парниш-
ка истосковался по простой крестьянской еде — картошке,
капусте, грибам, что даже ужас перед злодеем-капитаном
сумел в себе преодолеть. Видно, решил: поем, а там хоть режьте
на части.

— Ах ты, — тихо бормотал Неволин, удерживая трясущий-
ся подбородок. Он ведь тоже, как и этот истопник, был дере-
венский, так же трудно начинал срочную службу, и всё ему
было понятно в этом пареньке. Понял он и как нужно посту-
пить. Присел к столу, вытер руки и не спеша, обстоятельно
принялся за еду, стараясь показать, что ничего не заметил.
Ел той же ложкой, отламывал хлеб и прислушивался к тому,
что происходит за спиной. И услышал: солдат встал, загре-
мел кочергой, и пламя надрывно загудело в печи.

Елизавета ХАПЛАНОВА

СБЕРЕГИ МЕНЯ, РОССИЯ

РАЗВЕДУ ОГОНЬ

Ты услышь меня за любой чертой,
За границей дней, за верстой, за мглой...
Ты почувствуй вдох — это я живу.
И тебя храню... И тебя зову...

Я не знаю, где схоронился ключ,
Что любой замок, что любой предел
Распахнёт для нас... Но язык певуч
У огня, где ты в этот час присел.

Я покину кров, не забыв корней.
Напою водой вороных коней.
Разведу огонь посреди дорог,
Чтоб меня нашёл, чтоб меня сберёг...

МОЙ ГОРОД

Мой город удаляется за мной,
Струится словом в дальнее пространство,
Простив моих дорог непостоянство,
Простив судьбу, разбитую войной.

В осколках этих — правда и слеза,
И приговор разлуки бесконечной...
И ни одна дорога не излечит
Тех слов, что больше некому сказать.

Накинув на распяты палантин,
Ношу сей груз по солнечной планете.
И улыбаюсь старикам и детям,
И лью слезу за темной гардин.

Но он со мной — скиталец, как и я.
Он, как и я, рождён держать созвездья.
Мы с ним вернёмся — светлой доброй вестью
К родному Слову, к дедовским полям.

В ГОСТЯХ У ПОЭТА

Б. П.

Чем встречает поэт проходящих случайно к порогу?
Стол его не богат — на стихах заработать ли много?
Под ногами скрипят половицы, не убраны книги,
В стеллаже словари всех времён, языков и религий.

Чем встречает поэт? В его доме ни стен, ни окраин...
Но под крышей небес он раздарит и строки, и тайны.
Под покровом стихий, среди шумихи столиц и провинций,
он создаст наяву, что другим — проходящим —
лишь снится.

Чем встречает поэт — хулиган и дитяtko невинный?
Как вино, льёт строку и в застольях — рекою льёт вина.
Если ж голос его оборвался, над высью стихая,
Он встречает молчаньем.
И дышит молчанье — стихами...

КАИН

Снова ты, брат мой Каин, показался в судьбе.
Я своими ногами шла навстречу тебе...
Много раз привечал ты до поры... до поры...
Перемешивал карты — нет опасней игры.

И являл ты собою то друзей, то коллег,
То обветренных боем, но душевных калек.
Это ты, брат мой Каин, продавал ордена.
Каинята алкали, чтоб сгорела страна.

Ты набрасывал сети, бил вслепую мечом.
Ты — нигде не в ответе. Ты — везде ни при чём!
Нет, не так... Ты — повсюду. Каин — он вездесущ.
Он — начинка фастфуда, чей-то сорванный куш,

Для кого-то он — пуля, ядоносная боль.
Погубив, поцелует...
Каин, брат мой, постой!
Измени свои цели, не топчи борозды.
Каждый раз тебе верю...
...Каин, хочешь воды?

КОГДА-ТО ВСПОМНИТЕ...

Когда-то вспомните меня — прохладной тенью среди зноя,
Что не давала вам покоя... зовя, чаруя и маня.
Когда придёт черёд снегам, мой образ, как предтеча лета,
Вас будет мучить до рассвета, зовя к лугам, полям, стогам...

И горечь трав, и сладость вин вам будет чудиться отныне —
Едва моё возникнет имя среди заоблачных витрин.
Вы вспомните, что был апрель. И всё казалось
мимолётным...
Моя душа парит свободно, а рядом — рыцарь-менестрель.

Моей наивности святой, моей нелепости бездонной
Простится всё... И лик мадонны покажется вам за чертой.
Лекалом звёздного пути моё продолжится пространство.
Любви небесной постоянство не превозмочь.
Не превзойти...

МИРИАДЫ ОГНЕЙ

Мириады огней зажигают дома.
Бесконечность пространства сжимается в окнах.
И на целой земле наступает зима,
В наши души войдя сквозь холодные стёкла.

Ты попробуй, согрей эту белую медь,
Что нахлынет однажды в декабрьском забвеньи.
Оттолкнись ото льда и попробуй... взлететь,
Дотянуться до зреющей капли весенней.

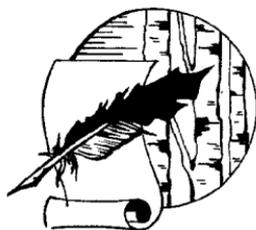
Всё сложней постигать назначенье своё:
Опыт — время сомнений, отнюдь не решений.
Но пока над тобой не кружит вороньё,
Покоряй холода и развеивай тени.

Каждый свет, из любого людского окна,
Для чего-то горит... И кого-то согреет...
Если станет так, что наступит зима,
Значит, время пришло становиться мудрее.

СБЕРЕГИ МЕНЯ, РОССИЯ

Ты — эпоха и мессия,
Я — печали и долги.
Сбереги меня, Россия,
Словно иву у реки,
Словно длань твою и латы,
Сохрани для ратных дней,
Словно флягу — для солдата,
И для путника — ручей.
Окорми стихом Завета,
Дай пройти твой пыльный путь.
Я тебе за всё за это
Пригожусь когда-нибудь.
И прикрою грудью верной,
И вдохну вторую жизнь.
Стану над твоим рассветом
Будни светлые вершить.
Ну а если оборвётся
На тебе моя строка,
Небу русскому всплакнётся, —
И наполнится река...
Не ишу судьбы красивей, —
Век мой странный и благий.
Сбереги меня, Россия...
Для себя же сбереги.

г. Макеевка, ДНР

Игорь ВИТЮК

РУССКИЙ ДОЛГ

В КАРАУЛЕ

Сединою деревья покрылись,
В спину бьёт ледяная шрапнель
Так, что хлопья завьюженной пыли
Набиваются враз под шинель.

Беспощадную русскую зиму
Знали Гитлер и Наполеон,
Пережить её невыносимо,
Как ознобный и тягостный сон.

Мне бы только часок продержаться,
А за ним — простоять и другой!
Чтоб смогли через вьюгу добраться
Разводящий и с ним часовой!

А пока — в неусыпных моленьях
Охраняю доверенный пост...
Осенив себя Крестным знаменьем,
Не покину Рождественский пост.

Дома матушка шепчет молитвы...
Где-то батюшко «хлебнул» за меня...
Я один на посту, как пред битвой,
Рождество и Отчизну храня.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МОЛЕБЕН

Глаза-глаза зовущие,
Глаза-глаза следящие,
Незримо вездесущие,
Безжалостно палящие.

И всюду взгляд Всевышнего,
И на земле, и в небе.
И снова сердце слышит
Рождественский молебен.

Просвечен, как рентгеном,
Я Божьими глазами.
И каждый миг мой бранный —
Пред вечностью экзамен.

ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ

Дышит небо апрельской тоскою,
Замирает невидимый мир,
Божий Крест над мирской суетою —
Мой единственный ориентир.

Оставляя свои заблужденья
И отбросив земные дела,
Жду Пасхального Воскресенья,
Чтобы в сердце любовь ожила.

Повторяя святые молитвы,
Укрепившись Великим постом,
В Крестный ход для невидимой битвы
Я иду с Благодатным огнём.

Крестный ход темноту разверзает.
И поправ безысходную смерть,
Солнце вечной любви воссияет,
Освещающая нетленную твердь.

ПУТЬ ЛЮБВИ

Девушка пела в церковном хоре...

А. Блок

Я пил без меры, избывая грусть,
И жизнь свою порушил на обломки.
Но я, родная, вновь к тебе вернусь,
Спасая душу от любовной ломки...

И черти пусть идут ко всем чертям! —
Меня теперь хранят любовь и вера.

И я найду свою дорогу в храм,
Как подвиг ищет сердце офицера.

А может, путь мой сам меня найдёт
К тебе одной — и в радости, и в горе...
И воспарит душа, и запоёт,
Как пела девушка в церковном хоре.

КОМАНДИРОВКА В СИРИЮ

Снова с сумкой полевой
И в мундире я,
Тут секрета не открою —
Сирия...

Над горами пролетаем:
Будто в тире я.
С ближних гор по нам стреляют.
Сирия...

Словно не было в помине
Перемирия,
Вновь бои идут в пустыне.
Сирия...

Над Хмеймимом расплескалось
Небо синее.
Будет вылетов немало!
Сирия...

Про Пальмиру песнь слагаю
В русском стиле я.
Ты теперь и мне родная,
Сирия!..

Жил без фронта и без тыла
В тихом мире я.
Новый мир глазам открыла
Сирия...

АЛЛЕЯ ДРУЖБЫ НА АВИАБАЗЕ ХМЕЙМИМ

На аллее Дружбы ровными рядами,
Словно часовые, деревца стоят.

Взращены с любовью русскими бойцами
И по-русски скромно что-то говорят.

На посту в Хмеймиме — русские солдаты,
На посту в Хмеймиме — наши деревца,
Под палящим солнцем — тяжело, душновато,
Но слова врачуют русские сердца.

И солдат дождётся сторона родная.
Под восточным небом будет русский лес.
Войны прекратятся, и «воронья стая»
Сгинет без остатка под огнём с небес.

КРЕСТНЫЙ МАРШ-БРОСОК

Храм походный полевой,
В просторечье — «храм-палатка».
На молебн. После — в бой...
Тихо теплится лампадка.

Пасха или Рождество —
Полон храм людьми в погонах.
Охраняют торжество.
Часовые на иконах.

Крестным ходом по песку
Мы идём армейским строем,
Крестный ход сродни броску —
Марш-броску пред главным боем.

АПЕЛЬСИНОВАЯ РОЩА

Апельсиновая роща в блеске алого рассвета,
Апельсины цвета крови, дерева кровоточат...
Стонет здесь земля от боли, здесь она до слёз нагрета,
Вся снарядами изрыта, огневая, словно ад...

А мальчишки-непоседы апельсины собирают,
Продают за жалкий доллар, не пугает их война.
Я, конечно, покупаю. Здесь от голода страдают.
Вон — один из них безрукий... Да, кровавая весна...

ПАЛАТКА АРМЕЙСКИХ ПСИХОЛОГОВ

Пункт психологической работы...
На картинах — русская зима,
Русский лес, метельные красоты
И берёзок дивных бахрома.

Здесь отважно служат две девчушки —
Каждый заглянуть к ним в гости рад.
Тоненькие, хрупкие пичужки
Лечат души молодых солдат.

И ещё — смешная зарисовка:
Словно это — деревенский дом...
С потолка свисает мухоловка!
Будто бы Россия за окном...

РУССКИЙ ДОЛГ

России нет! Она нам только снится!
И на просторах снежных льётся кровь.
Когда же злоба в кротость обратится?
В святую и небесную любовь?!

Кошмарный сон веками гложет душу,
Нас даже власть не в силах погубить.
Неверный Запад сон наш не нарушит, —
Ведь мёртвых невозможно разбудить.

Но на краю заснеженной пустыни
Вновь солнца ледяного виден свет.
Он озарит забытые святыни,
И русский знает — смерти в Боге нет!

И снежный пепел прошлых потрясений
Стряхнём с себя, заслышав Благовест.
И мир греха замрёт в оцепененье,
Увидев русский православный крест.

Россия — в нас. Она уже очнулась!
И пусть орёт истошно вороньё,
С Россией Бог! Она навек вернулась —
Отдать долги и вернуть своё!

г. Москва

О ЧЁМ ГРУСТИТ МОЯ РОДИНА

Дуракам закон не писан. Из Госдумы направлен в правительство законопроект, предусматривающий введение штрафов за нарушение ночью тишины и покоя. Нововведение в Кодекс об административных правонарушениях его авторы объяснили тем, что прежний «механизм» по привлечению к ответственности на региональном уровне, не работает. «Предлагаем вернуть эту тему на федеральный уровень и предоставить полномочия органам внутренних дел составлять соответствующие протоколы и привлекать к ответственности», — считает один из инициаторов нововведений депутат Ярослав Нилов. Размер штрафов для физических лиц может составить от 2,5 до 5 тысяч рублей. Должностным лицам придется заплатить от 10 до 20 тысяч, юридическим — от 50 до 100 тысяч...

Если вдуматься, тема-то серьезная. По ночам, особенно в летнюю пору, орды подростков в городах, поселках буквально терроризируют граждан, не давая им ни сна, ни отдыха. Шум-гам, крики, громкая музыка, рев мотоциклов. «Почему так произошло? В СССР такого не было?!» — недоумевают

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

старики. А потому что, лишив общество духовных ориентиров, прогнувшись под напором «массовой культуры», Болонской системы образования, либеральная власть изуродовала, подвергла порче два поколения. Теперь вздумала бороться с результатами своего «труда», не вдаваясь в причины произошедшего. Но дуракам закон не писан. А конвейер по «производству дураков», запущенный в России либералами с подачи Запада в начале 90-х годов, продолжает работать.

Чужой «солдат» под названием «доллар» действует на российской территории в интересах США. Заполонивший кинотеатры голливудский ширпотреб утверждает превосходство американского образа жизни. Неустанно действует фабрика дебилизации: «Прямой эфир» Андрея Малахова, ДНК, «За гранью», «На самом деле», «Мужское-женское», «Тест на отцовство»... Скудоумие, пьянство, супружеская измена, зверство, подглядывание в замочную скважину, собачество — таким предстает в них русский человек. Плюс примитивные сериалы, типа «Невского» на НТВ, с мордобоем, воплями и стрельбой. Включаешь радио — попса с бессмыслицей слов. Смотришь «Голубой огонек» — кривляки и дрыгальщики («звезды», «короли» и «королевы»). Жизнь перевернута вверх дном. Наверху толчётся у корыта, вручает себе пукеры и «золотые огурцы», мелкое, фальшивое. Внизу, в забвении — настоящее, традиционное.

Абсурд выдается за норму. Не инженеры, пахари, учителя, офицеры, конструкторы, не талантливые представители классической русской культуры и народного творчества, не общественники-патриоты, а эта ликующая гламурь, преподносится в качестве идеала, примера для подражания. Открываешь анонс интернета — «Дженнифер Элинстон показала честные селфи без макияжа», «Вера Брежнева взволновала снимком в купальнике с Мальдивов», «7-летняя россиянка попала в топ богатейших видеоблогеров»... О том, какие «герои», помимо Мишки Япончика, Соньки Золотой ручки, батьки Махно, предлагает российское кино, свидетельствуют названия фильмов: «Нюхач», «Балабол», «Шакал», «Паук», «Мусорщик», «Гастролёры», «Челночницы», «Мымра», «Цыпленок жареный»...

Чередой проходят убогие сюжеты, конъюнктурные актёры, никчемные страсти. Недавно был разрекламирован фильм «Вертинский» (чего-то ему тоже присудили), где, как подчеркивает РИА «Катюша», Абрамович с Эрнстом при помощи жены Чубайса Авдотьи Смирновой продвигают «голливудскую повесточку» с наркоманами, педерастами и переписыванием истории. 350 миллионов рублей выделил Аб-

рамович, 200 миллионов рублей «Первый канал» (вроде бы числящийся государственным) и некто Адоньев. Для сравнения: на культуру среднего по размерам сельского района выделяется порядка 10 миллионов рублей. Надо думать, на очереди новые «одноразовки», также не имеющие ничего общего с традиционной русской культурой и искусством.

Дельные предложения внёс в Госдуме Николай Бурляев (ему-то ведомы проблемы российского кинематографа): пересмотреть указ «Об акционировании и приватизации кинематографа», возобновить производство государственных киностудий Мосфильм, Ленфильм, уничтоженной киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького, других студий, восстановить комитет кинематографии. Безусловно, прав Николай Петрович — кино должно решать государственные воспитательные задачи. Но сомнительно, что при зависимости власти от мегакорпораций, которые, в свою очередь, зависят от Запада, картина способна перемениться.

Западу и его «новой элите» в России не нужна умная, с высокой духовностью Россия. Не забылось циничное откровение банкстера-трастгуманиста Германа Грефа на Санкт-Петербургском экономическом форуме (2020) о том, что ни в коем разе нельзя давать населению знания, ибо просвещёнными людьми будет невозможно манипулировать. Следовательно, не нужно основанное на лучших традициях русской и советской школы народное образование. Не нужны возвышающие человека книги и кинофильмы. Не нужна социально острая, защищающая рядовых граждан журналистика. Вся система либеральных «ценностей» нацелена на раскультивание, расчеловечивание русского народа.

Народ без культуры — дикарь. Народ без собственной культуры, без высоких идеалов — дикарь, полуживотное. Они, эти дикари, продукт привнесённого с Запада капитализма с его культом наживы, низменными страстями, борделями, ночным клубами, и вопят по ночам, и гадят в подъездах домов, и носятся по улицам на авто без глушителей. Приобретая глобальный характер, капитализм стремится лишить нас национального своеобразия, обезличить, стандартизировать среду нашего обитания, приучить воспринимать ее по-англосаксонски, а не по-русски. Разумеется, благоустройство — качественные дороги, чистые дворовые территории, удобные автобусные остановки — это хорошо. Но перекосы в создании так называемых «комфортных зон» наводят на грустные размышления.

Вот как это происходило в «моем углу». Была спилена рощица на берегу Западной Двины (хотя её требовалось лишь

окульгурить), где обитали разнообразные певчие птицы и ежи, демонтирован вписавшийся в природную впадину хоккейный корт. Навозили тысячи кубометров песка. Чтобы песок не сползал в реку, берег облачили в металлическую арматуру и залили бетоном. Устроили дорожки из импортной плитки, газоны из искусственной травы, две клумбы, установили больше десятка антивандальных скамеек, около трёх десятков фонарей. Зимой в «комфорте» пусто. Летом он превращается в паноптикум с пьянством, воплями, грохотом музыки, запуском фейерверков. Справлять нужду бегают ко мне за палисадник, поскольку мой дом — единственный, который соприкасается с «комфортом».

Но куда им деться? Это в годы моей юности в городе были кинотеатр «Двина», Дом пионеров, где действовало множество бесплатных кружков, лодочная станция. В Доме офицеров и ДК регулярно организовывались танцы. Ничего этого сейчас нет. Тем не менее, чтобы обеспечить массовость в нью-васюках, власть провела комплекс мероприятий: уничтожила танцплощадку с эстрадой в городском парке, запретила проведение дискотек в ДК, убрала скамейки в сквере возле администрации и в сквере возле вокзала. Было открыто ночное кафе Chillout (Андреаполь — це Европа), прозванное в народе «рыгаловкой», откуда подогретая алкоголем публика устремляется в «комфорт». Под утро «комфортники» разбегаются на авто (понятно, в каком состоянии), а на оставленные от буйной ночной тризны объедки слетается огромная стая каркающих ворон.

Чиновники рапортуют: мы, де, реализовали федеральный проект. Его, мол, одобрил сам Владимир Владимирович Путин. Но подходить к благоустройству нужно, думая о последствиях. Это подчеркивают строки из письма депутату Госдумы, руководителю фракции «Единая Россия» В.А. Васильеву от жительницы дома, расположенного напротив ночного кафе: «...Раньше у нас было тихо, спокойно. Но администрация создала «комфортную среду», открылось ночное кафе. Жизнь моя, а также тех, кто проживает рядом, стала ужасом. Все ночи летом и ранней осенью съезжались на автомашинах, пили алкоголь, курили какую-то заразу, блевали. Премит музыка. Спать было невозможно. Всё это происходит рядом с обелиском памяти погибших на войне андреапольцев. Сейчас «комфорт» временно притих, но кафе по-прежнему работает. Хоть на стенку лезь. Это и есть капитализм, которому никого не жалко».

Трудно понять, чем руководствовалась местная власть (глава Н.Н. Баранник), затратив миллионы на изменение при-

родного ландшафта? Зачем было вырезать начисто рощицу? Засыпать песком луговину с ромашками, колокольчиками, фиалками? До такого не додумался ни один прежний руководитель района. Возникает мысль: кто-то решил освоить деньги не без выгоды для себя и своих людей. Между тем, старый сквер возле администрации запущен, им бы и следовало заняться в первую очередь. Или горами мусора и зарослями возле пруда, в сотне метров от чиновных кабинетов. В конце концов «окомфортили» бы разбитый лесозаготовителями проселок от Гладкого Лога до Аристовая, где расположен погост Никольские Любуты. Пожилые люди вынуждены одолевая пешком по грязи три с половиной километра, чтобы помянуть родственников. Но чиновников это не волнует.

«Зачем, — интересуюсь, — забетонировали стоянки древних варягов?» Ответ: «Целее будут». «Почему сток по центру сделан так, что вся грязь с улицы течет в Западную Двину?» «Почему не предусмотрели туалет?» Молчание. «Для кого две трети суток впустую горит в «комфорте» электричество?». Отвечают: положено по ГОСТу для освещения аллей в месте общественного пользования. Но аллей посажено не было, и «общественного пользования» зимой не наблюдается. Почему было бы не посоветоваться с краеведами и не установить взамен ширпотребовского сердца достойный памятник открывателю истока Западной Двины академику Дмитрию Анучину? Тем более что Андреаполь — первый город на этой реке?» Удивляются: «Анучин? Кто такой?»

Нужен нравственный ценз. Бисмарк подчеркивал: «Имея плохие законы, но хороших, ответственных чиновников мы имеем шанс управляться хорошо. Если же у нас будут плохие чиновники — нам не помогут и самые лучшие законы». Вот я и думаю: неплохо бы установить ценз, своего рода ГОСТ, который не допускал бы во власть, во-первых, дилетантов, неумех, откровенных лентяев. Во-вторых, препятствовал бы попаданию туда обнищавших душой. Душа не склонна к пустоте. Если из нее ушли совесть, доброта, чуткость, вместо них тотчас поселяются гордыня, равнодушие, своекорыстный расчет, лживость, хамство. Сегодня чиновничьи кабинеты основательно нашпигованы эгоистами, пустобрёхами, у которых нет ни надлежащих знаний, ни сострадания к народным бедам, ни знания отечественной истории и желания её изучать, ни понимания глобальных процессов. Понаделали они с холодным сердцем тысячи изображений сердца по всей России как символа проявления любви, затратив на это немалые суммы, а того не соображают, что любовь-то — формальная, чужая. И в Казахстане эти алые стандартные «сер-

дца» есть, и на Украине, и в Африке. И, наверное, где-нибудь в Антарктиде есть.

Институты глобализма, занятые перековкой русского национального сознания, конечно, понимают роль и значение символов. К примеру, то, что у формы сердца неоднозначное толкование. В эллинистической культуре лист плюща (удивительно похожий на сердце) — символа бога виноделия и страсти Диониса. В древней Греции этот символ использовался как эмблема «домов терпимости». С аналогичной целью (отучить нас от всего русского, изменить наше мировоззрение) навязываются чужие праздники типа Хэллоуина и дня Валентина.

Может показаться: в Минкульте задумали осуществить чуть и не национальную «культурную революцию». Сформулированы цели и задачи государственной политики России «в сфере традиционных ценностей». Разработан проект указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Среди основных задач — «обеспечение морального лидерства России в международных отношениях как хранителя традиционных общечеловеческих ценностей», противодействие «деструктивной идеологии» и защита русского языка. Отмечается, что «идеологическое и психологическое воздействие на граждан России ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включающей в себя культ эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, продолжения рода, созидательного труда, позитивного вклада России».

Но это опять подмена сущего, борьба со следствием, а не с причинами. Не может быть высокой духовности в обществе потребления (вспомним фурсенковское: «...а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя»). Да и сколько уже было всевозможных указов, программ, заявлений по воспитанию высокой духовности, защите русского языка, противодействию субкультуре. Поживем — увидим, шиты ли белыми нитками «цели и задачи», сформулированные Минкультом. Исчезнут ли русофобские телепередачи? Потеснят ли шоу-бизнес? Станут ли снимать высокохудожественные фильмы? Прекратят ли строительство филиала Ельцин-центра в Москве? Другими словами, по делам их узнаем их... А пока, судя по всему, США активно реализуют цели и задачи, отраженные в докладе RAND Corporation.

Они предусматривают усиление давления на Россию, в том числе «меры, ведущие к экономическим издержкам» и «меры, ведущие к геополитическим издержкам». Кроме того, по некоторым сведениям, спецслужбы англосаксов активизировали деятельность по маргинализации российских школьников и студенчества, рассматривая их как потенциальных участников «цветных революций». Если в аналитических службах МИ-6 существует рейтинг российских органов власти, способствующих «воспитанию» молодежи в нужном англосаксам направлении, андреапольский муниципалитет, думаю, мог бы претендовать на почётное место. Часть баллов, несомненно, прибавит ночное кафе с оккупационным английским названием Chillout (оно же «рыгаловка») на улице имени Героя Советского Союза легендарного танкиста Г.А. Половчени. Представляю, как спецы из МИ-6 потирают руки: «Российские чиновники на российские же деньги разворачивают свою молодежь». Что ж, поклонение перед чужим нам не впервой. Сначала создаём проблемы, а когда дойдёт до крайностей, начнёт клеветать в темечко чужой жареный петух, прозреваем и прикладываем усилия, чтобы их разрешить.

«В плену всего западного...» Всё-таки надо признать, Кремль после долгих колебаний понял, какими опасными последствиями не только для России, но и для самой власти, может обернуться как слепое поклонение «товарищу волку» из англосаксонского логова, так и попыткам не подчиниться его требованиям. Пример Милошевича, Хусейна, Каддафи, майданов на Украине, события в Сирии не прошли даром. Мюнхенская речь Владимира Путина явилась поворотным пунктом. Удалось частично возродить оборонку, укрепить армию и флот. Ведётся строительство крупных объектов в Сибири и Приморье, началось интенсивное освоение Арктики. Частично обеспечена продовольственная безопасность. Не отдана на растерзание Беларусь. Сорваны планы заговорщиков по созданию Нового Турана с участием Казахстана. Запрещена деятельность «Мемориала». Прорезалось честное отношение к истории. В частности, к катынской трагедии и состряпанному фальсификаторами медуновскому делу. Возвращено понимание важности для СССР «пакта Молотова—Риббентропа...

Но перемены не затрагивают всерьез финансово-экономическую, гуманитарную сферы, не устраняют кричащих социальных противоречий. Что это за «подлинный суверенитет», если крупнейшие гидроэлектростанции Сибири и производство алюминия принадлежат иностранцам? Если 44

тысячи российских предприятий имеют зарубежные юридические адреса, а российская экономика «просвечивается» зарубежными аудиторскими компаниями? Если Центробанк не подотчетен ни президенту, ни правительству, ни Госдуме, имеет, по сути, внешнее управление? Если сетевая торговля на 80 процентов принадлежащая иностранцам, убивает местного производителя, а вывоз капитала частным сектором за 2021 год составил 72 миллиарда долларов? Если антикультура вольготно разгуливает на экранах телевизоров, в кинотеатрах, на эстраде? Длинен ряд этих «если».

На местах власть, лишённая ресурсов для индустриального развития, научилась «показывать развитие», не касаясь главного. То «комфортная среда», то имитация развития массового туризма, то волонтеры, то «программы инициатив». Чем гуще «инициатив», тем лучше. Сверху это поощряется: дадут какую-нибудь цапку. СМИ представляют как «опыт». Лукавая игра, манипуляция сознанием. Народу от количества «инициатив» ни жарко, ни холодно. Он видит: провинция, где находятся истоки русскости, наших традиций, нашего языка, вымирает, не ощущая никакой оптимистической перспективы. Львиная доля бюджета перепадает столице, другим крупным городам. Они, прежде всего Москва, продолжают обескровливать и без того обескровленные райцентры и деревни.

Недавно Сергей Собянин заметил, что население столицы выросло за последние десять лет на полтора миллиона. Но лучше бы он задался вопросом, почему естественная убыль населения России в 2021 году превысила 1 миллион — это самый высокий показатель за современную историю страны? Или почему в нутряной России не поют: «Москва моя, страна моя — ты самая любимая»? Москва перестала восприниматься народом как русский город. Моя знакомая отправилась туда на новогодние праздники к дочери и вернулась в полном разочаровании: «Побывали на Красной Площади, а там понаставлено иностранных ёлок — немецкая, французская, еще какие-то. И музыка сплошь иностранная. Подбежали две девицы, щебечут: «Мы вас сфотографируем с голубями, фото 50 рублей». Оказалось не 50, а все 500. Обули нас, паразитки. Пошли в туалет, а там берут 100 рублей с «носа». Не такой я представляла Красную Площадь».

Вот так традиционное русское мироощущение столкнулось с глобалистским взглядом господина Собянина. Частный факт, отражающий типичную картину. Слизав жизнеустройство с цивилизационно чуждой русским и другим коренным народам англосаксонской матрицы, «элита» способ-

ствовала попросту не только наших национальных традиций, но и русского языка. Между тем вопрос языка — вопрос стратегический, политический, государственный. Менеджеры, шоумены, бакалавры, магистры, блогеры, брокеры, джокеры, волонтеры, омбудсмены, хайп, дисконт, кэшбэк... В моем представлении, это не просто заёмные слова, а **вражьи пули, расстреливающие русские смыслы бытия**. Смешно подумать, что российские «элитчики» со своим «трендом», заточенным на «позитивный контент» и «креативные бренды», смогут защищать русский язык в Прибалтике, на Украине.

В одном из номеров газета «Слово» (№14, 2021) посмотрела на происходящее взором Евгении Ковды, не живущей на родине десять лет: «Я начала понимать, что моя положительная оценка недавнего роста российской культуры была неуместной. То, что я видела, не было динамизмом. Это был застой, скрытый американским культурным и материальным импортом. Этот феномен русского культурного копирования я называю «евростандарт»... Творческий класс здесь подобострастно проамерикански настроен. Их речь полна английских слов, да еще с американским произношением... Несомненно, Путин может поиграть мускулами в Сирии, а Россия ведёт себя в целом как могущественное государство в своей внешней политике. Но внутренне, с точки зрения культуры, с 1990-х годов ничего не изменилось. Россия по-прежнему остается колонизированным обществом, в плену всего западного...»

В далекой от столицы русской глубинке тоже проявился этот процесс, но меньше. Простые люди, особенно старшее поколение, не в пример «элите», стремятся жить по-русски. Не вытравлено у них уважение к труду. Счастье видится не в богатстве, а в достоинстве. И память не отшиблена. Как интенсивно, по-настоящему комфортно для проживания развивался район в 70—80-е годы, какой была культура, помнят. А я отчетливо помню, как мудрый учитель истории в сельской школе вскоре после чёрного октября 1993 года сказал мне, тогда редактору областной газеты «Тверская жизнь»: «Мы еще не осознали бесценность того, что потеряли. Но, поверьте, скоро, очень скоро осознаем. Грустно станет нам, жаль утраченного, но вернуть ничего уже будет невозможно».

Было и стало. Да, сколь много потеряно, ушло в небытие! Молодёжи сегодня трудно представить, что в колхозах и совхозах (ныне уничтожены) района поголовье крупного рогатого скота достигало 15 тысяч голов, из них 7,5 тысяч — коровы. В 1985—1989 годах молока произвели в среднем 8,3 тысячи тонн в год или по 456 килограммов на душу населе-

ния. Мяса — 1,3 тысячи тонн или по 90 килограммов. Картофеля — по 256 килограммов. Массово сеялись зерновые. Лён выращивался на 2 тысячах гектаров. Велось интенсивное строительство ферм, зерноскладов, магазинов, домов культуры, школ, фельдшерско-акушерских пунктов, асфальтировались дороги. Действовали леспромхоз (ныне уничтожен), деревообрабатывающий комбинат (уничтожен), фарфоровый завод (стал частным предприятием). Идём дальше. Известковый завод (уничтожен). Маслосырзавод, отделение сельхозтехники, ПМК мелиорации, Бологовский лесокombинат (уничтожены)... Ежегодно сдавалось в среднем 12,7 тысячи квадратных метров жилья, подчеркиваю — бесплатного.

Экономика питала, обогащала содержанием духовную жизнь. Полнокровно развивались образование, культура, спорт. В 60—70-е годы в посёлке, ставшем городом, было пять духовых и два эстрадных оркестра, сводный хор насчитывал до 80 человек, в первенстве района участвовали одиннадцать футбольных и столько же юношеских футбольных команд, Руководили культурой и спортом, как правило, были деятельные, образованные люди. Вспоминаю зав. райотделом культуры Виктора Матвеевича Лапова. Окончил институт культуры, книгочей, великолепно играл на кларнете. Спорт возглавлял Николай Михайлович Смирнов. Проводил легкоатлетические соревнования по полной олимпийской программе, сам бегал на средние дистанции. Человек разносторонних интересов, он создал в средней школе №2, куда перешёл работать учителем физкультуры, краеведческий музей и духовой оркестр, в котором сам же и играл на трубе.

Власть и народ в ту пору были солидарны. В социальном плане районный чиновник не отличался от учителя, врача, рабочего. А сегодня власть — отдельно, народ — отдельно. Оптимизаторы сельских поселений и мелких муниципалитетов считают, что ни к чему тратиться на их содержание, нет, мол, отдачи. Однако можно ведь сделать так, чтобы районная власть и поселения превратились в движители развития. Для этого требуется наделить их полномочиями, финансовыми ресурсами. Поставить во главе умных, инициативных, авторитетных людей. Предложенная едротсами реформа местного самоуправления еще больше отдалит власть от народа, усилит деградацию русского мира. Кто постарше, помнят, чем обернулось укрупнение районов в 60-е годы. Поучительна судьба посёлка Бологово, в прошлом центра Сережинского района. В школе осталось около 30 учеников, и то треть возят из деревни Наговье Торопецкого района. Несколько лет назад закрылось последнее предприятие — пекарня рай-

потребсоюза (ныне загубленного). Не хочу, чтобы подобная участь постигла Андреаполь. Его население и без того неуклонно падает: 1996 год — 10,5 тысячи человек, 2021 — 6,7 тысячи. Падает и население района в целом: 1970 год — 27 530 человек, 2021 — 10 169.

Еще несколько цифр. Количество жителей расположенной между двумя крупнейшими мегаполисами Тверской области убывает ежегодно на 12—15 тысяч человек. Дефицит рабочей силы частично заполняется мигрантами. Хлеба собираем немногим более 100 тысяч тонн, а собирали в 70—80-е годы около 1 миллиона тонн ежегодно. 1971 год — 1069,3 тысячи тонн. 1975 год — 1076,5 тысячи тонн. 1986 год — 1146 тысяч тонн. Даже в 1945 году было собрано 508,8 тысячи тонн. Десятки тысяч гектаров сельхозугодий выведены из оборота. На порядок сократились площади подо льном, картофелем. Это при том, что область числится в середнячках. А что на Псковщине, Новгородчине! Тридцать лет происходит такое во всей средней, исконно русской России. Ставка сделана на частного, что себя не оправдывает. Задумал частник отбыть в свою заграничную вотчину — допустим, в Черногорию, Израиль, на Кипр или решил сосредоточиться на более выгодном деле, и прощай продовольственный бизнес и рабочие места в русской провинции. К тому же, частник, по понятной причине, не склонен к развитию социального сектора.

Нелепо это выглядит, когда в деревнях появляются современные детские площадки, а на школы вешают замки из-за отсутствия детей. Когда возле этих школ монтируют зачем-то подглядывающие видеокамеры. Не менее нелепы, думаю, отдельные инвестпроекты. Решено, скажем, в Андреаполе осуществить проект по деревообработке. Это при катастрофическом-то истончении лесных ресурсов. Стройплощадка находится в двадцати метрах от Западной Двины. Мужики звонят в Осташковскую природоохранную прокуратуру, там, по их словам, отвечают: впервые об этом объекте слышим. Пришёл ко мне, как к почётному гражданину города и района, земляк: «Не дело делают, напишите об этом куда-нибудь». Не меньшее недовольство вызвала передача москвичам под «разведение аквакультуры» озера Волкота. Вытекающую из озера речку они перегородили металлическим забором, подъезды завалили деревьями. Озеро проточное (входит в бассейн Западной Двины), плёнка от искусственного корма течет вниз, в деревне Волок люди боятся из-за неё купаться.

И отовсюду на жалобы граждан отписки: всё, мол, законо. Из ответа начальника отдела по надзору за исполнением законов об охране природы Волжской межрегиональной при-

родоохранной прокуратуры М. Н. Пушкиной жителю Андреаполя от 24.01.2022 г.: «Загородительный экран из металлоконструкций на оз. Волкота является одним из элементов для осуществления товарного рыбоводства». Но любому рыбаку понятно, что этот «элемент» губителен для естественной рыбы в период нереста и осеннего подъема в озеро. Из ответа М. Н. Пушкиной: «Проверкой довода о запрете доступа к озеру для целей отдыха путем преграждения подъезда хлестами (орфография Пушкиной) деревьев фактов ограничения доступа к водным объектам, в т.ч. преграждения дорог, не установлено». Но ведь завалы на подъездах запечатлены на фото, в том числе и помещённых в СМИ.

А тут, под шумиху о пандемии и «несчастной Украине», партия власти провела очередной закон в угоду российским богатым чиновникам и олигархам. Разрешено приватизировать в городах земельные участки, находящиеся во втором поясе зон санитарной охраны источников водоснабжения. Эксперты прогнозируют активизацию застройки прибрежных территорий, что ухудшит качество питьевой воды, граждане не смогут попасть на выкупленные нуворишами берега. «Может, у Путина дрогнет рука завизировать?» — надеется знакомый военный пенсионер. Вряд ли. Тогда останутся «подвешенными» незаконно возведённые на берегах виллы с личными купальнями, катерами, заплывающими прямо во дворы. Можно прогнозировать: сильные мира сего продолжат легализацию захвата охотничьих угодий, живописных мест. Не исключено, введут непосильный налог для проживающих у рек и озёр малообеспеченных граждан. Чтобы не мешали.

Где-то прочёл (кажется, в книге Юрия Селезнёва «Достоевский») о том, как в период интенсивного развития капитализма в царской России некто Эпштейн пытался приватизировать Волгу со всеми ее притоками. Не дошло бы и сейчас до этого? Приватизируют родники, ручейки, мелкие речки, ну а потом... Тем более что, по прогнозам, вода скоро будет стоить дороже нефти и газа, и за нее начнется глобальная драчка. Но как быть простым людям? Как остановить им издевательство над природой, запустение, скрываемое за «комфортами» и демагогией чиновников об «успешном развитии»?

Русские должны жить по-русски. По дороге на озеро Бросно минуя печальные ландшафты. Здесь была когда-то деревня Жаберы — нет ее. В посёлке Бобровец были лесоучасток, школа. Давно закрыты. В деревне Волок школа сохранилась, но, дошла весть, ее тоже собираются закрыть. Всё потому,

что экономическая деятельность в Волоке, где некогда был центр совхоза «Быстрианский», прекратилась. Еще сильнее запустение там, где явились на свет моя мама и мой отец. Брожу летом по пустошам, печищам, обострённо воспринимаемая каждой клеточкой сердца значение слов «род», «родина», «родное». Пронзительная тишь разливается окрест. Ни человеческого голоса, ни рокота трактора. Исчезли Гречишниково, Серое, Сычёво, печалются опустевшими домишками Гусары, Прудишенка, Донское.

В Донском провёл детство мой родственник, будущий генерал-лейтенант медицинской службы, лауреат Госпремии Валентин Иванович Евстигнеев. Здесь родился будущий редактор газеты «Пролетарская правда» Калининской области Иван Иванович Капустников, в районном музее хранятся его воспоминания. Супруга Капустникова, Татьяна Борисовна Киселева, командовала женским партизанским отрядом. Как и муж, была награждена орденом Красного Знамени. Я дружен с их сыном Александром Ивановичем, он заведовал кафедрой в Тверской сельхозакадемии... Здесь писал полотна лауреат Ленинской премии Николай Михайлович Ромадин. Проезжая на поезде через Житовский мост, художник очаровался озёрами и, сойдя на разъезде, направился к начальнику лесоучастка в поселке Зеленогорский (это рядом с Донским) Фёдору Ивановичу Фёдорову: «Помоги купить избу».

В конце августа 1941 года по Язвицам (народное название этой местности), отступала от Великих Лук наша истерзанная боями 22-я армия. А в суровую стужу середины января 1942-го в них замерзали, драпая из Андреаполя, немецкие солдаты и офицеры 189-го гренадерского полка, прибывшие из Франции в лёгких шинелях. Изучая зверства «цивилизаторов», совершённые на Тверской земле, обнаружил эпизод: пленённые наши солдаты строили мост возле Гусаров, и один из пленников заявил: «На Гитлера работать не буду!» Фашисты заставили его выкопать себе могилу, раздеться догола, после чего расстреляли. Где твоя могила, твёрдый духом советский солдат? Каково имя твоё? Откуда ты? Из Сибири, Ярославщины, Татарстана, Украины?

«Юнкерсы» и «хейнкели» после освобождения района жестоко бомбили стратегически важный мост. Но кто «разбомбил» в мирное время округу так, что не стало ни поселка, ни лесоучастка, ни Донской школы, в которой обучалось до трёхсот ребятишек, ни множества деревень, ни дорог?

Провинция терпелива, привыкла довольствоваться малым. Но сколько можно испытывать это терпение? Так про-

должаться не может. Жизнь поставила ребром вопрос о выживании православно-славянской цивилизации. Угроза ей исходит не только извне, но и изнутри. Что противопоставить наступлению глобализма? Как обеспечить единение народа? Если попытаться свести воедино наболевшее, то власти следует провозгласить близкую, понятному народу идеологию национального развития. Идеология — это идея, без идеи власть непоследовательна, а народ дезорганизован, разобщён, слеп. Нужно вдохнуть жизнь в малые города, поселки, деревни. Восстановить ответственность государства за развитие реального сектора экономики, возродить кооперацию, вернуться к здравому смыслу в кадровой политике. Кое-где районные главы сидят в руководящих креслах по двадцать и более лет. Мхом, что называется, обросли. Обставились родственниками, друзьями. Люди не приложит ума, как от елбасы провинциального «разлива» избавиться. Но кланы не отпускают своих и с помощью «прозрачных» псевдовыборов воспроизводят нужные себе кадры.

Нужно приблизить выборы к народу, ввести прогрессивный налог, перестать торговать землей (святостью для русского человека), переписать истребительный Лесной кодекс, наложить запрет на закрытие сельских школ, вернуть педагогические институты и обязательность распределения их выпускников, а также выпускников медицинских вузов, остановить сатанинскую оцифровку народа и пичканье его колониальными эрзацами. От нее, от этой чужеземщины, попирающей традиции и внутреннюю свободу, от неверия в собственное будущее народ наш, главным образом, и гибнет. Русские должны быть русскими и жить по-русски. Важно понять: никакими реформами самоуправления, мелкими «инициативами», «материнскими капиталами», одноразовыми подачками и поблажками со стороны власти не остановить усугубляющуюся демографическую беду, пока в русской провинции жизнь снова не обретет коллективистский лад и созидательную перспективу.

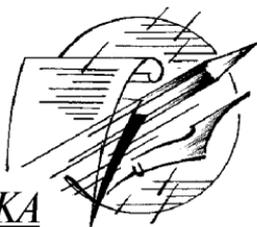
...На митинг, посвященный 80-летию освобождения Андреаполя от немецко-фашистских захватчиков, пришло не больше сотни моих земляков, и то если приплюсовать чиновников (в советские времена собрались бы тысячи). О многом говорит этот факт тем, кто сохранил способность думать и размышлять.

г. Андреаполь Тверской обл.

ПУТЬ К СОХРАНЕНИЮ ОТЕЧЕСТВА

Капитализм доказал свою невероятную живучесть за счет периодической смены модели. Когда в мире была мода на социализм, элиты были вынуждены согласиться на кейнсианскую модель с зачислением «опасного класса» (пролетариата) в средний класс. После развала мировой социалистической системы восторжествовала (особенно в странах периферии) неolibеральная модель, характеризующаяся вытеснением среднего класса в прекариат (который пока не воспринимается элитами как «опасный класс» в силу своей разобщенности и утраты способности к самоорганизации и жертвенности).

Концепция «инклюзивного капитализма» — вот то стратегическое решение, которое предлагают мировые капиталистические элиты для сохранения себя в качестве таковых и под которое осуществляется форсированная трансформация мировых политических и социально-экономических институтов. В мировой повестке — «разумеется» инклюзивный капитализм, а вовсе не социализм. Из-за того, что при инклюзивном капитализме 90%

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лишены частной собственности, а в экономике преобладают распределительные методы (безусловный базовый доход, нормативное потребление по социальному рейтингу), его часто называют «цифровым социализмом», что говорит либо о непонимании, либо о сознательном введении в заблуждение с целью диффамации понятия «социализм». Инклюзивный капитализм — это близкая к рабовладению модель капитализма, которую В.Ю. Катасонов справедливо называет «цифровым концлагерем»: у человека отчуждается его поведение и воля, он фактически становится рабом цифровых экосистем (точнее, стоящих за ними т.н. «эксистов», разработчиков платформ и лиц с максимальным уровнем доступа).

Если индивидуализм, стяжательство, конкуренция и меркантилизм нас привели к краху, то новый уклад — это обращение к коллективизму, бескорыстию, взаимопомощи и идеальным смыслам. Социализм, особенно православный социализм, — это запрос идеального, это обретение крыльев, способных вытащить нас из болота потребительского индивидуализма и вознести к вершинам христианского соборного братства. Это подвиг, это, если хотите, чудо, которое осеняет всякого, кто отважится стяжать его.

Именно социализм позволяет установить абсолютную власть по сравнению с капитализмом, ибо условием существования капитализма является необходимость относительной свободы.

Базовым условием существования капитализма является либерализм как способ «освобождения» от любой ценностной базы. Первоначально капитализм «освободился» только от одной библейской ценности — запрета на ссудный процент. Но не прошло и 200-т лет, как идеологи капитализма (в лице философов Просвещения) отбросили ложный стыд и все библейские ценности вообще. «Бога нет» — это не Ницше придумал, а его старший товарищ Кант, который упрятал Бога в трансцендентное заточение «вещи в себе». Условие существования капитализма — это культ Мамоны, абсолютная свобода от Бога и полная свобода для греха. А имманентная природа капитализма — это экономическое закабаление человека, абсолютное и тотальное.

По сравнению с капитализмом социализм — это заметное ущемление «прав и свобод» человека. Социализм не свободен от этической ценностной базы — ибо этика выступает главным социальным регулятором при социализме. Коммунальный способ взаимодействия подчиняется только этическим императивам, тогда как индивидуализм несёт с собой

примат закона как регулятора отношений «экономических агентов» коммуникации.

Социализм, в отличие от капитализма, задаёт высокую этическую планку как своё имманентное свойство. Он — «гарантийное государство» и «государство тягла» (см. «Русский народ и государство» Н.Н. Алексеева), ставит по жизни себе и своим гражданам достаточно трудную задачу: нести идеальную миссию, служить в условиях строгих моральных ограничений и табу. И спрос с него по самому высокому, гамбургскому счёту. Как мы судим успехи капиталистического строительства? Исключительно по макроэкономическим показателям, главный из которых «экономический рост». Если есть рост — всё остальное (ЛГБТ, ювенальная юстиция, гендерная свистопляска, монетизация социальной сферы) сходит с рук. Напротив, социализм мы судим не только по макроэкономическим показателям (хотя не отрицаем их важности), но прежде всего по тому, насколько общество морально здорово и проникнуто служением, стяжанием идеального общественного блага. Социализм в СССР погиб ровно в тот момент, когда выключили свет общественного накала, и общество перестало заботиться об общем идеальном благе, переключившись на стяжание индивидуальных материальных благ.

Переходя к православному социализму, мы не станем отрицать «абсолютной власти» в нём евангельских заповедей. Мечта Гоголя о России («Монастырь ваш — Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она зовет теперь сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде») большинству из нас покажется чрезмерно суровым игом и тяжким бременем. Но как ещё выбить из нас укоренившийся грех, как не постом и молитвой? Не будет ли это «бремя» самой лучшей проверкой нашей крепости в вере? И не про это ли «иго» сказано в Священном Писании: «ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11: 30)?

В конце концов, служение нам представляется игом до тех пор, пока гедонизм считается нормой жизни, а телевизор излучает разврат и пошлость. Переключение общественного сознания в новый режим сильно облегчит задачу высокого служения каждого. Хороший пример заразителен, не так ли?

Известна фраза Карла Маркса о том, что нет такого преступления, на которое капитализм бы не пошёл, если ему гарантирована прибыль в 300 процентов. Но Маркс не раскрывает весь спектр преступлений, на который бы отважился капитализм. Очень интересно было бы прочитать прогноз

К. Маркса на этот счет спустя 150 лет после создания Первого Интернационала.

Фраза принадлежит английскому публицисту и общественному деятелю XVIII века Томасу Джозефу Даннингу, а Маркс её использовал в первом томе *Капитала* для иллюстрации ужасов первоначального накопления капитала. Маркс полагал, что эти ужасы «дикого капитализма» остались в прошлом — ему и в голову не могли прийти те преступления, которые совершит капитализм в XX веке: две мировые войны, атомная бомбардировка мирного населения, зверства фашизма (это тоже капитализм!), ковровые бомбардировки в Юго-Восточной Азии...

Но если брать социализм, то здесь уже чётко сказано, на какие преступления готовы были пойти революционеры ради торжества идеи справедливости и равенства... Нечаев подчеркнул, что революция не имеет общечеловеческой морали и морально любое преступление (убийство, подлог, ложь, лжесвидетельство, шантаж), если это отвечает интересам революции и создания справедливого общества.

«Цветущая сложность» социализма заключается в том, что нет какого-то одного раз и навсегда заданного социализма. Социализмов, его теоретических и исторических реализаций, настолько много, что известны примеры кровопролитных войн одних социалистических стран с другими. Для большинства же людей пламенный революционер у нас ассоциируется, например, с Че Геварой... Но в России революцию сделал не Ленин, не Троцкий или Бонч-Бруевич; её сделал коллективный субъект — партия большевиков, сплочённых идей и репрессиями в «орден меченосцев».

В ужасах революционного террора и гражданских войн, как правило, виноваты обе стороны. Революция как острая реакция на чувство несправедливости и невыносимого бремени бытия («социального ада» по Ф. Броделю) возникает не на пустом месте и не в сумасбродных фантазиях клинических социопатов. Революция — это, во-первых, результат неспособности элиты разрешить накопившиеся противоречия, а во-вторых, вызревание контрэлиты — политического субъекта, готового разрешить эти противоречия. Было бы в высшей степени прекрасно, если бы все революции протекали сверху (как перестройка). Но, как подметил еще Н.Г. Чернышевский, «историческая деятельность — не тротуар Невского проспекта»...

Среди защитников капитализма не было рьяных борцов с общечеловеческими ценностями. Потому что «общечеловеческие ценности» — это жупел либерализма, под флагом ко-

торых свергаются неугодные режимы, осуществляются «гуманитарные» бомбардировки мирного населения, а страны подвергаются экономическому геноциду в виде блокады, санкций и шантажа. Нет «общечеловеческих ценностей», ценности у каждой самобытной цивилизации свои. Поэтому рьяная борьба либерализма за навязывание западных (читай: капиталистических) ценностей является прямой агрессией в другие культуры и цивилизации. А то, что мы западные ценности успели признать в качестве «общечеловеческих», — печальное свидетельство нашей культурной капитуляции, потери нашего цивилизационного самобытия под игмом глобализации.

Надо ли напоминать, что у миссионеров капитализма руки по локоть в крови, от геноцида индейцев и голодомора индийцев до военных интервенций и переворотов? А если ограничиваться Русским миром — то что такое последние 35 лет, как не его геноцид и разграбление капиталистическим Западом?

Развитие капитализма шло параллельно с развитием благотворительности и освобождения человеческой личности от пут невежества.

Модернизация, гонка вооружений и НТР, а также выдающиеся успехи СССР в области науки и образования, требовали от Запада увеличения доступности качественного узкопрофильного (главным образом, естественнонаучного и технического) образования, что сделало «белые воротнички» (интеллигенцию) массовой социальной стратой. Однако после молодежных волнений 1968 г. элиты осознали опасности тотального образования и уже с 70-х годов запустили Болонский процесс по фактическому сворачиванию системы массового высшего образования, перепрофилируя высшую школу под выпуск «квалифицированного потребителя».

С благотворительностью тоже всё ясно. Благотворительные фонды — это прекрасный и легитимный способ ухода от налогов. А «благотворительные» фонды типа Фонда Сороса или Фонда Билла и Мелинды Гейтс (фонды т.н. «венчурной филантропии») — это инструменты «точной глобализации», действующие поверх национальных государств и даже поверх фасадных международных институтов (например, ВОЗ фактически находится под управлением Фонда Гейтс). Кроме того, это способ концентрации капитала (своеобразные мировые «общаки»), куда более надежный и защищенный, чем офшоры.

Выше уже отмечалось, что капитализм (точнее, либерализм как его неотъемлемое идеологическое сопровождение) раз и

навсегда отменяет этику как социальный регулятор. Гитлеру приписывают фразу: «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью». Но с таким же успехом ее можно приписать идеологам социал-дарвинизма или утилитаризма: «Совесть? Это выгодно? Нет? Давай, до свиданья!» Этика в капиталистическом обществе вытеснена законом. Россия, встав на рельсы капиталистического развития, первым делом попыталась освободиться от этических ограничений: «Разрешено всё, что не запрещено законом!», «Совесть? Не, не слышали...»

Те, кто жил в СССР, хорошо помнят висящие в транспорте и общепите плакатики: «Совесть — лучший контролёр!» Советских граждан увещевали и воспитывали повсюду: в газетах, в телевизоре, в месткоме, на комсомольских и партийных собраниях. И это работало, пассажиры компостировали автобусные талоны, убирали за собой посуду в столовой, ходили на субботники... Моральный кодекс строителя коммунизма зубрили на уроках обществоведения, тогда как уголовный кодекс был дворовой легендой, вроде рассказов про пиратов или вампиров. Суд, а тем более милиция были крайней мерой — подавляющее число граждан знало об их существовании только по сериалу «Следствие ведут знатоки».

Нам понятна задача многих апологетов капитализма объявить его «вегетарианским», снабдить его своеобразной «предпринимательской этикой» и даже заявить о существовании т.н. «православного капитализма». Что ж, дадим слово самому что ни на есть «православному капиталисту», миллиардеру и меценату Константину Малофееву, который еще в 2015 году честно признался: «Теперь я себя называю восставшим жрецом Мамоны, потому что очень хорошо знаю, как устроен этот культ, как внутри него всё работает, вплоть до самого верха, но уже не поклоняюсь. Теперь чувствую себя спокойно, не разрываясь на две части. Будем честны — к сожалению, нет никакой православной этики предпринимательства. Это всё из протестантизма, из сект. Недаром до революции многие выдающиеся предприниматели были старообрядцами. Изолированные сообщества относятся к своим иначе, чем к чужим, — на чужих можно заработать, а со своими надо быть честными. То же самое у иудеев, у протестантских сект. Православный же не может разделять страну, людей и мир, свою жизнь на части. Всякому бизнесмену приходится кривить душой... Заниматься бизнесом и искренне служить Богу невозможно».

У капитализма нет иной цели, кроме наживы, и лишь инстинкт самосохранения заставляет капитал ограничивать свои аппетиты институтами в ядре (судебная власть, выбор-

ная демократия, СМИ, гражданское общество), выбрасывая свои противоречия на периферию, в зоны «первоначального накопления капитала» — не только в географическом, но и технологическом смысле (например, Билл Гейтс, Сергей Брин или Марк Цукерберг — старатели кибернетической «Аляски», застолбившие свою «золотую жилу»). Лавирование между страхом и алчностью — вот и вся «предпринимательская этика».

Возможна ли этика при капитализме? Да, возможна. На страхе и алчности можно построить этику, которая будет даже в определённом смысле «гуманной»: «Без лоха жизнь плоха!» (что означает: «Менее успешных граждан мы не убиваем на месте, а обращаем в рабство»). В аду, говорят, примерно такая же этика...

Ни в какой теории общественного развития не высказывалось больше нелепостей, чем в теории социалистического переустройства общества от Платона (428 г. до н. э.) до Леже-Мари Дешана (1716—1774). Как известно, Платон интересы здоровья государства ставил выше интересов личности, поэтому он изгнал из своего государства поэтов и художников и ввёл общность жён. Коротко суть его учения можно выразить так: государство всё, человек ничто. Современник Платона Аристофан в своих комедиях высмеивал эту идиотскую идею общности жён и изгнание художников из государства.

Подробный разбор концепции «Платонополиса», идеального государства Платона, требует отдельного обстоятельного разговора. Скажем только, что Платон был едва ли не первым мыслителем в истории, заявившем о равноправии мужчин и женщин: «У распорядителей государства нет никакого дела, которое было бы свойственно женщине, поскольку она женщина, или мужчине, поскольку он мужчина. Силы природы равно развиты в обоих существах». Независимо от того, что женщина во всем слабее мужчины, она имеет полное право стать стражем, участвовать в войне, если она обладает способностями и получает должное воспитание и образование, подобающее стражу. Женщины справедливо обретают право на правление, если у них все необходимое для властвования будет общее, наравне с мужчинами. В своем идеальном государстве Платон предоставил «слабому» полу право на заключение брака с любым представителем общества, возможность защиты и охраны государства и, что наиболее существенно, реальность достижения правления. Лишь в XX веке женщина получила права, которые ей обещал Платон, — и это случилось в Советской России раньше стран «гуманного» Запада. После

Платона в течении пятисот лет не было мыслителя, который бы продолжил его социальные идеи. Такие идеи появляются уже в новую эру.

Социалистические идеи особенно ярко манифестировали в апостольский период христианства, когда повсеместно стали возникать первохристианские общины. Эти общины создавались именно под заботливым пастырством апостолов, и в них культивировалась социалистическая форма организации хозяйства: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 4: 32).

Давайте прислушаемся, с каким восхищением и благоговением свт. Иоанн Златоуст толкует процитированные слова Священного Писания: «Когда апостолы начали сеять слово благочестия, тотчас обратились три тысячи, а потом пять тысяч человек, и у всех их было одно сердце и одна душа. А причину такого согласия, скрепляющего любовь их и столько душ соединяющего в одно, было презрение богатства. И никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее. Когда был исторгнут корень зол, — разумею сребролюбие, — то превзошли все блага, и они тесно были соединены друг с другом, так как ничто не разделяло их. Это жесткое и произведшее бесчисленные войны во вселенной выражение: мое и твое, было изгнано из той святой церкви, и они жили на земле, как ангелы на небе: ни бедные не завидовали богатым, потому что не было богатых, ни богатые не презирали бедных, потому что не было бедных, но всё у них было общее; и никто ничего из имения своего не называл своим; не так было тогда, как бывает ныне. Ныне подают бедным имеющие собственность, а тогда было не так, но, отказавшись от обладания собственным богатством, положив его пред всеми и смешав с общим, даже и незаметны были те, которые прежде были богатыми, так что, если какая может рождаться гордость от презрения к богатству, то и она была совершенно уничтожена, так как во всем у них было равенство, и все богатства были смешаны вместе. И не отсюда только, но и из самого способа отдачи имущества можно видеть их благочестие».

Златоуст скорбно констатирует: «...не так было тогда, как бывает ныне». Это поистине ангельское братство было безвозвратно утрачено. Причины этой утраты Златоуст разоблачает в главном — в сребролюбии. Первохристиане не сумели найти противоядия к «корню всех зол». Сейчас же мало кто ищет противоядие — настолько повсеместно утвердилось убеждение, что сребролюбие не яд, а панацея.

Но для нас, православных, опыт первохристианских общин бесценен. Этот опыт устами Златоуста утверждает, что христианское общество должно и может быть построено на вполне определенных, социалистических принципах: «Когда был исторгнут корень зол, — разумею сребролюбие, — то превзошли все блага, и они тесно были соединены друг с другом, так как ничто не разделяло их».

Концепцией православного социализма мы провозглашаем возрождение апостольского общежительного идеала, отвержение мамоны и обращение к Богу не только в сердце, но и в самом образе жизни (что представляется чрезвычайно трудным шагом). Мы вслед за о. Сергием Булгаковым называем будущий уклад «социализмом» и не видим веских причин отказываться от этого термина.

Н.В. Сомин в работе «Три социализма С.Н. Булгакова» приводит слова о. Сергия, звучащие для нас, русских и православных людей, духовным и политическим напутствием:

«Какovo же собственное отношение православия к социализму? Оно не дало доселе вероучительного определения по этому вопросу, да оно и не нужно, потому что это есть вопрос не догматики, а социальной этики. Однако в православном предании, в творениях вселенских учителей Церкви (свв. Василия Великого, Иоанна Златоуста и др.), мы имеем совершенно достаточное основание для положительного отношения к социализму, понимаемому в самом общем смысле как отрицание системы эксплуатации, спекуляции, корысти. Разумеется, реформа социального строя, как и мера осуществимости социального идеала, есть вопрос не только принципа, но и практической целесообразности. Каждая хозяйственная организация имеет свои плюсы и минусы, которым приходится подводить практический учёт. И русский коммунизм показал с достаточной очевидностью, каким безмерным бедствием он является, будучи осуществляем как жесточайшее насилие с попранием всех личных прав. Однако это именно потому, что душа его есть безбожие и воинствующее богоборчество. Поэтому для него и не существует тех религиозных границ, которые полагаются насилью признанием личной свободы и неотъемлемых прав личности на самоопределение. Однако возможен иной, так сказать, свободный или демократический социализм, и, думается нам, его не миновать в истории. И для православия нет никаких причин ему противодействовать, напротив, он является исполнением заповеди любви в социальной жизни».

Мы познали советский социализм, построенный на принципах равенства и справедливости. Много в нём было заме-

чительно, и многие мечтают вернуть его обратно. Но что-то в нём было кардинально нас не устраивающее — иначе мы не сдали бы его так легко и без боя. Наверное, нас не устраивало то, что он взошёл на плато Справедливости, но так и не дошёл до пика Любви. И нам стало невыносимо душно и тошно в безблагодатном мире, где к тому же уже достигнутая Справедливость стала быстро съезжать и таять, как горный ледник.

По слову С. Н. Булгакова, социализм «является исполнением заповеди любви в социальной жизни». Мы должны строить именно такой социализм: социализм как Царство Небесное вокруг себя, на земле. Только взявшись за эту невыполнимую задачу, мы хоть как-то приблизимся к апостольскому идеалу христианского братства.

ТАК И ЖИЛИ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Как бы ни хотелось, не выкинешь из жизни ни тех четырёх зачеловечных лет, ни первых послевоенных. Не смахнёшь их тряпкой, будто со стола крошки. И всей тяготы послевоенной разрухи не смахнёшь... Но всё же... всё же, когда Алёна Тарасовна оглядывается на прожитую жизнь, вопреки всем страданиям, ей припоминается по большей части хорошее. А оно, это хорошее, всё самое радостное, самое дорогое, как ни крути, приросло к душе намертво, и толстенной возовой конопляной верёвкой, тугим — до последнего, остатного вздоха не развязать — узлом притянуто к каждодневной — от зари до зари — заботе о земле, об уходящей в неё уже по самые оконушки избе, о невеликом вдовьем подворье.

Но самое заглавное из всего хорошего, что с Алёной случилось в её долгой жизни, что Господь дозволил испытать, сокровенно нежное и ласковое, от чего при одной мысли душа её умягчается, будто доброе праздничное тесто, от чего дыхание перехватывает, точь-в-точь как бывает, когда на Крещение в родник Святителя Сергия окунаешься — и ознобко, и в

ПРОЗА

жар кидает, а счастливо, — так это, конечно, неподвластное никаким описаниям чувство материнской радости.

Двое их, деток-то, у Алёны Тарасовны. Может, кто скажет: ишь, мол, чем удивила, не в редкую стёжку и шестёрку товарки её поднимали. Коли посчастливилось да случилось бы прижить с Васей столько-то, а и она бы сдюжила! Как не обихаживать, коли все свои, все родненькие?

Ну, коли об этом речь зашла, так если уж доточно сказать, соседские, Матрёнины старшенькие Колька с Настёнкой тоже под её приглядом возрастали. Малышню, погодок Кирию с Глашей, после Матрёниного ареста подобрали в детдом — как-никак десятку ей тогда вlepили, да и сгибла она, говорят, половины срока не протянув, — сосной на лесоповале пришибло, — как им, бедолажкам, жить? А эти, уж смышлённые, упёрлись — ни в какую! До трёх раз домой сбегали, покуда, наконец-таки, махнули на них рукой: мол, так и быть, и оставили на попечение колхоза. Кольке — тринадцать, Настюшке и того меньше, только одиннадцатый пошёл. Время-то какое было! У колхоза работы круглый год — невпроворот, да ещё разруха какая! Детвора и своя у баб — за покид-место, не до Матрёниных сирот...

Жили они в соседях. Ну какое сердце должно быть у Алёны, чтобы, наварив своим чугунок похлёбки ли, картох ли, знать, что Матрёниных ветром шатает.

Колька, правда, чтоб не ходить побираться, на лето пристроился в помощники к пастуху. Люди наши по натуре жалостливые, покуда вдоль деревни пройдёт — кто ломоть хлеба в карман сунет, кто ещё чего.

И зимой тоже без дела не сидел: кому воды натаскает, кому дров нарубит, глядишь, какой кусок и перепадёт. Так и кормились с сестрёнкой.

Как пожалеть в таком разе Алёне для сирот похлёбки? А постирать, а приглядеть в учёбе? Настёна, так та и поныне мамкой её кличет. У самой-то Алёны пацаны потом народились, а тут — девчонка. Всё-то, бывало, к Алёне льнёт... ласковая такая. Всё рядом норовит. Так и можно понять — десяти годочков осталась без мамыньки... был бы хотя бы уж батяка, но и Петра война не пощадила.

Проносила Алёна сквозь дыру в плетне — напрямки, значит, — с полгода туда-сюда соседской детворе чугунок, а потом и вовсе пригрела их в свою хату.

Нет, нахлебниками, дармоедами она их никогда не считала, да и по сей день не считает. Мамка была у них работающая, под стать ей и ребята, нечего зазря хаять. Никогда на шее у Алёны они не сидели. Колька, было, даже учёбу забросил:

мол, мужик я или кто? И только после крутого разговора с Алёной — даже поркой припугнула, чего «ни в жисть» не было, заново сыскал закинутые на чердак книжки. Да и Настёнка всегда была ей помощницей: как дети пошли, пока она в поле, и за Никиткой с Андрюшкой приглядит, и пару грядок на бакше выполет.

Выросли... Семьями обзавелись... Вот бы мать сейчас порадовалась, какие у неё ребята случились. И младших разыскали, знаются, роднятся... Жаль, правда, в колхозе никто из них не осел. А так — все четверо выучились, мальчишки оба-два в слесарях, при заводе, значит. И девчонки при деле пристроились, балды зазря не бьют, от дела не лыняют, пошли по швейному. До работы жадные, так, видать, в роду их заведено, хотя... есть — какой уж тут секрет? — есть... пусть малая, а всё ж таки есть в том, что ни говори, и Алёнина заслуга.

Дети — они, хоть как подойди, — дети, свои ли, чужие... А коли ещё и в беде?... Так что Матрёна, коли сведёт их Боженька в Царствии Небесном, спросит про свою ребятню, не должна на Алёну по-соседски обижаться.

Видать, и Колька с Настюшкой на неё не в обиде. Письма пишут, не забывают её приёмышы. Вот только неделю назад посылку почтарька принесла. От Насти. Крышку-то с ящика старушка откинула, а там! Парочка, тёмненькая, по её годикам, да шерстяная! Кофта с юбкой. Век такой не нашивала Алёна Тарасовна. Прибрала в сундук, от моли, от всякого-разного шашалу свежую веточку полыни поверх них положила. А чего такую красоту по подворью — за ворота ведь старушка, почитай, лет пять не выбирается, — за каким же делом тогда костюм Настёнин мызгать? Решила прибереечь к важному событию — к Господу в нём не стыдно явиться. Оно понятно: Ему её наряды эти бабские ни к чему. Но иного серьёзного дела в ближайшее время у старушки вроде не намечается.

Да... Жила Алёна со своей четвёркой не сказать, чтоб шиковала. А кто по той поре шиковал-то? Но, с какого боку ни подойди, а всё ж таки одной, без мужика поставить на ноги четвёрку, каждому вправить, куда положено, мозги, проследить, чтобы руки от нужного места росли — это не фунт изюма. Одной одёжи-обутки, ну-ка, припаси! И за столом опять же — пять ртов.

Конечно, кабы не бакша, куда там!.. Она, кормилица, хоть конфеты-жамки не родила, но лямку свою тянула по совести. Правда, бывало по-разному. Год на год не приходилось, когда уродит поболее картох, когда бураку, когда того и другого — от души, а бывало, что и шиш с маслом.

Тогда затягивай Алёна на «кухвайке» Васин ремень на все остатные дырочки, да иди пошвыдче трудодни в колхозе зарабатывать. Только на них и надежда, может, по ним чего обломится: той же картохи, того же бурака, того же хлебушка.

Одним словом, всё лучше, когда ты из нутра сам по себе не ленивый. Или мать-отец успели, коли такой хворобой сызмалу баловался, хорошо, если они озаботились да из тебя эту дурь, покуда ещё без штанов ходил, берёзовой кашей-то повыдурили.

Четвёрку вырастить, чего только не припомнишь, чего только с ними не случилось!

Вот был как-то случай с самым младшеньким, с Андрюшкой. Чтоб не лындали, уходя на ток или в покос, Алёна, как заядлый бригадир, распределяла меж детворой заботы по усадьбе: кому нынче лук-моркву полоть, кому за клушей следить — повадилась тоже, настырная, цыплят за бакшу, в хлеба уводить, прилучит, ох, прилучит их тамotka лиса, всех до единого положит. Насте — наряд особый: по дому прибраться, бельё на запруде располоскасть — Алёна ещё до свету отстиралась.

В тот день дома были Андрейка да Настя. Колька пас с дедом Гром Громычем в Закамнях на молодой отаве коров. Никитку откомандировали в сельпо: соль подделась, спички извелись, огня в печи не развести, хоть трутовиком поджигай.

Андрейка — годов шести, кажется, тогда был. Окучив, сколько ему на нынче отвели гряд, не сказавшись Настёне, прихватил из-под повети свои припрятанные удочки и айда на рыбалку, покуда Настюшка ещё какой дели не сыскала.

Она покомандовать Андрейкой любит. Дай только волю! И сама без дела не сидит, и ему не дозволяет. Вроде всё переработали, ан нетушки! Усядется Настя вязёнки к зиме вязать, а ты — на ж тебе! — клубок ей держи. Ай, он с углами? Сам по крыльцу кататься не может?

Хитрит Настёна, держит Андрейку на ниточке, точь-в-точь, как Полкана на цепи. И не сбежишь, варежки позарез нужны — зимой руки на горке ещё как мёрзнут. А вяжет Настя ме-едленно, и не потому, что недавно выучилась, просто чтобы подольше Андрюшку никуда не отпускать. Но все её хитрости для мальчишки были всегда шиты, а точнее, вязаны белыми нитками.

А вообще-то улизнул Андрюшка не за-ради гулянки. Завтра у мамки именины. Не приведи как нужен подарок, прям-таки позарез. Алёнке проще — носки для неё ещё когда-когда свостожила. Никитка, тот свой подарок держит в секрете.

Кольке проще всех — набрал на пастьбе пучок земляники — и голову ломать не надо. А у Андрейки прямо беда с этим подарком. И зачем они нужны, эти именины? Только голову морочить с ними. А всё Настёна-зачинщица: «Давайте маме праздник устроим! Давайте подарки сготовим!»

Сёмка Филин вчера, как за щавелем ходили, рассказывал: цельную снизку карасей из торфяных ям за каких-то два часа натаскал. Он наловил, а Андрейка чем хуже?

Эта его рыбалка не только их семейству, но и всем деревенским помнилась до-олго! А всё крючок непутёвый! Видать, дед Кит какие-то неправильные ладит. Карасей в тех ямах Верхнедолных на дух не видать, ни одногошеньки не попало, хоть просидел Андрюшка в валерьянниках с полудня до самой вечерней зари.

И уж было домой неудачливый рыбак засобирался, как леший его подзадорил: дай, думает, закину в последний раз, чем чёрт не шутит? Ну и закинул. А крючок возьми да за что-то — в яминах вода коричневая, не разглядеть, — вот он, малюсенький, возьми да к какой-то коряжине и прицепись. Плавать Андрейка ещё не выучился, дёрг-подёрг удочкой. Не тут-то было: накрепко держит коряжина, а может, даже сам лешак! — Андрейкин крючок.

Можно было, конечно, бросить его, заразу, да уж больно достался он мальчишке дорого: корзинку подзавяз подобабков пришлось деду Киту в березняке набрать. Жадюга-старикан дешевле ни за какие коврижки крючок ладить не станет, сколько ни упрашивай.

Свезло так свезло тогда Андрюшке! Если бы мимо тех копаней Колька не прогонял на вечернюю дойку стадо, так бы никто и не знал, куда запропал мальчишка. Земь вокруг ямины торфянистая, приболоченная. Вот он возьми да и ошмыгнись. Да... кабы не случайный случай, не подвернись Колька!..

То ли от перенесённого страха, то ли просто застудился, вода ведь в торфяниках не ахти какая тёплая, ночь напролёт пробредил мальчишка в огненном жару, а на другой день и вовсе слёг.

Дети болеют часто. Можно бы об этом не вспоминать, сколько тех хворобин у Алёниных ребятишек было — одна за другой, как гольцов в Жёлтом, не сосчитать. Но случай этот с Андрейкой чуть было под корень не изменил Алёнину судьбу. Как ей о том позабыть?

Ну так по порядку. И надо бы зайти чуть раньше.

А раньше-то Алёнка, с довоенной поры, когда ещё под штапельной её кофтёнкой на груди и бугорочков не проглядывалось, глянула Петру Звягину.

«Титьки что? — размышлял Петька. — Эти дела у их сестры без дрожжей подымаются, нынче — прыщ прыщом, оглянуться не успеешь, а уж через годок-другой и выладнится девка, и в грудях всё, как положено: если Господь расщедрит — два капустных кочана, а если попрिдержит, в полмеры по какой причине отмерит, то и тут неплохо, потом ведь всё одно разбабится».

Но Петро — парень уже взрослый, за ручку с малолеткой ходить, какой ему с того резон? Видать, новый добротный двор и Свиридихина покладистость в делах амурных перетянули чашку весов. И хотя попытки «захомутать» Алёнку были у него ещё не один, да и не два раза, Петька всё же решил отступить от неподатливой гурьевской девчонки.

Но в оккупацию, при немце, на Алёнин счёт он опять интерес заимел. Может, надеялся, как ни пеняли ему односельчане: мол, позорные твои бельмы, не устыдился, с кем дружба-то свёл? Может, побластилось Петьке, что теперь он при власти, вдруг оголодавшая девка на его паёк клюнет, вдруг да всё ж таки позарится?

Ан нет, побрезговала Алёнка фашистским прикормом. И раньше-то был ей Петро не по сердцу, а теперь, когда в паре с Толькой Прошкиным на глазах у всей деревни на побегушках у фрицев крутился, — и вовсе. Те, подлюги, сладив у комендатуры виселицу, лишили жизни Алёнину подружку Лиду Сарычеву вместе с дедом её Федотом.

Всё нутро в Алёнке закипало при одном только упоминании о Петьке. Да иначе и быть не могло. Это кому сказать только, какие они с Толькой гниды! Каждый в Маланичах знал — знал, да язык за зубами держал, что у старика Федота ховаются два красноармейца. Вся деревня молчала, а они, прихвостни, всё-таки не стерпели, донесли.

В тот день, когда немцы наших из деревни выбивали, взрывом разнесло у Сарычевых хлев. Корова, ясное дело, от безумия зафордыбачила. Взревела, взмычала, хвост кверху, понесла вдоль Маланичей и скрылась из виду.

Дед Федот ещё за год до войны сел на ноги, а жили они с внучкой вдвоём; пришлось Лиде в поисках ошалевшей скотины все маланичские закрайки обежать. Манюню не сыскала, видать, кой-то в неразберихе — громыхало-то, громыха-ало! — попользовался кормилицей, зато под вечер, когда уж и ног под собой не чуяла, проходя мимо Сырого овражка, девушка натолкнулась на четверых наших бойцов, рядом — развороченная пушка. Скорее всего, прикрывали отступление своих товарищей.

Над теми, у которых и ликов не рассмотреть, уж и мухи начинали зундеть. Первый, совсем молоденький, которому

задело живот, лежал обочь обгорелых, вывороченных тальников, видать, взрывом отбросило. Этот даже не стонал, уставился в кроны верб и только перебирал пыльными, потрескавшимися губами.

Пытаясь разобрать его думки, Лида приклонила к зелёному от страданий лицу своё ухо, но даже так не сумела слышать его шёпота.

А другой, с разорванной, даже жутко смотреть, ногой, сидел, прислонившись спиной к глинистому откосу в глубине оврага. Он, то забывался до немоты, то принимался несвязно сам с собой разговаривать, то вдруг ни с того ни с сего, отдышавшись в забвении, снова спохватывался и орал из последней мочи, приказывая своему уже не существующему расчёту, перезаряжать оружие. Хоть в званиях Лида совершенно не разбиралась, но и она смекнула: по всей видимости, командир.

Немцев в деревне ещё не было. Но Маланичи в предчувствии неминуемой беды, в ожидании супостата уже вымерли. На улицах — ни души, даже собаки, чувствуя настрой хозяев, и те не гамкали.

Лида сбегала за подмогой. И, погрузив солдат на ручную тележку, — последних колхозных коней забрали на нужды отступающих, а на ходы уложили тяжёлораненых, — вдвоём с Алёной они с горем пополам дотащили по выбитому просёлку полуживых красноармейцев в Федотову избу.

Молодой маланичский фельдшер Илья Андреич, давно рвавшийся на фронт, наконец, ушёл вместе с отступающими, уболтал-таки их командира: мол, бои кровопролитные, в лазарете не справляются, рук не хватает, и он будет им в подспорье.

После его ухода спасти от хворей — ран ли военных, понос ли детских, на пять рожениц и старых стариков осталась лишь одна выручалка — лекарка бабка Мотя. Её и привели.

Неделю бабка сиднем просидела около слаженного специально для раненых топчана. Поначалу она осмотрелась, наказала Лиде смотаться к ней в избу, пошебаршить в чулане, принести тот-то и то-то.

Затопили печь, нагрели воды. Со стопами — только уважая деда Федота и бабушку Мотю, ребята проглатывали из-за боли матюги, — но их всё ж таки, как смогли, наконец, обмыли, обтёрли, покопавшись в сундуке, переодели в дедовы чистые рубахи, и те вроде стали походить на живых.

Потом, чтоб уже навовсе привести в чувство, Мотя ещё две недели при дневном свете плевала, шептала, окуривала во-

енных да и самого Федота вместе с его избой можжевелевым духом, поила какой-то горчучей преполынной дрянью, а на все ночи напролёт вставала на колени у Божницы.

И вроде у неё получилось, вроде зеленушность с лица командира спала. Волоком, волоком ногу, а всё ж таки стал на своих двоих выбираться он до ветру. Пошёл на поправку и молоденький его подчинённый.

Имена тех служивых отчётливо врезались в память Алёны, бывало, каждый Божий день с утраца, а то и по вечерней заре, наведывавшейся справиться о здоровье красноармейцев. Командира, лейтенанта, как сейчас помнит Алёна Тарасовна, звали Иван, Иван Костров, а парнишку веснушчатого — Лёха Кречетов...

Глядишь, может, и пуля их больше не коснулась, может, и снаряд бы облетел стороной, а там и до Победы бы дошагали. Разъехались бы с того Берлину, один в свой Тамбов, другой на Вологодчину к своим семьям, где все глазоньки по ним проглядели, где уже и не ведали, какими молитвами их у смерти вымолить.

Где же был в ту пору Господь, по каким-таким наиважнейшим делам от пригляду за своим миром отлучился? — не раз потом в своей жизни убивалась над гибелью почти спасённых ими с Лидой, почти выхоженных бабкой Мотей бойцов Алёна Тарасовна, — и на кого Он только в тот день переложил своё внимание?

Вспомнит, бывало, она, как, привязав верёвками к танку, волочили их фрицы по первопутку вдоль всех Маланичей, так душа её и захохотывает. Так и запросит кары небесной для сдавшего фашистам недавнего своего ухажёра и обожателя Петьки Звягина.

Мало ему! Мало ему, душегубу, дали десятку за таковские дела его, надо бы, хоть и не велит Господь око за око, но с такими только так, чтоб впредь не повадно было, самого на той-то верёвке вздёрнуть. А то ишь ты! Отсидел, вернулся, и разгуливает вдоль Маланичей ничем-ничуть не совестясь: искупил, мол... Он-то отсидел... а молодых ребят-то нету... Не народились ни дети от них, ни внуки... А каково их матерям?..

Но хоть её Господь от Петьки уберёт, не дал-таки в обиду. А, бывало-то, Зинаида Звягина, мать его, зная, что сын по гурьевской девке сохнет, всё привечала Алёнку, всё «невестушкой» своей называла. Страшно становится Алёне Тарасовне от одной мысли: что как сошлась бы с этим иродом?

Всякие-разные женихались к Алёнке. Но ни для кого, как для Васи, майским широким цветастым половодьем так и не заиграло её сердце. Разве что для Ильи Андрейча?... Да о чём

теперь говорить-то? Может, и разбутонилась, было, её душечка за-ради Илюши, может, и обнадеялось её вдовье надтреснутое сердечушко на малюсенький кусочек счастья, только ведь испоконь не напрасно толкуют, не раз ведь испытано, что на чужом горе своё гнездо-счастье не вьют.

Говорить-то говорят... Убеждают, упреждают, только человек, видно, так сложен: покуда сам шишек не насбивает, на чужие и внимания-то не обратит. Мол, у него-то уж точно получится, ему-то наверняка должно повезти. А не брать в ум, не опереться на исковерканность чужих судеб — напрасно. По одним Божьим дорогам ходим, об одни горшки обжигаемся.

Илья вернулся в Маланичи вскорости после гибели Василия, месяца через два. Уже никто и не ожидал, не надеялся. Порешили: сгиб парень. Сколько их тогда осталось лежать по чужим землям! Но он всё-таки вернулся. Как потом рассказывал, успел повоевать и с японцами. Задержался в тех дальневосточных краях, думал было осесть, да потянуло в родные места.

Уходил фельдшер на фронт пацан-пацаном, первый год после учёбы. А вернулся возмужавший, и в плечах, кажется, раздался, да и ростом вымахал. Одним словом — самый мужик.

Только вот посуровел. И в глазах вместо задорных бесенят, которыми сводил, бывало, с ума маланичских девчонок, таилась неизбывная печаль. Видно, прошедшему войну капитану выдалось повидать такое, что тем девчонкам и в самых кошмарных снах не снилось. При встрече, стараясь ненароком не задеть Илью за живое, истомившиеся по мужской ласке молодые вдовы бабы и девчонки даже не пытались затевать с ним прежних шуры-муристых подшкеливаний.

Как заступила на пост заведовать медициной в Маланичах престарелая баба Мотя с уходом Ильи Андреича на войну, так продолжала и до самого его возвращения. То-то ей было радости! Наконец-таки и ей послабление вышло — передала дела свои хворобные из рук в руки, как и положено, фельдшеру.

Хоть и привыкла Алёна по большей части обходиться бабы Дарьиными запасами трав, в крайнем случае, для их усиления, призовёт, бывало, на подмогу всё ту же бабу Мотю, но когда в твоей избе четвёрка ребятишек, тот, кто испытал, не даст соврать, нет-нет, да кто-нибудь из них всё одно занедужит. Порой такой хворобиной, что хоть криком кричи, хоть волосья на себе рви, а ничем-ничегошеньким с той болячкой без лекарств покупных, без врачебного досмотра не справиться.

Так и случилось с самым младшеньким, с Андрейкой. Он вообще был на всяческие напасти горазд. Казалось, они так и ползают за мальчишкой ядовитой гадюкой, так и дожидаются, когда удастся в очередной раз подкусить.

И чего только с ним сызмала ни приключалось! Ох, и нянькалась же со своим младшеньким Алёнка! То наестся вместе с соседским Кузькой дурману, да так, что еле бабка их, глупышей, отходила. То в торфяной яме, помнится, чуть не захлебнулся. То полез за вороньими яйцами на Меркалихины ракирки, гнёздовый там — видимо-невидимо, — яишню опять всё с тем же друганом Кузькой Тороповым надумали жарить. Огребал, значит, гнезда да обмишурился, на сухой сук понадеялся, а тот возьми, да и хрясь! Мало, шмякнулся в самые репы, не прочесать, обрили налысо, так ещё и ногу, считай, навыворот своротил.

Всё с Андрюшкой, так или иначе, по большей части, правда, «лагополучно» обходилось. Но в тот раз, когда он уже вторые сутки метался в жару, Алёнка не на шутку струхнула и послала Никитку за фельдшером: беги, мол, сынок, пошвыдче, а не то велик у Кузьки спроси, он, говорят, немецкий справил, поезжай за Ильей Андреичем, скажи: опять наш пострел чегой-то начередил, ни крошки в рот не берёт, весь на пот изошёл.

От кого уж там Андрюшка подцепил сыпняк, один Господь ведаёт, только на этот раз, и правда, дело было плохо. Маланичи, вроде, эта напасть обошла стороной, помиловала. Алёна могла лишь догадываться, где сумела прилепиться к сыну эта зараза. Несколько дней квартировались на старых колхозных фермах пленные немцы. Видать, от них. Гнали их, порушенных, в область. По слухам, там они поднимали из развалин ими же разбитый железнодорожный вокзал.

Тогда не раз бегал Андрюшка поглазеть на «хрицев». Те, видать, соскучившись по оставленным в Германии семьям, рады были общению с ребятишками. Из подручного материала мастерили для них всяческие простецкие игрушки в обмен на картофелину, яблоко, ломтик хлеба.

С тифом шутки плохи, за болезным — глаз да глаз. Поначалу Илья Андреич приходил в Алёнину избу по два раза на дню, потом и вовсе зачастил: мол, Андрейка пошёл на поправку, теперь бы доглядеть, не упустить, чтобы вспышка не повторилась.

Так и пробил Илья тропку к Алёниной избе. Поставив мальчишку на ноги, уже совершенно без повода продолжал и продолжал заглядывать. Видно, крепко-накрепко притянулась у него душа к молодой вдовице. И с глаз его начала оmyвать-

ся печаль, даже повеселел. И ребятишек, считай, за своих принял.

Потянулось было и Алёнино сердечушко к красавцу фронтовику. Запоздает ненароком, не явится фельдшер в обычный час, уж и душа у бабы — в кои-то веки! — не на месте: а ну как другую приметил? Баб сейчас, охочих до такого мужика, эвон сколь сыщется... а он каждый день на людях, не одна, так другая прилипнет.

«Да что ж мне с ним делать? Ажни сердце падает! Любая-каждая в Маланичах приняла бы за честь внимание такого завидного ухажёра, — раскидывала умом тогда Алёна, — так чего ж тебе-то, вдовой да с довеском в четыре рта, кобызиться? Потом ведь близок будет локоть, да уже не укусишь!»

Но дело даже не в том, что Илья нравился другим. Главное, что её сердце не отвергало его, и, кажется, вопреки отчаянию, охватившему её после смерти мужа, вопреки твёрдой уверенности, что другого такого родного, такого близкого уже не встретить, вопреки всему этому, она почти уверилась, что сердце её способно вновь полюбить и распахнуться навстречу счастью.

Но случилось то, что случилось. На всё воля Божья. Может... да нет, конечно, всё случилось к лучшему.. По крайней мере, в судьбе Ильи Андреича.

Уж и таиться от чужих глаз они перестали — всё одно ведь в деревне от чужих глаз не скроешься, все, как есть, друг перед дружкой, как на ладони. Уж и на ночь Илья стал оставаться у Алёны. Порешили: колхоз подымет ему избу — на другом конце Маланичей сруб заложили, и к Успенью пятидесятого года Илья Андреич должен был войти в свою новую пятистенку. С Алёной и её детворой. Новый председатель волновался: «Ну как переманит какое другое хозяйство фельдшера? А им без медицины никак нельзя, бабка Мотя, Царство ей Небесное, как ни тужилась до веку дотянуть, пяти дён не осилила, преставилась. Так что кровь из носу, а фельдшера в Маланичах надо удержать». Но не случилось.

Только когда почтарька принесла письмо из какого-то неведомого Алёне до той поры, но запавшего в её душу на всю остатнюю жизнь небольшого городка Бежецка, — это где-то, как узнала она потом, аж под Тверью, — только тогда стало ясно, по какой причине у возвратившегося с войны Ильи была на сердце такая гнетущая печаль.

А дело-то самое что ни на есть простое, жизненное. Не он первый, не он последний... Война непредсказуема!.. Что хотела, то с людьми и творила. Кого сводила на своих дорогах, кого на веки разводила. Нет... Это хорошо, что Илье, пусть не сразу, а всё-таки повезло...

Военфельдшер Илья Чекмарёв служил в полевом госпитале на Южном фронте, когда первая танковая армия врага, соединившись со своей шестой армией, двадцать третьего мая сорок второго взяла в кольцо две советские армии: шестую и вдобавок их, пятьдесят седьмую, которая вела тяжелейшие бои на самой дальней оконечности Барвенковского выступа.

Во время прорыва из всего госпиталя уцелели только он да вытащившая его из полымя медсестричка Раечка Гаврюшина. Потом было назначение в другой госпиталь. И он упрямил начальство, чтобы их отправили вместе. Беда сближает людей, кому, как не Алёне, пережившей оккупацию, этого не понимать?

И она не ошибалась. Илья был поначалу очень благодарен, а спустя время и вовсе ему стала невероятно дорога эта — и росточку-то — метр с кепкой, — а спасшая его, здоровенного парня, сестричка.

Любовь, она не спрашивается, где ей случиться. А на войне уж, ясное дело, когда бесценна каждая минута жизни, ещё острее хочется тепла, хочется счастья и жизни, жизни, жизни!

На пятом месяце, когда беременность уже невозможно было скрывать, Раечку комиссовали. Но, как сообщили потом Илье, эшелон, в котором она возвращалась домой, разбомбили. Почти никто не остался в живых.

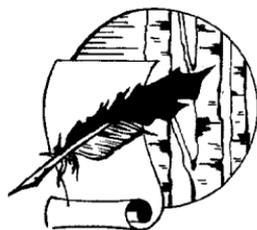
А вскорости и самого капитана тяжело ранили. Провалывшись в тыловом госпитале почти три месяца, он попал в другую часть, и след его затерялся меж фронтов.

Раечка же, добравшись, наконец, до своей бежецкой бабушки, — всех остальных её родичей забрала война, — разрешилась мальчиком. Алёна видела карточку: с лица — истый Илья. Пряма-таки его «потретик». Девятый годок уже пошёл пацану..

Раечка, в надежде, что Илья уцелел, не опускала рук. И куда, и кому она только ни писала! И только летом пятидесятого нашупала его след.

А потом это, такое счастливое для Ильи и такое разнесчастное для Алёны письмо... Ну, как не отпустить?.. Сама ведь мать...

г. Орёл

Иван НЕЧИПОРУК

Родился в 1975 году в городе Горловка Донецкой обл. УССР. В довоенном прошлом шахтёр. Выпускник Горловского института иностранных языков и филфака Славянского ГПУ. Заместитель председателя Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Редактор донбасского литературно-художественного журнала «Пять стихий». Автор нескольких книг стихов, публицистики и прозы.

ГОРОДА ОЗЯБШАЯ ДУША

ПТИЦЫ

Вылетают птицы из гнезда,
Кто-то в Вечность, кто-то в Никуда,
Закрывая прошлого страницы...
Расстояний, расставаний птицы
Улетают, тают, как года.

Обречённо мы глядим им вслед,
И надеемся, что им положен свет...
От гнездовой ветрены дороги,
Птицы тоже платят в жизни многим,
И в конце за всё дают ответ.

НА ДРАКОНЬЕЙ СКАЛЕ

О. О.

Над осенним Семигорьем благодатная погода.
Мы с тобою на вершине, а внизу петляет Рейн.

Наслаждаясь ясным полднем, словно листья на свободе,
Мы купаемся, как в неге, в золотистом октябре.

А река ползёт Фафниром, чешуёй в лучах искрится,
Оставляя нам с тобою желтоглазую печаль.
Твои волосы на солнце, словно взмах крыла жар-птицы,
Что стремится светом влиться в позолоченную даль.

ЕСЛИ Б НЕ ТЫ

Елене Н.

Андреевской церкви на солнце горят купола,
Но мне неуютны барочные хмурые своды.
Пройдёмся по спуску! Где дышится в полдень свободно,
Где города змиева осень легка и светла.

Пусть машут каштаны своей обречённой листвой,
Пусть камни брусчатки на солнце агатом искрятся!
Андреевский спуск. Дом Булгакова — номер тринадцать,
И старая липа, парящая над мостовой.

Я город когда-то любил наблюдать с высоты,
Пока в моей жизни судьба не проела прореху..
И если б не ты, я сюда ни за что б не приехал!
И множество прочих условностей: «если б не ты!»

* * *

Пресыщенный мир утомился от жгучего света,
Кипит в джезве дня раскалённо-багровое лето,
И камни, и люди дуреют, впитав этот жар,
Безумная нищенка лупит рукой тротуар,
И гневно кричит на упавшую в кружку монету.

А время смущённо и жалко подходит к обеду,
Измучены люди, собаки и велосипеды,
От буйного зноя спасенья на улице нет,
И кажется: час продолжается тысячу лет,
А дикий июнь, словно хищник крадётся по следу.

Короткие тени деревьев испугано тают,
Жара липнет к телу, как будто кираса литая.

И город, как цельно-горячая глыба лежит,
А в небе расплавленном плавают вяло стрижи,
И мысли о грозах в безумии дня прорастают.

АТЫ-БАТЫ

Аты-баты, шли ребята
Через душный край степной.
Автоматы, добробаты,
Опалённые войной.

Шишел-мышел, был да вышел —
Что не шаг, то плачь да кровь.
Вновь стучит шрапнель по крыше,
Лучше ей не прекословь.

Тары-бары, стон гитары,
Плачет Каин — ты не верь...
Ждёт последнего удара
Утомившаяся смерть.

РАСЦВЕТШИЙ ИЮНЬ

Июнь расцвёл — не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило в рост побеги,
Окопы захлестнула мурава.
Земля кружилась, словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.

Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И Ангелы-жнецы обстрела ждали.

* * *

Когда земля уходит из-под ног,
Качаются деревья и строенья,
И рвутся ленты скрещенных дорог,
И кажется, что этот мир оглох,
И чёрный рок кружит крылатой тенью.

Тогда твой страх и смутная тоска,
В скрижали дня записанные слитно,
Провалятся в грохочущий раскат.
И просвистят, как пули у виска,
Такие запоздалые молитвы.

* * *

Моим родителям

Здесь запах тополей родней,
И ярче звёзды.
Я на исходе светодней
Ловлю течение теней
Под грохот грозный.

За перелесок нет пути,
Ни вдоль, ни между.
И здесь покоя не найти,
И лишь пока Дзержинск затих,
Дышу надеждой.

Обрыдло всё давным-давно...
Безмолвность улиц
Не объяснить глубоким сном.
Ночами страх стучит в окно,
Но чаще пули...

ПРОДЫМЛЕННОЕ

Ветра режут в истерике,
Аллеи в старом скверике
В закатный час безоблачный пылают и горят.
Проспекты дышат холодом
И носятся над городом
Берестяные грамоты бродяги-октября.

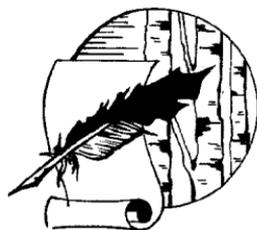
Какое время вздорное —
Грачи кружатся чёрные,
И мысли в небо скудное за птицами спешат.
А клён, как горький пьяница
Качается. И мается
Продымленного города озябшая душа.

* * *

И снова бой с дремучей тьмой,
Где даже свет рождает тени,
Где время пыльной пеленой
Становится худой молвой,
Рождая страхи и сомненья.

Но прорастёт сквозь мглу ответ
Под шум дождя и крики чаек.
Волна, зализывая след,
Тебе прошепчет: «Счастья нет
Там, где его не замечают».

г. Горловка, ДНР

Татьяна МАРУГОВА

ЗАСТЫВШАЯ СЛЕЗА

СЫНУ

Мы разлучились на время,
Ласковый мой, не спеши:
Ведь навсегда во вселенной
Мамы и малыши...
Нет для любви разлуки,
Нет для любви конца.
Соединяют руки
Тех, кто любил, небеса...
Там в голубом безграничье
Теплый струится свет...
Слышу, кричит по-птичьи:
«Ма-ма... Здесь смерти нет...»

* * *

Есть победы — хуже поражений.
Есть друзья — похлеще, чем враги.
Вера есть — опасней всех сомнений!
Страсть — под маской истинной любви.
Ложные есть в жизни алгоритмы —
Всё решают, но ведут в тупик...
Есть такие мощные молитвы,
Что не страшен с ними меч и штык.
Есть такая сила в покаянье,
Что поднимет ангельскую рать.
Этот мир — одна большая тайна.
Господи, дай ум её познать!

* * *

Мгновения печальные
Восторженно люблю...
Налью их в чашку чайную —
И по глоточкам пью
Блаженства капли малые,
Вдыхая аромат...
Как мало счастья знала я,
Как много мне сулят!
В мои глаза бездонные
Взирают небеса,
Как будто что-то горнее
Таят мои глаза...

* * *

Ищите друзей, похожих на воздух,
Похожих на небо, похожих на свет,
Таких простодушных, таких невесомых
И легких, как крылья, когда крыльев нет.
И если вам где-то придется споткнуться,
Они вас поднимут с холодной земли.
Ищите друзей, чтоб умели вернуться,
Умели дождаться, когда все ушли.
Ищите таких, кому чужды сомненья,
кто слушать умеет, умеет понять.
Ищите таких, кто с врагом не изменит,
Тем паче не станет ваш грех обсуждать.
Таких, кто для вас от себя отречётся,
Кто жизнью рискнёт в приуроченный час...
И тем дорожите, кому удаётся
сказать без сомнений всё это о вас...

* * *

Не надо в меня влюбляться —
Влюблялись в меня сотни раз!
Не стоит в любви признаваться:
Признанья ждала я от вас
Тогда, когда смуглой девчонкой —
Задорной, весёлой, босой —
В пошитой из ситца юбчонке
По лужам бежала домой.

Ах, где эти вешние годы,
Где звонче, чем лира, капель?
Умчали житейские воды —
Крещенская смыла купель.
Осталось немного, признаться:
Холодный рассудок и страх...
Как много вас стало влюбляться
В надменную даму в мехах!

* * *

Вечер, дом, и я не одинока.
Тот же вид из моего окна:
Смотрит небо синезвездным оком.
Бог и я... А значит, не одна.
Никогда мне не было так полно
От того, что места нет в душе,
Всю меня один Господь заполнил.
Так легко, светло и чудно мне!
Каждый день, как новый день рожденья,
Я живу, наполненная Им...
Подарил мне Бог преображенье —
Осиянье образом Своим...

* * *

Ох, ты Русь моя — ненаглядная,
Не ходили бы тучи тут чёрные,
Не травили людей своим ядом-то,
Не губили бы души свободные.
На четыре прогнать бы их стороны,
Ведь Россия на добрых богатая.
Пусть подальше там каркают вороны,
А мы Русь сохраним необъятную.
Только правде, и вере, и истине
На Руси будет место надёжное.
Такова и была она искони —
Русь Святая!
Русь наша! Русь Божия!

* * *

В моей душе — застывшая слеза.
Она давно твердыней сталактита стала.

Луч солнца, проникая сквозь глаза,
Сверкает в ней, как острие кинжала.
Кто сможет эту глыбу растопить?
Кто превратит слезу мою в течение
Источника любви, чтоб жажду жить
Я утолить могла благодарением
За всё, что довелось не пережить?
За то, что я совсем не знала стужи,
Что голода не ведала, что сныть
не собирала, что мне нужен
был только мир и, главное, семья,
Что не просила я у Бога денег,
Что Человеку доверяла я
Без ропота, вопросов и истерик.
И за свою застывшую слезу,
Что обесточить не сумела сердце,
Благодарю... И за свою стезю,
Которой Бог ведет меня к бессмертью!

г. Москва

ВЕРШИТЕЛИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

18 апреля в России отмечается как День воинской славы. 780 лет назад, 5 апреля (ст. ст.) 1242 года, в этот день произошло знаменитое Ледовое побоище: 20-летний новгородский князь Александр Ярославич, внук Всеволода Большое Гнездо, во главе своей дружины и ополченцев разгромил войско рыцарей Ливонского ордена (немцев) на льду Чудского озера близ Пскова. А почти за два года до этого, в июле 1240 года, Александр разгромил шведское войско, высадившееся на берег Невы близ впадения в неё Ижоры. За ту победу он в народе получил почётную приставку «Невский», оставшуюся неотделимой от его имени до сего дня.

Князь Александр был действительно гениальным полководцем. Он умел быстро оценить сильные и слабые стороны противника, наилучшим образом расставить части своего войска и, в зависимости от условий боя, выбрать эффективную тактику, потому и не проиграл он ни одного сражения. Об этих сражениях написано много, начиная со школьных учебников.

Интересен другой вопрос. Есть ли связь между двумя этими сражениями — одного со

шведами, другого с немцами? Оказывается, связь есть, и связь самая непосредственная. Оба они были эпизодами одного процесса под названием «Дранг нах Остен» («Натиск на Восток»), осуществляемого под идейно-политическим руководством Ватикана, который после раскола христианства на католичество и православие в 1054 г. фанатично преследовал цель окатоличивания или истребления «схизматиков» (православных) и который хорошо знал и умело использовал агрессивнo-захватнические наклонности шведов и, особенно, немцев.

Начало было положено первым крестовым походом шведов против финнов с целью захвата их земель и обращения в христианство, но крестоносцы несколько увлеклись и решили заодно прихватить земли новгородцев и обратить их в католичество, однако в 1164 году получили от них впечатляющий удар. Через 13 лет для закрепления впечатления новгородцы в союзе с карелами переправились через Балтийское море, взяли штурмом крепость Сигтуна (будущий Стокгольм) и разгромили её, после чего шведы на 50 лет успокоились.

В 1227 году они отправились во второй крестовый поход, но были жёстко остановлены новгородским князем Ярославом — будущим великим князем Киевским (с 1236 г.) и Владимирским (с 1238 г.), человеком решительным, энергичным, последовательным, настойчивым и, одновременно, гибким политиком, способным при необходимости находить компромиссы. Эти качества унаследовал и его сын Александр.

Параллельно происходили события в Прибалтике. В 1237 году из остатков Ордена меченосцев, разгромленного литовцами, и части Тевтонского ордена был сформирован Ливонский орден, который захватил земли чуди (будущих эстонцев), ливов и латгалов (будущих латышей), крестил их, а заодно и поработил.

А на другом конце Руси происходили ещё одни события. В 1237 году началось опустошительное нашествие Батые с тотальным разорением и разрушением Рязани, Коломны, Суздаля, Ростова, столицы Северо-Восточной Руси Владимира, десятков других городов и сотен деревень и сёл.

Ватикан быстро сообразил, что упускать счастливый случай нельзя, и призвал к очередному крестовому походу в начале шведов, потом ливонцев. Те и вышли, как зверь на ловца, на князя Александра: первые — к Неве, вторые — к Чудскому озеру. Результаты известны — Русь отстояла не только свои северо-западные границы, но и свою веру.

Советская историография, да и вообще советская политическая пропаганда внимание уделяла исключительно воен-

ным заслугам князя. На них был построен весь фильм С. Эйзенштейна «Александра Невский», а учреждённый в 1942 году орден Александра Невского был сугубо военным орденом и предназначался для награждения командного состава Красной Армии за выдающиеся заслуги в организации и руководстве успешными боевыми операциями.

Между тем ещё в 1725 году был учреждён орден Святого Александра Невского — второй по значимости в Российской империи после ордена Андрея Первозванного, просуществовавший до 1917 года, которым награждали высших деятелей — не только военных, но и государственных.

В чём разница? Разница в слове «святой». При Иване Грозном на Московском соборе в 1547 году Александр Невский был канонизирован не за одни ратные подвиги. В чине благоверного он был прославлен за верность вере, служение Церкви и своему народу, благочестивую жизнь и дела милосердия, за укрепление Церкви. Не общая территория и даже не общий язык, а общая Вера и общая Церковь в ту эпоху объединяли народ и формировали русскую нацию. Православная вера была знаменем, под которым князь бил шведов и немцев и под которым впоследствии русские вышли на Куликово поле.

В 1252 году, после гибели своего отца в ставке Великого хана (1250 г.) и бегства своего брата Андрея, необдуманно взбунтовавшегося против Батыя, Александр занял Владимирский престол. Будучи не по годам мудрым государственным деятелем, он ясно видел, что из двух зол меньшее — это Орда, которая при всех минусах давала один плюс: не трогала веру. Другое зло — Ватикан и крестоносцы ни одного плюса не имели. Понимая, что сил для борьбы с татаро-монголами у раздробленной Руси нет, он старался установить такие отношения с Золотой Ордой, которые исключали бы новые разорения и увод русских в плен. Он даже подавлял вспыхивающие народные волнения, чтобы не провоцировать Орду на новые погромы.

Эти обстоятельства давали повод многим злопыхателям-руссофобам очернять образ князя, а в его лице очернять и Православие, и русскую историю, да и вообще русский народ. Особенно они усердствовали в «демократические» 1990-е годы. Вспоминается, как в 1997 году в одной из самых руссофобских газет того времени, «Известиях», была опубликована глумливая статья некоего К. Кедрова (наст. фам. Бердичевский), в которой было, в частности, написано:

«Странный парадокс истории. Принять корону [короля] от папы, как все европейские государи, Александр Невский

считал для себя позором, а подползать под ярмо и принимать ярлык на княжение от свирепого ордынца позором не выглядело. Надо ли говорить, на сколько столетий назад оказались мы отброшены в результате добровольной самоизоляции от католической Европы».

В этой небольшой цитате — ненависть к Православию и концентрированная ложь, рассчитанная на неосведомлённого читателя. Можно подумать, что папа, возложив на Александра королевскую корону, готов был собрать крестоносцев со всей Европы, чтобы помочь Руси сбросить ордынское иго. Можно подумать, что не ордынское иго изолировало разгромленную Русь, а сама она добровольно выбрала изоляцию от Европы. Можно, наконец, подумать, что изоляция эта выбрана только исходя из тупой приверженности русских Православию. Подобные ложь и подлог распространяли не одни «Известия».

В 1263 году великий князь поехал в столицу Золотой Орды г. Сарай к новому хану Берке с тремя задачами. Первая — предотвратить очередное нашествие ордынцев, которое неизбежно должно было последовать после избиения сборщиков дани в ряде русских городов. Вторая — передать в руки русских князей сбор дани от откупщиков-бесерменов (восточных купцов, бравших в Орде откупа на сбор дани), грабивших людей до нитки. Третья — освободить русских людей от принудительного набора в татаро-монгольскую армию.

Это была его последняя поездка. Все задачи князь Александр успешно решил, но на обратном пути заболел (возможно, был отравлен) и, не доезжая до Владимира, 14 ноября 1263 года скончался в Городце, в Фёдоровском монастыре. Эта печальная весть быстро разнеслась по всей Северо-восточной Руси, и Владимирский митрополит Кирилл возвестил народу: «Чада, мои милые, знайте, что зашло солнце Русской Земли!»

Примечание автора. В 2010 году в РФ был восстановлен орден Александра Невского. Им награждают государственных служащих (в т.ч. военных) за особые личные заслуги перед Отечеством в деле государственного строительства, многолетнюю добросовестную службу и высокие результаты. Слово «Святого» в названии ордена отсутствует.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЦАРЬ

475 лет назад, 16 января (ст. ст.) 1547 года, в Успенском соборе Московского кремля состоялась торжественная церемо-

ния венчания на царство 16-летнего Ивана IV Васильевича, впоследствии названного Грозным. Митрополит Макарий возложил на него знаки царского достоинства — Животворящий крест, бармы и шапку Мономаха и помазал его миром.

Отныне глава Руси именовался так: «Божиею милостию, Великий государь Царь и Великий князь всея Руси, Владимирский, Московский...» Титул «царь» (от лат. «цезарь») возвышал бывшего Великого князя над всеми европейскими монархами (королями) и ставил его вровень с императором Священной Римской империи, что повысило международный авторитет Московского государства.

Великокняжеский престол Иван IV занял в 3-летнем возрасте после ранней смерти своего отца Василия III, а в 8-летнем полностью осиротел — его мать Елена Глинская была отравлена боярами. Формально пребывал он на троне 51 год — рекорд в истории России по продолжительности правления.

Начиная с XIX века, т.е. с «Истории» Н.М. Карамзина, в общественном сознании он ассоциировался с образом кровавого тирана, погубившего многие десятки тысяч ни в чём не повинных людей. Потому не нашлось ему и места на памятнике «1000-летие России» в Новгороде. Между тем, концепция Карамзина была основана на «показаниях» диссидентов-бояр и иностранцев (например, некий Горсей писал, что в одном только Новгороде царь Иван убил 100 тыс. человек, хотя всё население города тогда не превышало 30 тысяч). Карамзинской концепции придерживались С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский и некоторые советские историки «демократических кровей». Между тем она давно опровергнута тщательными научными исследованиями.

Да, политические репрессии были, но репрессии — в большинстве своём оправданные, т.е. законные. Спорить можно только о методах их проведения (степени жестокости). И направлены они были против боярской «номенклатуры», которая во все времена (независимо от политического строя) стремилась урвать себе побольше прав, привилегий и власти в ущерб государственным, а значит, и общенациональным интересам. Особенно нагло «номенклатура» распоясалась в период малолетства монарха. Страшные впечатления детства преследовали потом Ивана всю жизнь. Заговоры бояр продолжались и после того, как Иван надел царскую корону. И погром Новгорода был вызван не садизмом царя, а заговором местных бояр, тосковавших о прежней вольности и независимости от Москвы.

Как писал в начале XX века выдающийся историк С.Ф. Платонов, *«Великий князь двигался, куда вела его история;*

боярский класс действовал во имя отживших политических форм и старался как бы остановить историю. За московского государя стоят симпатии всего населения (здесь и далее выделено мной. — В.Г.), *весь склад государственной жизни, а боярство, не имея ни союзников, ни влияния в стране, представляло собой замкнутый аристократический круг, опиравшийся лишь на одни родословные предания. Несмотря на неравенство сил, факт борьбы московского боярства с государем несомненен. Жалобы со стороны бояр начались с Ивана III, при Василии раздавались сильнее, и при обоих князьях мы видим опалы и казни бояр; но с особенной силой эта борьба разыгралась при Иване Грозном».*

Теперь о масштабах репрессий. XVI век, как известно, был веком формирования абсолютных монархий. Головы бояр (графов, лордов, герцогов, маркизов, баронов) слетали с плеч по всей Европе и не только бояр. В том же веке (1572 г.) в одну только Варфоломеевскую ночь и несколько последующих дней во Франции при короле Карле IX было убито, по разным оценкам, от 40 до 80 тыс. протестантов-гугенотов. В том же веке по приказу английского короля Генриха VIII было повешено 72 тыс. бродяг (вчераших крестьян, согнанных феодалами с земли), а при королеве Елизавете — ещё 87 тыс. В том же веке испанский герцог Альба истребил около 100 тысяч жителей Нидерландов. О кострах инквизиции, полыхавших по всей Европе, можно не упоминать.

Характерно, что об английских казнях в учебнике «Общей истории» для 7 класса (авторы Юдовская и др.) ничего не сказано, зато репрессиям Ивана Грозного посвящён целый параграф в учебнике «История России» (авт. Арсеньев и др. под ред. акад. Торкунова).

Однако, по данным проф. Р.Г. Скрынникова, за все годы своего долгого правления Иван казнил не более 3—4 тысяч человек. Как заметил когда-то И.Л. Солоневич, прежде, чем ругать русскую историю, следует познакомиться с историей Западной Европы. И не случайно Иван получил в народе прозвище не «жестокий» и не «окаянный», а «грозный» — гроза бояр. А что касается истории, то трактует и записывает её на бумаге не народ, а боярство (дворянство, чиновничество и т.д.) — в интересах своего сословия.

Конечно, число погибших при Грозном было больше четырёх тысяч, если к ним добавить неизбежные жертвы опричнины среди родственников и холопов опальных бояр и не причастных к заговору новгородцев. Да и сама опричнина, введённая с целью искоренения оппозиции («крамолы»), поставленной задачи до конца не решила. Она не ликвидиро-

вала боярское сословие, ещё не доигравшее свою историческую роль, а значит, не ликвидировала и источник смут. Этот источник потом проявил себя «во всей красе», развязав Великую Смуту 1605—1612 гг. Этот же источник, скорее всего, явился и причиной безвременной смерти царя и его старшего сына Ивана, в костях которых советскими учёными было обнаружено огромное содержание ртути.

К числу неудач эпохи Грозного следует отнести и 25-летнюю Ливонскую войну за выход к Балтийскому морю, начатую с Ливонским орденом, а затем переросшую в войну с коалицией Польши—Литвы (Речи Посполитой) и Швеции. За первыми победоносными годами пошли поражения, вызванные необходимостью войны ещё на одном фронте — с крымскими татарами (которые только 3 года из этих 25-ти оставляли Россию в покое). Сил для войны на два фронта у государства было явно недостаточно. И хотя война не была проиграна, страну она истощила.

Итак, неудачная Ливонская война, далеко не бесспорная опрочина. Что же тогда положить на другую чашу весов? Положить можно очень многое.

Во-первых, завоевание Казанского и Астраханского ханств, которое обезопасило государство с востока и юго-востока и положило начало освоению Сибири (поход Ермака). Сам Иван Грозный *«как полководец отличался смелостью стратегических замыслов и решительностью, лично руководил войсками в Казанских походах, походе на Полоцк, в Ливонской войне»*, — так написано в авторитетном Военном энциклопедическом словаре (1984).

Далее. При Грозном начали собираться первые земские соборы, которые состояли из боярской думы, церковного собора и депутатов от «земли» и которые принимали решения по важнейшим вопросам государственной жизни. При Грозном был издан свод законов («Судебник»), проведена исключительно грамотная реформа государственного управления, финансов и суда. Личные административные поручения были заменены устойчивыми государственными учреждениями с чётко обозначенными функциями — приказами (предтечей министерств): тайных дел, посольским, пушкарским, стрелецким, казённым, челобитным и т.д. Получила стройную систему и организация местного управления

Далее. При нём была проведена эффективная военная реформа, в том числе впервые было организовано регулярное войско с огнестрельным оружием, впервые был принят воинский устав, впервые военачальники назначались не по знатности рода, а по заслугам, впервые в мире артиллерия

выделена в самостоятельный род войск, впервые в мире применена минно-подрывная подготовка при взятии крепостей, впервые создана централизованная система снабжения армии, впервые создано постоянное сторожевое войско (погранохрана) на южной границе.

Далее. При нём было построено 155, преимущественно порубежных, городов и крепостей, включая Орёл, Арзамас, Архангельск, Уфу, Уральск, Сургут.

Наконец, при нём были открыты первые аптеки, изданы первые печатные книги, упрощена азбука, впервые была создана государственная (царская) библиотека, каждый 50-й в стране был грамотным (при Екатерине II — каждый 800-й). Сам царь Иван был высокообразованным, очень начитанным человеком, обладавшим к тому же и литературным даром. Он любил музыку и сам сочинял церковные песнопения.

Вот только запрет на въезд еврейских купцов в Россию можно оценивать по-разному. На ходатайство польского короля Сигизмунда-Августа царь ответил: *«В свои государства Жидом никак ездити не велети, занеже в своих государствах лиха никакого видети не хотим, а хотим того, чтобы Бог дал в моих государствах люди мои были в тишине безо всякого смущенья. И ты бы, брат наш, вперёд о Жидех к нам не писал»*. Видимо, Иван Васильевич хорошо помнил о «ереси жидовствующих», опасно распространившейся в Московском государстве на рубеже XV—XVI веков.

Таким образом, деяния Ивана Грозного дают все основания причислять его к выдающимся государственным деятелям России, а никак не к злодеям, как это сегодня с маниакальным упорством делают русофобствующие (или не способные противостоять русофобскому давлению) авторы учебников истории. Когда они очерняют историю нашего Отечества или умаляют наших великих государственных деятелей, то делают это с одной целью — унижить русский народ, лишить его национального достоинства. Об этом нужно знать не только школьным ученикам, но и их родителям.

г. Новосибирск

О ПОЛЬШЕ И ПОЛЯКАХ

Из послания премьера В.Черчилля И.В. Сталину от 5.01.44 г. (цитаты здесь и далее по: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 2. М., 1983): «Президент Бенеш прибывает сегодня для встречи со мной. Он мудрый человек и должен был бы помочь образумить Польшу».

Из послания И.В. Сталина премьеру В.Черчиллю от 7.01.44 г.: «...если судить по последней декларации польского эмигрантского правительства и по другим высказываниям польских деятелей, то, как видно, нет оснований рассчитывать на то, чтобы удалось образумить эти круги. Эти люди неисправимы».

Из записи беседы посла СССР в Великобритании с министром иностранных дел Великобритании 13.01.44 г.: «Иден заметил, что он уже давно предложил полякам принять линию Керзона, но это такой народ, с которым трудно иметь дело. В ответ на это Ллойд Джордж сказал, что он не знает такой нации в мире, которая любила бы поляков... Я указал Идену, что статья Адама Пригора, о которой я говорил ему, по своей

враждебности в отношении СССР превосходит всё то, что изготовил Геббельс и его ведомство... Иден, не возражая против моего заявления, отделался общими замечаниями о том, что советские руководители должны понять, что поляки весьма трудный народ».

Из послания премьера В. Черчилля И. В. Сталину от 1.02.44 г.: «Я сказал, что, хотя мы и вступили в войну из-за Польши, мы пошли на это не из-за какой-либо определённой линии границы, но ради существования сильной, свободной и независимой Польши, что подтвердил Маршал Сталин, по его собственному заявлению. Кроме того, хотя Великобритания во всяком случае продолжала бы бороться в течение ряда лет, пока что-либо не произошло бы с Германией, освобождение Польши от германского ига осуществляется главным образом ценой огромных жертв со стороны русской армии. Поэтому союзники имеют право требовать, чтобы Польша в значительной степени сообразовалась с их мнением в вопросе о границах территории, которую она будет иметь. ...Я им сказал, что они в результате освобождения их союзными войсками должны взять на себя эту задачу и охранять свои границы от германской агрессии, направленной на Восток. Я сказал, что для выполнения этой задачи они будут нуждаться в дружественной России, стоящей за ними...»

Из послания И. В. Сталина премьеру В. Черчиллю от 4.02.44 г.: «Мы заявили, что не считаем границу 1939 года неизменной, и согласились на линию Керзона, пойдя тем самым на весьма большие уступки полякам. А между тем польское правительство уклонилось от ответа на наше предложение о линии Керзона и продолжает в своих официальных выступлениях высказываться за то, что граница, навязанная нам по Рижскому договору, является неизменной... Крайне враждебные Советскому Союзу выступления польских послов в Мексике, Канаде, ген. Андерса на Ближнем Востоке, переходящие всякие границы враждебности к СССР польских нелегальных печатных изданий на оккупированной немцами территории, уничтожение по директивам польского правительства борющихся против гитлеровских оккупантов польских партизан и многие другие профашистские акты польского правительства — известны. При таком положении без коренного улучшения состава польского правительства нельзя ждать ничего хорошего».

Из послания И. В. Сталина премьеру В. Черчиллю от 3.03.44 г.: «Ознакомившись с подробным изложением Ваших бесед с деятелями эмигрантского польского правительства, я ещё и ещё раз пришёл к выводу, что такие люди не способны уста-

новить нормальные отношения с СССР.. Они не только не хотят признать линию Керзона, но ещё претендуют как на Львов, так и на Вильно. Что же касается стремления поставить под иностранный контроль управление некоторых советских территорий, то такие поползновения мы не можем принять к обсуждению, ибо даже самую постановку такого рода вопроса считаем оскорбительной для Советского Союза».

Из послания И.В. Сталина премьеру В.Черчиллю от 23.03.44 г.: «Не могу не напомнить, что в Тегеране Вы, президент и я договорились о правомерности линии Керзона. Позицию Советского правительства в этом вопросе Вы тогда считали совершенно правильной, а представителей эмигрантского польского правительства Вы называли сумасшедшими, если они откажутся принять линию Керзона».

Из послания И.В. Сталина премьеру В.Черчиллю и президенту США от 22.08.44 г.: «Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив многих почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы. С военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков... Не может быть сомнений, что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действенная помощь полякам-антинацистам».

Приведённые выше исторические свидетельства и оценки специфики активности польской общественности и дипломатии виднейшими деятелями мировой политики времён Второй мировой войны говорят об очень многом. Названные выше исторические личности в своих оценках весьма конкретны и однозначны. Они отмечают ряд характерных особенностей поведения кондовых ляхов, которые давно известны всем, кто имел непосредственные контакты с большим числом поляков: упрямство, тугую вразумляемость, авантюризм, неуважение другой стороны, склонность наносить удары ниже пояса и исподтишка; азартность, агрессивность, наглость; польский национализм и нацизм (хотя среди них есть и «антинацисты»); их частую безответственность в словах и поступках.

Если поляки хотят на деле стать уважаемым народом, хотя бы в англосаксонском среде, им следует учиться восприни-

мать свою историю, свои национальные особенности и исторически действующие в Европе силы на трезвую голову; не увлекаясь фантазиями на свой счёт.

По приведённым оценкам, современное польское общество ещё очень молодо, в нём много подростковой увлечённости и бесшабашности. Эдакие дворовые забияки и фантазёры на манер Ю.Пилсудского, которым всё нипочём. У меня в детстве был приятель, поляк по национальности, удивительный фантазёр. Я понимал, что он врёт об открытом им подземном царстве и огромном богатстве. Но врал он так ярко, что невольно его враньё увлекало, и многое ему прощалось.

Сразу после войны Ростральные Колонны на стрелке Васильевского острова долгое время были закрыты, т.к. пострадали от обстрелов. Но мой приятель каким-то образом прознал, когда они бывают открыты то ли для проветривания, то ли для ремонта. Так в один из солнечных дней он провёл меня на самый верх одной Колонны и показал мне удивительно красивый обзор Невы с высоты этой Колонны. Я это помню до сих пор, это было очень красиво и незабываемо.

Конечно, пора детства по-своему мила и привлекательна, но растущий и развивающийся организм не может всю свою жизнь оставаться в детстве. Он должен мужать и, набираясь опыта, становиться умней и мудрей.

Пока у польского общества с этим немалые проблемы. Своё возмужание поляки могли бы начать с того, чтобы спросить друг друга: живут ли они ради озорного детства или чего-то другого? И если чего-то другого, то как они это себе представляют? Так ли, как мой приятель детства, открывший польский подземный мир? Или, дразня Россию, — вставая в наглые позы перед русскими вместе со шляхетской похабенью? Они действительно надеются быть независимой и уважаемой страной позёров?

Для большинства же людей, проживших 70—80 лет, важно не то, как они в детстве открывали подземные миры, бегали по крышам соседних домов; дразнили воспитателей, дергали за косички знакомых и незнакомых девчонок, но то, с каким нравственным, культурным, общественным и личным багажом они предстанут перед историческим судом соседнего народа и Всевышнего.

В этом смысле весьма поучительна для многих поляков судьба известного в Польше и в России другого военачальника, далёкого от Ю.Пилсудского. Детство его можно признать вполне польским, известны две даты его рождения (1894 и 1896 г.). Для настоящего поляка-фантазёра одной даты рождения обычно не достаточно, хотя бывают и ошибки столо-

начальников. Имя у него было не по-русски двуступенчато. Место рождения его в документах тоже определено с польским размахом, где-то между Варшавой, Великими Луками и селом, где родилась его мать Антонина Овсянникова, белорусского происхождения.

Но польский «размах» его детства быстро иссяк, т.к. рано умер его отец Ксаверий Юзеф Рокоссовский (1902 г.). В 15 лет будущий маршал стал круглым сиротой. С польским детством пришлось расстаться, нужно было выживать и искать реальную работу. Он работал и каменщиком, и помощником стоматолога и кондитера. В 1914 г. поступил в кавалерийский полк Российской армии. Получил «Георгиевский крест» 4-й степени. В 1917 г. ему присвоили воинское звание младшего унтер-офицера (как и моему деду в то же самое время). Участвовал в Гражданской войне на стороне красных. В 1919 г. командовал эскадроном, в 1920 г. — уже кавалерийским полком. В начале 30-х годов был зачислен на командирские курсы Красной армии, там познакомился с Г.К. Жуковым. В конце 30-х годов попал под волны репрессий и доносов. Был обвинён в связях с польской и японской разведкой. После оправдания получил воинское звание генерал-майора. С 1940 г. — командир 9-го механизированного корпуса.

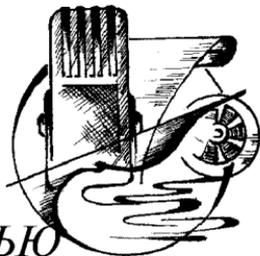
Непосредственно участвовал в решающих битвах Великой Отечественной войны: в битве под Москвой, в Сталинградской, Курской, освобождал Белоруссию. Стал дважды героем Советского Союза, маршалом великих побед над фашизмом на земле России и Польши, маршалом Советского Союза и маршалом Польши. В 1956—1957 гг. — министр обороны СССР.

В зрелом боевом возрасте маршал стал настоящим и весьма уважаемым Константином Константиновичем Рокоссовским, именно Константином Константиновичем. Русский народ точно будет помнить его с большой благодарностью долгие годы. Польский народ, если вразумится и возмужает, тоже будет благодарно его вспоминать.

Валерий ХАТЮШИН,
секретарь Союза писателей России,
главный редактор журнала «Молодая гвардия»
Диана КАН,
поэт, член Союза писателей России, г. Оренбург

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Диана Кан: Валерий Васильевич, нынешний год для журнала «Молодая гвардия» особенный. Столетие, которое исполняется журналу, не просто юбилей, но дата, выводящая «Молодую гвардию» из ряда других качественных литературных изданий с многолетней историей. А хорошие литературные журналы в России, слава Богу, пока ещё есть!.. В год столетия журнала мы понимаем, что несмотря на своё вечно молодое имя, «Молодая гвардия» — патриарх российского литературного дела. Едва ли не все писатели, которые ныне составляют славу русского слова, начинали свой творческий путь на страницах «Молодой гвардии»! Перечислять можно долго, назову лишь несколько имён — Есенин, Маяковский, Шолохов! — дабы без других перечислений стало ясно значение журнала для судеб русской литературы XX века. Это такой мощный отсвет гениев литературы, что поневоле зажмуришься и на минуту забудешь, что в своё время моя подборка, опубликованная в «Молодой гвардии» в 1996 году, стала и лично для меня ну просто прорывом в новую литературную реальность. Это как первая

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

любовь: поневоле происходит некое мистическое ощущение сопричастности великому и вечному, что несёт журнал сквозь мрак и морок современности... Но у меня сейчас вопрос сугубо материального свойства. Есть ли какой-то типографский либо электронный архив «Молодой гвардии»? Ведь даже взять в руки ставший не просто раритетом, а артефактом, такой журнал — сродни духовному опыту...

Валерий Хатюшин: Спасибо, Диана, за возможность поговорить о журнале накануне столетнего юбилея. Да, путь журнала сродни историческому пути страны, в которой мы родились, — СССР. Та страна и журнал были основаны в одном году — 1922-м. Правда, журнал — на полгода раньше. И исторический путь его не менее трагичен и легендарен. Достаточно сказать, что два первых главных редактора «МГ» были приговорены к расстрелу... Да, действительно, через страницы «Молодой гвардии» прошла вся советская литературная классика — от Есенина и Фадеева до Шукшина и Белова. И вспомним, что обе книги потрясающего романа Николая Островского «Как закалялась сталь» были в 30-е годы напечатаны именно в «Молодой гвардии». В этом смысле наш журнал — уникальное издание, и нужно было приложить огромные усилия многих людей, чтобы оно сохранилось до наших дней и чтобы продолжило жить и после нас. А ведь журнал не однажды стоял на грани гибели. Но — выстоял. И — существует, несмотря ни на что и вопреки всему. Ведь регулярный выход в свет бумажного толстого литературного журнала без поддержки государства или региональных властей, не говоря уже об отсутствии спонсоров, в это меркантильно-эгоистичное время — в какой-то степени чудо. Выход в свет серьезного национально-патриотического журнала исключительно за счет подписки читателей — это в наше время явление почти невозможное. Тем не менее «Молодая гвардия» живёт и, как Вы говорите, сквозь мрак и морок современности несёт в мир Истину Великой России. И на 100-летнем году, как и прежде, — собирает под своим крылом лучших русских писателей.

Да, Диана, наш журнал можно читать в интернете, есть сайт, на который загружены номера «МГ», начиная с 2008 года.

Д.К.: Валерий Васильевич, судьба Ваша связана с журналом «Молодая гвардия» очень давно. Наслышана, что Ваш переход на должность главного редактора был связан с организационными и материальными проблемами журнала, которые решать пришлось именно Вам. Думаю, не я одна понимаю то, что это во многом Ваша личная заслуга, что журнал «Молодая гвардия» в условиях отсутствия системной господдержки литературных изданий остаётся в боевом жур-

нальном строю... Всё-таки как давно Вы стали «молодогвардейцем»? И насколько тяжела сегодня миссия управления столичным литературным изданием? Не бывает ли у Вас моментов уныния и отчаяния от постоянных неизбежных финансовых проблем с выходом журнала, которые ну просто неизбежны в условиях рынка?

В.Х.: На работу в журнал я был приглашен в самом начале 1990 года, то есть еще в советское время, после окончания Высших литературных курсов при Литинституте. К тому времени у меня вышли четыре книги стихов (в советских, государственных издательствах), и я опубликовал несколько критических статей в центральных журналах, в том числе и в «МГ». Главным редактором тогда был широко известный писатель Анатолий Степанович Иванов (1928—1999), автор романов «Вечный зов», «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Ермак». Он предложил мне возглавить отдел критики. Нужно сказать, что литературная критика в конце 80-х, начале 90-х годов вызывала большой интерес в обществе, т.к. именно через нее тогда появилась возможность поднимать самые острые проблемы, накопившиеся в стране. И статьи, выходявшие в журнале по отделу критики, читались подписчиками в первую очередь. А тираж журнала на тот момент достигал 800 000 экз. Через некоторое время под мое руководство перешел и отдел публицистики. Так что в журнале я работаю уже 32 года. В 1999 году (после смерти А.С. Иванова) я стал заместителем главного редактора. А с 2009-го являюсь главным редактором, т.е. уже 13 лет.

Да, прежнее руководство журнала в конце нулевых годов столкнулось с большими материальными проблемами, из-за которых реально встал вопрос о его дальнейшем функционировании, т.к. при отсутствии господдержки и сократившейся подписке поступающих денег не хватало ни на зарплату сотрудникам, ни, тем более, на гонорары авторам. А подписка падала абсолютно у всех журналов, несмотря на их позицию, содержание и литературные пристрастия. Всё нарастающая инфляция заставляла людей думать о выживании, а не о подписке на периодику. Многие издания к тому времени уже закрылись, а каким-то предстояло закрыться в скором времени («Октябрь», «Литературная учеба»...). К тому же новое законодательство требовало срочного изменения формы собственности: Закрытое акционерное общество, каковым мы тогда являлись, нужно было перерегистрировать или ликвидировать. Из Центробанка поступали «последние» предупреждения с угрозой миллионных штрафных санкций. Но сделать ни того, ни другого мы не могли, т.к. большая часть акционеров наше-

го ЗАО к тому времени умерла, и мы физически не могли собрать кворум акционерного собрания, чтобы принять то или иное решение. Бывший главный редактор и одновременно генеральный директор ЗАО испугался больших неприятностей на свою голову и решил журнал ликвидировать. Но я ему прямо сказал: закрыть старейший в стране журнал с такой литературной историей — не позволю. «Если решил уходить — уходи». А журнал мы с ним делали вдвоем.

После его ухода я остался один, не считая технических работников — бухгалтера, верстальщика, корректора, и всю ответственность, как и всю работу по редактированию, подготовке к печати и выпуску в свет журнала я взял на себя. Не буду рассказывать об эпопее по противостоянию с Центробанком, куда меня дважды вызывали для досудебного расследования, и по перерегистрации «МГ» в другую форму собственности, не буду уточнять, чего мне всё это чисто морально и нервно стоило, скажу только, что я все эти проблемы успешно преодолел, как это ни было удивительно для меня самого. Даже в Центробанке и в налоговой инспекции я нашел порядочных и понимающих людей.

Остальное уже зависело только от меня самого — работа с авторами, поиск и отбор талантливых художественных произведений, а также острой жизненно актуальной публицистики, поездки по стране, встречи с руководителями регионов, которые откликались и выделяли библиотекам средства для подписки на журнал. И так — все последние 13 лет. Но самое главное — журнал удалось спасти и более того, как мне кажется, даже повысить его значимость и востребованность для русских читателей и авторов.

Вы спрашиваете о миссии управления столичным литературным изданием. Лично для меня эта миссия звучит так: **один в поле воин**. Как, впрочем, и для многих в России. Ни времени на отдых в приморских курортах, ни выходных, ни отпусков у меня нет. Всё мое время забирает журнал. Хотя каким-то мне самому непонятным чудом остаются силы и возможность писать стихи и публицистику..

Моментов уныния и отчаяния пока что не было. Приходит лишь иногда недоумение оттого, что государственным чиновникам в наших «культурных» министерствах на эту работу абсолютно наплевать. И когда к ним обращаешься за какой-либо даже незначительной помощью, получаешь в ответ пустые формальные отписки или гробовое молчание. Даже 100-летний юбилей легендарного журнала их не пробивает.

Д.К.: Журнал силён своим главным редактором и своим авторским активом. В одном из своих интервью Вы, пере-

числя авторов журнала, заметили, что осознанно делаете упор в озвучивании имён авторов из регионов России. «Молодая гвардия» напрочь лишена столичного снобизма. И я так понимаю, что неуклонное внимание к литературе за МКАДья — это одна из стратегий журнала?

В.Х.: Основная стратегия журнала, прежде всего, — выявление талантливых авторов и обнаружение качественных художественных произведений. А ими как раз богата русская провинция. Хотя и для столичных писателей журнал точно так же открыт. Но у провинциальных поэтов и прозаиков меньше возможностей пробиться к всероссийскому читателю. К тому же они ближе к простой народной жизни, к земле, к природе, к птичьим голосам, к звездному небу, которого в Москве почти не видно... И всё это так или иначе отражается в их творчестве. Жизнь простых русских людей еще находит естественное отражение в произведениях авторов заМКАДья... Но главное, повторяю, — **талантливое** отражение и осмысление жизни.

Д.К.: Вы ведь не просто главный редактор одного из титульных изданий русской литературы. Вы активно работающий поэт и публицист. Принято считать, что жить в таком режиме «двух плугов» — очень тяжело. Что лично Вам даёт силы тащить одновременно два эти плуга — редакторский и авторский?

В.Х.: Честно говоря, не знаю. Трудно сказать, что даёт эти силы. Порой силы эти изменяют: вдруг начинает казаться, что они уже иссякли... Но встаешь утром, умываешься, делаешь зарядку, завтракаешь, включаешь компьютер и впрягаешься в работу... Или едешь в редакцию и продолжаешь работу там. И так каждый день. Видимо, тут еще сказывается с юности выработанная ответственность за порученное дело и взятое слово. Я ведь рано остался без отца, рос в сельской местности и где-то с 12-13 лет по долгу старшего брата обязан был взять на себя мужскую работу в семье. Наверное, с тех пор не растроченная самодисциплина не позволяет относиться к любой работе спустя рукава.

Что же касается собственного творчества, то этот процесс не имеет объяснения, он чисто внутренний, существующий по каким-то своим законам, которые мне самому непонятны. Это если говорить о стихах. То я два месяца ни строчки не могу написать, то вдруг за четыре дня, вернее, за четыре ночи, пишу поэму. Вот так в прошлом году написал 30 стихотворений. И почти все они были опубликованы в разных журналах. Но если говорить о публицистике, то в этом жанре я себя **заставляю** писать, усаживая за стол силой воли, чтобы не утратить из сознания волнующую меня тему. Таким вот образом **в каждом номере** «Молодой гвардии» уже много лет выходят мои «Протуберанцы. Размышления и воспоминания».

Да, конечно, тянуть эти два плуга очень непросто. Но когда **один в поле воин** — другого выхода нет. И нет другого пути. Утратить или оставить на обочине хоть один из этих плугов — значит, потерпеть поражение в глазах друзей, в глазах читателей и авторов, в глазах наших предшественников.

Д.К.: Является ли и поныне «профильным» тот 20-этажный журнальный корпус, выстроенный в советское время именно под журнал «Молодая гвардия»? Я ещё застала времена, когда редакция журнала занимала целый этаж в этом корпусе. Но ясного ясней, что постоянное увеличение стоимости аренды помещений, особенно в столице, в наше время — прекрасная возможность делать деньги из воздуха. Где сейчас располагается редакция «Молодой гвардии»?

В.Х.: Хорошо, Диана, что Вы это помните. Находимся мы в том же самом 20-этажном журнальном корпусе. Только теперь редакция наша занимает не весь 8-й этаж, как раньше (штат редакции в начале 90-х состоял из 40 человек), а один кабинет на этом этаже, за который вносит ежемесячную арендную плату некогда знаменитому одноимённому «издательству». Этот 20-этажный журнальный корпус в советское время был выстроен не под журнал «Молодая гвардия», а под издательство с таким же названием. На каждом этаже были редакции разных журналов: «Сельская молодежь», «Студенческий меридиан», «Литучёба», «Молодой коммунист», «Техника молодёжи» и т.д. Но в 90-е годы руководство издательства и ЦК ВЛКСМ успели это здание приватизировать, в результате чего в этом 20-этажном корпусе остались только два журнала — «Мурзилка» и «Молодая гвардия»: одни закрылись, другие съехали из-за высокой арендной платы. А этажи теперь занимают коммерческие фирмы. Да и само «издательство» перестало быть таковым. Все свои помещения и корпуса оно сдало в аренду. Таков нынешний «комсомольско-партийный» капитализм: зачем издавать книги, выпускать журналы, когда можно, ничего не делая полезного, получать чистый барыш?

Д.К.: Ваше имя известно читающей России, я наблюдала это воочию в Татарстане, где мы пересеклись на Цветаевских чтениях. А давайте немного вернёмся в молодость. Какие пути привели Вас в литературу?

В.Х.: Как ни странно и как ни удивительно, этот свой путь я знал всегда, начиная с младших школьных классов. Учитель литературы пятого класса сельской подмосковной школы, где я учился, однажды на родительском собрании подошел к моей матери и сказал: «Ваш сын станет писателем». Он это понял по тем домашним сочинениям, которые я писал по его заданию и которые он потом читал перед классом. Мать

от меня скрыла этот разговор, и призналась, когда я уже был взрослым. Мне пришлось помотаться по стране. Но и в армии, и на «великих» стройках, через которые мне пришлось в молодости пройти, я всегда знал об этом пути и везде писал — стихи, поэмы, прозу, статьи... Большая часть из написанного тогда была ученической, несовершенной, незрелой до качественной литературы. Но я набирался опыта, вырабатывал вкус к слову, во мне вызревало чувство слова, пока наконец моя дорога не привела меня в столицу. Это было начало семидесятых. Пять лет я строил в Москве жилые дома и одновременно посещал разные литературные объединения, в том числе — литстудию «Красная Пресня», которой руководил Вадим Кожинов. Мы как-то быстро с ним сошлись, он приглашал меня к себе домой, просил показывать ему всё, что я напишу, мы подолгу беседовали, ему приглянулись мои стихи, мои взгляды на жизнь, на творчество, мое серьезное отношение к литературному делу. Он познакомил меня со многими крупными поэтами того времени — Анатолием Передревым, Василием Казанцевым, Олегом Чухонцевым, Эдуардом Балашовым, с которыми у меня завязалась многолетняя дружба. Тогда же я познакомился с Татьяной Глушковой, Светланой Кузнецовой, Владимиром Цыбиным, Валентином Сорокиным... Общение с ними стало моим главным поэтическим университетом, а творческий и мировоззренческий ориентир под их влиянием был выбран мною надёжно и бесповоротно. И моя поэтическая планка неизбежно тянулась вверх, за ними.

В 1982 году в издательстве «Современник» вышла моя первая книжка стихов «Быть человеком на Земле». По этой книге я был принят в Союз писателей СССР. Рекомендации мне дали Олег Чухонцев, Валентин Сорокин и Игорь Шклярский.

Первые мои критические статьи читали Вадим Кожинов и Татьяна Глушкова. Они-то и дали мне первые положительные оценки и утвердили меня в способности к этому поприщу. В результате чего через годы серьезной литературной работы и после окончания ВЛК я и был приглашен возглавить отдел критики журнала «Молодая гвардия».

Д.К.: Есть ли будущее у литературных журналов России? Этот вопрос я задаю с опасением и болью. Но я должна его задать! И каким, по-вашему, должен быть идеальный литературный журнал, который бы, как в прежние советские литературоцентричные времена читали все — вне зависимости от возраста, занимаемой должности, национальной и конфессиональной принадлежности. Каким должен быть журнал, который соберёт воедино всех нас по принципу нашей русской неискоренимой любви и веры в Слово.

В.Х.: Этот вопрос, Диана, Вы не случайно задаете с опасением и болью. Вопрос очень непростой. Но сразу могу сказать, что, конечно же, такого литературоцентричного времени, каким оно было когда-то, на нашем с Вами веку уже точно не будет. Другие грядут времена, другие коммуникационные технологии. Да, собственно, они уже пришли. Литературные журналы, во всяком случае, в прежнем их виде, бумажные, становятся потребностью избранных. Большинство населения вообще никаких журналов не читает, а меньшинство просматривает (именно просматривает) их в интернете. Повторяю, избранные читают и, надеюсь, будут читать журналы, изданные типографским способом. Это (в лучшем смысле) элитная часть культурного, патриотического, думающего слоя страны. Она будет увеличиваться или уменьшаться, но она будет состоять из **избранных**, и ее всегда будет немного. При одном «но». Если сохранится нынешняя система власти.

Для того, чтобы литературные журналы вновь стали общедоступны и пришли во многие дома, в стране должна смениться экономическая система, при которой власть осознаёт свою ответственность в деле культурного воспитания и образования народа. Без осознания властью этой ответственности высокохудожественная русская литература с ее воспитательной функцией и нравственными идеалами так и будет находиться на обочине жизни, т.к. без государственной поддержки ни журналы не смогут стать общенародными и общедоступными, ни подлинно талантливые писатели не приобретут общероссийского звучания. Пока этой поддержки не будет, журналы не смогут выполнять своей объединительной работы и даже при всей талантливости их авторов не смогут привлечь к себе общенародного внимания. При советской власти такая поддержка была, и «Молодую гвардию» читала вся страна — хотя бы через библиотеки. В СССР было более трехсот тысяч библиотек, и каждая, имея бюджетное финансирование, **обязана** была выписывать по несколько экземпляров всех центральных всесоюзных изданий. И народ их читал. И откликался на их публикации. Каждая стихотворная подборка, о чём Вы, Диана, вспомнили в начале нашей беседы, была прорывом в новую литературную реальность. Публикация в центральном журнале всегда была праздником для автора стихов, прозы, критики, публицистики и событием для читающей публики и литературной жизни страны.

Вот ради этого я и выпускаю журнал в надежде на то, что наши настоящие праздники к нам вернутся.

СКАЗКА

РАССКАЗ

Аминь глаголю вам, аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное.

Благая Весть от Матфея (18: 3)

...О ту суровую зиму зяб я в приземистой избе, что таилась в узкой таёжной пади, на отшибе старого байкальского села Култук. Щербатую улочку, коя вилась вдоль студёного ручья, сжимали крутые хребты, где в добрые времена шумела кедровая тайга, а ныне тоскует на зимней стуже реденький березнячок и осинничек.

Поддужными бубенцами отзвенели введенские морозы, ночами крались рождественские, а уж с небес косилась на село крещенская стужа; зимующие птахи таились в густых сосновых кронах, в дуплецах, и лишь дятел-трудяга, уместившись на щелястом, ветхом столбе, лихо молотил сосновые шишки. Улетит в тайгу, вернётся с шишкой и, сунув её в щель, молотит, отчего снег возле столба усеян рыжими хлопьями. Близился Спиридон-солноворот, когда солнце повернёт на лето, а зима на мороз. Солнце со Спиридона нарядится в праздничный сарафан и кокошник, сядет в телегу и тронется в тёплые земли. А зима бродит в медвежьей шкуре, ночью

ПРОЗА

постукивает колотушкой о избынные венцы, будит хозяйшк: «Бабы, топите печь!..» А ежели Зима гуляет в поле, за её сарафаном выются метели; а ежели — по лесу, сыплет из рукава иней; а коли по реке бежит, на три аршина воду куёт.

Бушевал пред ледоставом батюшка-Байкал, и, словно в зачарованном царстве, со скал и крутых яров свисали ледяные наплёски, мерцали цветами радуги на ярком полуденном солнце, голубовато и призрачно светились в сумерках, рябиново рдели на алых зорях. А Морозко, малое чадо матушки-зимы, в лунные ночи, колонковыми и беличьими кисточками малевал на стёклах синеватые листья и травы.

Я грел озябшие руки у чела русской печи, солово глядя, как цветастые крылья огня колышутся над жаркими углями, словно девы-плясуньи в радужных сарафанах; и дремотная истома одолевала, наплывали видения...

Старшая дочь привиделась; вспомнил: давненько... в обед — сто лет... семья моя обитала в Нижнеангарске — меня и жену, вчерашних студентов филфака, с годовалой Алёной услали на Северный Байкал воспевать Байкало-Амурскую магистраль; и мы под задорное пение «Самоцветов» воспевали в здешней газете дорогу в светлое будущее:

*Рельсы упрямо режут тайгу.
Дерзко и прямо, в зной и пургу.
Веселей, ребята! Выпало нам
Строить путь железный, а короче — БАМ...*

И помню, на Рождество Христово сморённый батюшко-Байкал ещё полусонно бродил, а на святой седмице залёт в ледяную берлогу, поворочался в дрёме и уснул, похрапывая и бормоча сквозь сон. О ту студёную пору я, сманив бамовских друзей в своё барачное жильё, посиживал в застолье и хмельно подтягивал певшим:

*Где-то багульник на сопках цветёт,
Кедры вонзаются в небо.
Кажется, будто давно меня ждёт
Край, где ни разу я не был...
Возле палатки закружится дым,
Вспыхнет костёр над рекою...
Вот бы прожить мне всю жизнь молодым,
Чтоб не хотелось покоя.*

За окошком вызрели синие сумерки, быстро сгустились в ночную темь, и жена ворчливо спросила: «Ты что, хочешь,

чтобы Алёна в яслях ночевала?..» Ринулся я в детские ясли, и, помню, вёз Алёнушку рысью... с горы же... мчал на санках по накатанной тропе, что тускло освещивала в дремотном свете изветшавшей луны. В бараньей шубейке до пят, увязанная пуховой шалью, дочь, откинувшись на спинку, полёживала барыней, косилась на избяные окошки, откуда лучился ласковый свет. Из репродуктора, висящего над почтой, гремела на весь посёлок вдохновенная бамовская песнь:

*...И сквозь туманы, и сквозь года
До океана помчат поезда...*

Что греха таить, будучи навеселе, торопясь в дружеское застолье, не упомяну, сколь и пробежал я с хребта к Байкалу; и вдруг... вдруг учуял: с пустыми санями бегу; оглянувшись: мамочки родны, Алёну по дороге потерял. Перепугавшись, рванул обратно на хребет, треть версты отмахал да подле яслей и нашёл потерю: укутанная в шубейку, сверху повязанная козьей шалью, тихо, мирно полёживала дочь на обочине тропы, задумчиво глядела на мигающие звёздочки. Помнится, с горьким вздохом подумал: либо поэт, либо живописец растёт... И словно в ясную байкальскую воду глядел...

Следом за старшей привиделась и младшая дочь; узрелось далёкое, чудное и чудное, словно из русской сказки... В рабоче-крестьянские лета Иркутский Дом литераторов жил на широкую ногу в добротном, купеческом особняке с нижним ярусом из красного кирпича и верхним деревянным, но оштукатуренным и побеленным; под межъярусным карнизом красовались львиные морды, похожие на гривастых поэтов, голосящих стихи; а вдоль крыши красовались губастые бабы лица — похоже, музы для вдохновения здешних стихотворцев.

Канул восемьдесят девятый год, и по городу шатался хмельной Мороз Иваныч, околачивая берёзовым батошкой старгородские тополя, отчего корявые дерева жалобно стонали; а сынок Мороза Иваныча, по прозвищу Морозко, летал на стрекозиных крыльях, расписывал окошки белыми ветвями и диковинными голубыми птицами-синицами; а мы с пятилетней Машей катили в полупустом и гулком, заснеженном автобусе, спешили в Дом литераторов на Ёлку.

Кондуктор утомлённо известила:

— Остановка «Роцца»...

Маша, обвыкши петь, цепляясь к словам, голосисто, на весь автобус пропела:

*В роще моей пел соловей,
Спать не давал теще моей.
В рощу пойду, сгоню соловья,
Спи спокойно, теща моя...*

А потом выдала переиначенной куплет из песни, что пел наш зять во хмелю:

*А где мне взять такую тещу,
Чтобы купила «Жигули»...*

В Доме литераторов роилось десятка два писательских чад и внучат, наряженных зверушками, пичужками, бравыми гусарами, лихими казаками и даже богатырями: но изрядно порхало по залу снежинок. А мы, Машины предки, сшили дочери сарафан и кокошник на семейский, т.е. старообрядческий лад; хотя поначалу я думал из цветастого платка свить кичку, как бабы после бани крутят полотенце на мокрые грибы, но вспомнил: кокошники носили девки, а кички — мужние бабы.

На той памятной Ёлке, когда отроки в бабочках, отроковицы в бальных платьишках читали поэтов «золотого» и «серебряного» века, Маша пропела частушки:

*Мама сшила мне штаны,
Из берёзовой коры.
Чтобы попа не болела,
Не кусали комары...*

*Что хотите говорите
На меня на сироту,
Съела окуня живого,
Шевелится в животу...*

Прости, Господи, нас, охальников, подучивших чадо малое соромной частушке, какие после войны пели вдовы горемычные, — пели, хлебнув самогона, палящего душу, пели мстительно и отчаянно...

Перед чаепитием Мороз одаривал писательских чад гостинцами... Не упомяну уж в кого наряженная, жалась к деду Распутинская внучка, которой, по весёлому поминанию Валентина Григорьевича, Мороз всучил акварельные краски, и внучка в свой рост раскрасила стены в его жильё.

После Ёлки, помню, Нелли Семёновна, писательский бухгалтер, четверть века с умилением вспоминала Машины ча-

стушки, словно всё случилось вчера; а Маша уже осилила исторический факультет, аспирантуру, и летами уезжала с археологами на раскопки, рыла древние земли...

Вообразил предков в набедренных повязках, с каменными ножами окруживших мамонта...; но вдруг спохватился, хлопнул в беспамятный лоб: «Господи Иисусе!.. Да завтра же у Маши именины!.. И как это я запамятовал, бестолочь...» Яро поскрёб лохматую бороду: чем одарить, чем подивить дочь?..

Однажды на Машины именины сочинил дурацкий стишок «Маша и гречневая каша»: «Папа сказки писал, папа шибко устал и... на пол упал. А дочь его Маша съела три чаши гречневой каши, папу на руки взяла, искупала в Байкале и каши дала... Папа ожил и стал орать: «Хочу романы писать!..»

Дальше про маму, упавшую в грядки, про сестру Алёну, упавшую в акварель, а потом — назидание: «Лишь восемь лет девочке Маше, но какая сила в гречневой каше!»

Сим глупым стишком пытался я привадить Машу есть гречневую кашу, которую дочь на дух не переносила, а за что эдакая немилость к сытной гречке, ныне смутно помню. Кажется, в детском саду перекормили... Сочинил я стишок и, помнится, домовито прикинул: впарить бы в лавку, где торгуют крупами... реклама же... и, гладишь, ребятишкам на молочишко...

И опять у Маши день рождения, опять я, чесал затылок, гадая, чем порадовать малышку. Увы, отлучиться в Иркутск я мог лишь на другой день ближе к вечеру, и вряд ли успел бы купить подарок; но, может, и успел бы до закрытия книжной лавки, где покупал дочерям русские сказки, да вот беда-бедушка: купил бы накупил, да купило притупило — в пустом кармане блоха на аркане.

Пригорюнился, призадумался, повалился на топчан, укрытый овчинным тулупом, задремал и... цветным чародейным сном привиделась лесная сказка...

Я пробудился на закате дня и решил сочинить Маше сказку, где запечатлеть старика, вроде таёжного лешака, а потом — деда Савраску, бабку Малахайку и Алёнушку с Машенькой. Потешная байка про косопятого старика давно и озорно ворошилась в моем дремучем воображении, слёзно просилась на бумагу, но руки не доходили, отвлекали сказы да простушки-повестушки, сочинённые не для малых, но для бывалых. Сказка не увяла в памяти, а, словно яблонька, укрылась листвой, зацвела белым цветом и, благодаря Маше, налилась сочным яблочком.

Себя не похвалишь, кто похвалит; смалу и по сивую бороду любил я русские сказки, паче сибирские, посеуму и запев

выплелся, словно из тальниковых прутьев затейливое лукошко, а в лукошке — ягода морошка:

«В добром царстве, русском государстве жили-были дед да баба у самого синего леса. Деда звали Савраска, бабу — Малахайка. Жили они, поживали и добра наживали. И нажили под старость лет двух чадушек — Олёнушку да Машеньку... Дивная вышла сказка: в тайгу наладился дед Савраска. Землянику собирать, кости древние размять. Плянул в окошко: у калитки лукошко. Может, ребятёшки подкинули кошку?... Узнать охота, вот и выбежал дед за ворота. Дивится: чтой-то в лукошке том шевелится?... Разматал дед пелёнки, а там — девчонки-дарёнки. Обрадел дед Савраска да бабке Малахайке сказал: дескать, Боженька детишков послал...»

С натуры... чего мудрить... запечатлел я характеры Алёнушки и Машеньки, дочерей своих:

«Олёнушка послушная росла, и звал её дед Умка. Деду с бабкой подсобляла: грядки поливала, травушку полола, ручёнки колола. А после вечерошней молитвы браво засыпала. Только Машенька не спит. Ножками сучит. Олёнушку дразнит... Стал дед Савраска ворчать и ругаться: «Вот Олёнушка-то умка, а ты пошто такая чумка?! Эй, Косопят, борода до пят, забери-ка нашу Машу...»

Но Маша потом исправится, глядя на сестрицу Алёнушку, ибо мой сказ, молвленный в лад народным сказкам, завершится ласково. Хотя раньше пугал Машу: «Ты шибко-то не шали, а то выведу в повести страшной...»

На рассвете — густой снегопад, а после полудня запуржило, заметелило, собаку встоячь заносило снегом; и рождалась сказка под вой метели в трубе, когда столь отраднo печное тепло.

Вот и опустился с небес студёный декабрь, — воистину, студень, стужайло, ибо к лютому морозу народилась уйма рябины, и волки выли за околицей, и дрова горели в русской печи с треском, полаяя не белым, а красным полымем, и кошка, свернувшись клубком, денно и ночью дрыхла на печи. А ясными ночами в небе ярко цвели звёзды: блестящие — благочестивые души, тусклые — грешные.

На столешнице, крытой облинявшим зелёным сукном, среди чернильных пятен уложил я стопу писчей бумаги, взял остро очиненный простой карандаш и стал сочинять сказку; плёл бисерным почерком, словно мышка-норушка вытянула цепочку следов по белу снегу.

Сочинил сказочку черне, и по-доброму переписать бы набело, но поленился, решил отпечатать на машинке, попутно правя, а потом сшить в книжечку, раскрасив цветными

карандашами. Глянул на печатную машинку, и вдруг явилась сказочная дума... Под гнётом из стопы дородных книг покоилась свежая береста, которую я тут же расслоил и разрезал на тонкие листы. Заправляя тонкие берестяные листы в машинку, внося поправки, отпечатал «Косопята...»; затем на полях пробил гильзой дырочки, и заплёл листы берестяной тесьмой. Не утомившись, тут же докрасна накалил в русской печи гвоздь, и, зажав плоскогубцами, пустил по берестяным полям скупые узоры.

Когда засинели сумеречные окошки и заголосили горластые байкальские петухи, на письменном столе красовалась лесная сказка «Косопят — борода до пят», отпечатанная на берестяных листах. Припомнил я сказочную ночь, грустно улыбнулся: голь на выдумки хитра, — родилась самодельная книжка, не с пустыми руками явлюсь на Машины именины, а с лесным гостинцем.

Отведали пироги с грибами и румяные шаньги с брусницей и творогом, спели в хороводе: «Как на Машины именины испекли пирог из глины...», а потом спели: «Как на Машины именины испекли мы каравай, вот такой ширины, вот такой вышины...» И когда вновь уселись за стол, я и вручил дочери берестяную книжку. Вскоре Маша знала сказку наизусть, от зубов отскакивало; и вроде не зубрила, а «Косопят...» сам собою, сказочно вошёл в душу и память.

Справили именины, и опять я задумался, почёсывая бороду: «А почему «Косопят...» лишь Машу потешает?! пусть и другие чадушки повеселятся...» И решил я заново отпечатать сказку, но уже на листах писчей бумаги...

Скоро сказка сказывается, да не споро дело делается... Изрядно поправив, отпечатал сказ на машинке, а затем почитал, вслушался и чую: там и сям пустил петуха, словно певчий, коему медведь ухо оттоптал, — топтыга же. Глянул на сказку, как на цветастую роспись, вижу: и бедно, и бледно. Стал опять править, и эдак четырежды набело переписал, едва утомился, а Маша осерчало ворчала: мол, берестяная сказка красивей бумажной...

«Косопят...» узрел белый свет сперва в журнале «Сибирячок», потом в московском «Роман-журнале для детей». Прозвучал «Косопят...» на иркутском радио, где Косопята и деда Савраску играл артист Юрий Жигарьков, а Машу, Алену и бабу Малахайку — Маша. Вскоре театр народной драмы поставил спектакль по мотивам сказки, и уж четверть века кажет ребятишкам.

И возмечтал я издать сказку цветной книжицей, посвятив книжицу Маше, поскольку Маше и подарил берестяного «Косопята...», Машу и вывел в образе сказочной Маши. Но-о... скоро сказка сказывается, не споро дело делается...

Сказочная судьба у «Косопята...» и косопятая: четверть века бился, колотился, чтобы издать сказку, но всё без прока. Уж и Маша заневестилась, а сказка так и не облачилась в книжный сарафан. Уж и художник Фёдор Ясников, лет десять игравший Косопята в театре, намалевал лубочные картинки, где шибко уж красиво вышел Косопят, словно Фёдор, глядя в зеркало, рисовал. Уж и посеяли мы акварели Фёдора, уж и художница Маргарита Марцинечко нарисовала другие картинки; уж и Марк Демидов умудрился поведать «Косопята...» по-британски; уж и готова была книжка к печати, но, увы... Ходил я с протянутой рукой, словно церковный христорадник, но и гроша не выходил.

«Косопят...» еще не обрел книжного облачения, а высоколбые ученые мужи, почитав на русском и английском, уже хлопали по плечу: браво...

Каюсь, прости Господи: гляну, бывало, ночным завистливым оком — в книжных лавках цветасто наряженные книги писателей-приятелей, сочинённые для малых чад; а рядом — аршинные книжищи в картонных переплётках, на блескучей бумаге, какие о ту пору издать, что пуд золота накопать. А я тощую книжицу, перед помянутыми книгами стоящую гроши, четверть века не мог издать. С шапкой по миру бродил и медного гроша не выбродил. Кланялся, гнул спину — не переломится, с души не убудет — да так, несолоно хлебавши, и махнул рукой на «Косопята...» Брались иные доброхоты, мимолётно впадая в детство, но тут же взрослели и остывали к детской сказке.

Четверть века томился «Косопят...» в картонной папке, словно в сумеречном чулане, где пауки денно и ночью плетут паутину, где шебаршит хлебной коркой мышка-норушка. И когда я махнул рукой на «Косопята...», случилось чудо, словно в сказке...

Помню: храм Иерусалимский, за высокими, сводчатыми окнами синее вешнее небо, желтовато светятся древние лиственницы и молятся Богу захожане, вроде меня, заросшего грехами, а с ними и оглашенные, и верные прихожане. Помню, воспел я двухвековой кладбищенский храм и погост Иерусалимский: «Не впервой я в сем храме на молебнах и богослужениях, но радостно дивлюсь во всякую обедню: под родительской опекой уйма ребятишек, словно в ясли либо детский сад угодил, либо выбрел на майскую поляну, где сол-

нышками желтеют цветы-одуванчики, колышутся, словно кружатся в хороводе; и вспомнилось реченное Царём Небесным о чадах малых: «Аминь глаголю вам, аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное: иже бо смиритесь яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небесном; и иже примет отроча таково во имя мое, Мене примет; и иже аще соблазнит единого малых сих, верующих в Мя, лучше есть ему, да повесится жернов осельский на вые его, и потонет в пучине морстей» (Мтф. 18: 3—6).

Увы, отвлекаясь от богомолья, невольно поглядывал на счастливые семейные пары, увешанные чадами; зрел с душевной отрадой и светлой печалью — не сподобился семейно молиться в храме; зрел с надеждой — сии будут молиться за нас, грешных, и моления их, смалу боголюбивых, омытые слёзной жалью, узрит Господь. Наслышан: четверо — ребята старосты Алексея Дорошенко; видел: светло улыбались богомольцы, глядя, как смело и умело причащалась его малая дочка, что ещё под стол пешком ходила. А их, отроче младо, к причастию выстроилась вереница, у иных — лики иконные, словно у пастушка Варфоломея, грядущего преподобного Сергия Радонежского, коего дивно запечатлел Михаил Нестеров на сказочном холсте. Ох, светили бы их лики вечно, не гасли на ветрах житейских...

Глядя на чадушек, что от горшка два вершка, забавно осеняющих себя крестным знамением, призабылся в наплывающих видениях и очнулся в Иерусалиме: Царь Небесный на жеребятке въезжает в святой град, евреи устилают дорогу пальмовыми ветвями, а их ребятишки восторженно голосили Христу: «Благословен грядый во имя Господне!.. осанна в вышних!..» Славословили Христа и взрослые, хотя, опалённые страстями, ликовали не ради спасения души и обретения Царствия Небесного, но с ожиданием от Сына Божия утробных благ и земного величия иудейскому царству. Не дождавшись, обозлившись, спустя четыре дня истошно вопили: «Да будет распят... Кровь Его на нас и на детях наших...»

После заутрени прихожане пили чай с постными пирожками — дар благодетельного купца; и за чаем разговорился я с Алексеем Дорошенко, что служил в храме старостой и алтарником, а в миру — купец первой гильдии, говоря на царский лад. После третьей чашки я осмелел, поведал Алексею о горемычной судьбе «Косопята...» и робко показал сказку в цветной распечатке. Повертел Алексей доморощенную, кустарную книжечку, полистал и говорит:

— Эх, отпечатать бы на бересте... Хотя можно и раскрасить под бересту... А что, брат Анатолий, издадим сказку...

Я обомлел от радости, а благодетель:

— ...тиражом эдак... в пять тысяч...

Я ошалел от сей блажи:

— Пять ты-ы-ысяч?!

И помянулся бойкий сочинитель Эраст Сахаров, позаочь величаемый Колобком: гостил наместни и, озирая полки с книгами, укорил:

— Пушкин, Лермонтов, Гоголь... А я-то где?..»

Я сробел покаянно сознаться, что его опусом, отодрав золочёную корку, растапливал русскую печь на лесной заимке.

— Украли, — сбрехал я, прости, Господи.

— Украли?! — Колобок лукаво удивился, глаза повеселились, круглое лицо зарумянилось; и сочинитель смущённо захихикал, прикрывая рот ладошкой.

Мне бы по-деревенски досадливо осадить: мол, чо лыбишься, как сайка на прилавке?! — но я кивнул со вздохом:

— Украли... Поклонницы, поди...

— Переживаешь, Анатолий?..

— Ага, переживаю...

— Не переживай, я тебе вторую книгу принесу...

— Опять украдут... — пробовал откреститься, но приятель успокоил:

— А я другую книгу подарю... — Эраст опять счастливо хихикнул, ладошкой сдерживая смех. — У меня же весь тираж на кухне...

— И много книг?

— С полтыщи...

Но вернёмся в храм Божий... Когда Алексей замахнулся на щедрый тираж, вспомнил я писателя горюна, вообразил пачки книг на тесной кухне и ужаснулся:

— Куда такую уйму?!

— В детские приюты отвезём, — успокоил Алексей. — А потом и Рождество близко, ребятишкам подарим...

На радость мою накануне Рождества Христова в Иерусалимском приходе издали цветную книжицу «Косопят — борода до пят»; и, в Сочельник уложив сказку в праздничные пакеты, после рождественской обедни вручили малым чадушкам.

И пошёл «Косопят...» бродить, колесить по белу свету, и я следом, но едва поспевал. Помню, завернул в заснеженный детский сад; читал сказку говорливым детишкам, коих усмиряла детсадовская няня:

— Косопят придё-от, а кто шалит, того... заберё-от и в лес унесё-от!..

Прочитал, утёр пот со лба, интересуюсь:

— Вопросы есть?..

Вижу, отроче младо трясёт ручонкой; ну, думаю, любознательный малый — будущий книгочей, а может... бери повыше... писатель, и дал слово малышу.

— А можно Вашу бороду потрогать?

— Бороду?! — оторопел я, но, поразмыслив, согласился: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

Согласился на свою шею, вернее, на свою бороду, ибо взметнулся лес ручонок — все вдруг возжелали потрогать мою бороду. Эдакая честь моей сивой бороде и не снилась... Видимо, в детских головушках слился я со сказочным Косопятом, у коего борода седа до пят...

Не поспел я и глазом моргнуть, налетели озорные чада, мурашами забегали по мне, задёргали бороду, зашиньгали, словно шерсть из кудели, примотанной к прялке. Оробел я, стал переживать: эдак и бороды лишишься...

Чудится, родился я в рубашке... Не по грехам милостив Бог... И с бородюю до пупа, ибо сколь ни щурю глаз, не могу усмотреть далёкие лета, когда по лености бросил скоблить рыло до синевы и дал волю бороде. Помню, летом гостил в прибайкальском селе; бродил в сосновом бору, что за околицей, и помню, возвращаясь с корзиной рыжиков, вывернул из проулка в улицу и столкнулся с мамашей, что вела за ручонку малого. Парнишонка выпучил глаза и кажет чумазым пальчиком на меня, бородатого: «Деда...», а деде лишь перевалило за тридцать...

О ту бородатую пору узрела свет моя книга повестей «Старый покос», и дальний знакомец, прищуристо оглядев бороду, странно усмехнулся: «Забавно, в писатели выбьются, и сразу — борода...» И мать моя, за семьдесят лет наглядевшись на гладко выбритых советских мужиков и стариков, ворчала: «Сбрей-ка ты, парень, бороду, а то вылитый дед Мазай. Куда торопишься?! Не торопись, ещё походишь в стариках...»

А забородател я лет в тридцать не за идею, от лени-матушки, что поперёд меня родилась: о ту гладковыбритую советскую пору даже бородатые мужи, не говоря уж про молодь, водились редко, а ежли молодой и с бородой, то бритые старики сварливо говаривали: «Однако, паря, геолог либо приискатель. Перекати поле, вроде шатунов ранешних... Рыщут, чо не теряли, в бане не моются, пню горелому молятся... Одно слово — в поле ветер, в заде дым...»

Но вернёмся в детский сад... Когда озорники, жаждущие потеребить мою горемычную бороду, свились в клубок, вос-

питательница властно разметала кучу-малу, утихомирила вертлявых и горластых, и чадушки следом за няней гуськом пошлепали в столовую, пахнущую манной кашей и компотом. Когда и меня угощали, вспомнил я со вздохом... Господи, полвека миновало... Вспомнил, что Алёнушка, старшая дочь моя, года два служила няней в детсаду, в той группе, где сестра Маша ума набиралась, и может, Алёна, разводя семейщину, давала Маше побольше каши, вот Маша и росла крепышом.

Вспомнилось и своё деревенское малолетство... Мать, Царствие Небесное, в детсад меня не пихала: то ли платить нечем, то ли озорной и вороватый рос, и мать боялась осрамиться; а посему я, обдирая лохмотья с обгорелого носа, поддёргивая семейные трусы на ляжке... штанов по лету не полагалось... глазел в заборные щели на детсадовских сверстников, что качались на качелях и кружились на цветастых каруселях. С лютой завистью зарился и ворчал, слыша тоскливое урчание в пустом брюхе: «Что им не качаться, налопались манной каши, напились компота...»

А лет через пять старшая сестра Валя, окончивши педучилище, пришла воспитателем в вожделенный детский сад; а я, отроком целивший в художники, акварелью и гуашью малевал сестрицу Алёнушку и брата Иванушку, Ивана-царевича, взнуздавшего серого волка и в обнимку с царевной скачущего выше леса дремучего, а потом — Кокованю и девочку Дарёнку из Бажовского сказа «Серебряное копытце»; и за акварели сестра приносила мне из кухни чашу манной каши и кувшин компота.

Сестра Валя, выйдя замуж, поначалу жила с мужем в родительском доме, а когда родила девочку, зятя забрали в армию; и, коль мать с отцом, помню, жили на таёжной заимке, где ухаживали за крупнорогатым совхозным скотом, то Вале пришлось за мной и сестрой Анной доглядывать. Помню, по осени пошёл во второй класс, и Валя, словно телка на поводке, вела меня за ухо в школу — добрых обуток нету, а в ичижонках из сыромятной кожи я отказался идти. Вот и пришлось сестре за ухо вести...

Но то листочки, ягодки вызрели позже... Сестра Валя с полуторогодовой дочуркой по утру ушла в детский сад, а я в серванте обнаружил гематоген, на вид и вкус напоминающий конфеты, прозванные ирисками. Решил попробовать, и так напробовався, что к вечеру весь гематоген умял; да и забыл, заигравшись с дружкой возле калитки. Сестра вылетела за ворота с бранью и кочергой, и я рванул наутёк, смекнув, что иначе сестра отпочтует той кочергой. Помню, Валя с кри-

ком гналась до перекрёстка, а там запыхалась, да и напрасно бежала — сроду не догнать, поскольку я от страха не бежал, а летел, словно ветер...

Пока я поминал свои деревенские детские годы, ребяташки, похлебав киселя, гомонящей стаей полетели на заснеженный двор; и я, отведав манной каши, побрёл следом. «Ну, — думаю, — умеете бороду драть, умеете и свою подставлять...» Подумал я эдак, и карапуз, что возжелал потрогать мою бороду, вообразился бородатым, со старческими, круглыми очёчками, жалобно висящими на переносице...

В голубоватом, заснеженном саду, запрягшись в лёгонькие санки, я катал детишек, и в отместку за бороду взбрыкивал с лошажьим ржанием, круто поворачивал, сваливая в снег весёлых седоков. Увы, вышло, не отомстил, а ублажил: вынырнув из снежных суметов, огольцы с радостными воплями снова лезли в санки. Ух, и упарился же я, и воскликнул: «Эй, Косопят, борода седа до пят!.. угомони-ко малых ребят!..» Притихли чадушки, задумались, а я откланялся: «Храни вас Боже, отроче младо!..»

Давненько родился на белый свет «Косопят — борода до пят», рождение сказки заросло бурым и сизым мхом да брусничником, словно таёжная валёжина, и по ветхой памяти забыл я, где в судьбе сказки была, где небылица про синегривую кобылицу, и ежели что приукрасил, не обессудьте — сочинитель же.

г. Иркутск

НОЧНОЙ ПОПУТЧИК

РАССКАЗ

Лепетов не таксовал. Или, как говорят мастера этого дела, не «бомбил». В том смысле, что никогда специально не мотался по городу на автомобиле и не сшибал сотни и пятисотки. Впрочем, ничего плохого он в этом не видел. Денег много не бывает, а подвезти спешащего человека... Да, он и за «просто так» не раз подвозил, за «здорово живёшь». И никогда старался об этом не жалеть. Всё доброе, в конце концов, оброчивалось добром.

Но тут случай получился особый. Одинокая фигура с выброшенной для голосования рукой на ночной пустынной улице. Слегка покачивающаяся, словно тростник мыслящий под ветром. «Под шофе, поди», — мелькнуло в голове у Лепетова. Но он нажал педаль тормоза и плавно подрулил к обочине.

Дверца открылась, и в салон всунулась голова молодого человека. Он назвал адрес. Лепетову пришлось по пути.

В салоне автомобиля резко пахнуло спиртным. Трезвый человек остро чувствует запах спиртного. Лепетов покосился на пассажира. Молодой человек вполне опрятного

ПРОЗА

вида, аккуратно подстрижен. Лицо свежее. «Мало ли, — подумал Лепетов, — ну, праздник у человека. Раз в году — бывает».

Пассажира, однако, не выглядел празднично. Не было в нём этого заблудившегося веселья, что остаётся после весёлых застолий и потом изливается в принудительном порядке на окружающих. Не похож был молодой человек ни на подгулявшего молодца, поскольку не было видно в нём никакой ухарской удали, ни на удачливого гостя с торжественного банкета по случаю. Не тот дресс-код, одежда — не праздничная, или, говоря по-русски: в одном и в пир, и в мир.

Не в лохмотьях, конечно. Но и без торжественности. Рубашечка трикотажная, полосатая, фирменная, «прет-а-порте», джинсики модные или что-то вроде того. Нынче-то фасонов — на любую фантазию. Только в таком виде обычно «соображают» на ходу: в кафе, закуской, в подворотне. А тут — и причёска с претензией, и сам такой холёный. Если и поддаёт, то только-только начал, наверное.

Настроение у пассажира явно находилось в упадке. Пришибленного жизнью человека — видно за версту. Оттого на него все шишки и сыпятся. Окружающие, вольно-невольно, пытаются отыграться на нём за свои обиды, компенсировать, так сказать, свои промахи и ошибки. Пока не найдётся добрая душа (и такое бывает с каждым) — и протянет руку со спасательным кругом. А то и просто пожалеет. Иной раз и того достаточно, а чаще — необходимо.

Некоторое время парень был, как бы выразиться, весь в себе. Что-то там передумывал, переваривал внутри. Но, постепенно освоившись, узрел приклеенные на «торпед» иконки: Спасителя, Николы-угодника и Святой Варвары.

— А вы, случайно, не священник? — спросил он вдруг как-то жалобно.

Лепетов незло и незаметно улыбнулся.

— Нет, — ответил он.

Действительно, борода и усы с недавних пор украшали (а, может, и скрывали) его лицо. Но принять его при таких обстоятельствах за батюшку мог, конечно, только «захожанин», забредающий в храм лишь в Рождество и на Пасху или вовсе не забредающий.

— Ну, у вас же иконы! — не отставал вдруг оживившийся пассажир. И оживление это не было радостным, а, скорее, паническим, что ли. Так обычно оживляется человек последней надеждой. — Вы же в церковь ходите?

— Хожу, конечно, — согласился Лепетов. Иконы не для красоты...

— Вы, знаете, — взмолился пассажир. — Мне исповедаться надо.

Лепетов нервно дёрнулся. «Ну вот что с этими невоцерковлёнными делать? Ничего не понимают».

— Да я не имею права исповедовать! — стараясь быть спокойным, пояснил он. — Да и не место тут, и не время. Вы бы сходили в храм. Вот сегодня четверг, завтра пятница. В субботу будет вечерняя служба. А в воскресенье — литургия. Сходите, поговорите с батюшкой. Вы, кстати, крещёный?

Парень безнадёжно махнул рукой.

— Крещёный.

— Ну вот и сходите. Вы же, поди, и не ходите в церковь?

— Да я ничего в этом не понимаю.

— И понимать нечего. Пойдите и помолитесь, а если что — вам всё там и объяснят.

Лепетов сказал это уверенно и для убедительности поглядел на пассажира. А у того вдруг выступили на глазах слёзы.

— Мне сейчас нужно! — Горячо забормотал он. — Вы выслушайте, может, поймёте, подскажете, как быть.

Лепетов снова попытался возразить, стараясь вести машину как следует. Но парень, не обращая внимания на его протесты, уже говорил, не останавливаясь.

— Понимаете, у меня жена красавица, я её очень люблю, — парень бил себя ладонью в грудь. — И дочка — три года, я её тоже очень люблю!

Лепетов недоумевающе пожал плечами.

— Так это же хорошо!

— Вы понимаете, я сделал генетический анализ. И по результатам получается, что дочка не моя!

— Ну-у-у., — попытался развести руками Лепетов, но не решился выпустить руль, а только повёл плечами, словно от холода. — Так, может, ошибка? Как они его там делают, одному Богу известно!

— Да, вот теперь думаю повторно сделать анализ., — безнадёжно ответил парень.

— Да зачем вы его вообще делали-то? Анализ этот, на кой он вам? Живёте себе и живёте. Как у вас семья-то?

Парень вновь оживился.

— Да хорошо живём. Я жену очень люблю, и дочку очень. Я всё для неё! Даже если разведусь, я так и сказал, дочку воспитывать буду, содержать.

— Да погодите вы разводиться! — Не вытерпел Лепетов. — Вы за чем эти анализы делаете?

Парень пожал плечами.

— Так у меня все друзья делали, хвастались — вот, мол, дети мои!

— Да что за мода такая! — вскипел Лепетов. — Что, значит все! Ну, все с ума сойдут и вы туда же? Да мало ли что там нагородят. И разное бывает, всякое. Вот недавно видел в интернете: в семье негров — дети белые. И все их — родные. Это тайна. Люди только возомнили, что они всё знают!

Парень залился слезами.

— Я их очень люблю! И дочку очень люблю! Я так и сказал: дочку не брошу, буду воспитывать.

— Да зачем вам бросать-то! — негодовал Лепетов. — Такая семья! Жена-то вас любит?

— Говорит, что любит, плачет, говорит, что дочка моя, прощения просит.

— Да за что прощение?

Они подъехали к шлагбауму, ограничивающему въезд во двор. Теперь такие шлагбаумы и турникеты не редкость. А когда-то о них и не слыхивали. А теперь для чего они? Делить людей на два сорта? Другую большую причину трудно выдумать. Паренёк-попутчик, стало быть, из первого сорта людей. «Значит, и жилищные условия у него в порядке, — успел подумать Лепетов. — В хорошем районе живёт. Чего ещё человеку надо? С жиру бесится?»

— Так за что прощение? — еще раз спросил он. — Вы её подозреваете в чём-то, что ли?

— Понимаете, — начал парень, — перед нашей свадьбой она ездила на учёбу в Англию.

— И что, там у неё было что-то?

— А когда приехала — мы поженились. Письма писали друг другу. Она писала, что любит меня...

— Так что, у неё там был кто-то?

Парень шмыгнул носом.

— Она говорит, что дочка моя и прощения просит, говорит, что любит...

Пассажиру надо было выходить. И Лепетов думал, как это сделать поделикатнее, завершив разговор.

— За что прощение-то? Плюньте вы на этот анализ. Живите, как жили. Вот если бы она изменяла вам, тогда другое дело. Она же не изменяет?

Парень пожал плечами.

— Нет. Говорит, что любит. А ей говорю: Лена, я дочку не брошу, буду кормить, воспитывать!

Лепетова что-то слегка кольнуло.

— Леной вашу жену зовут? — спросил он зачем-то. — А где она обучалась, в каком городе?

Парень назвал местечко в Англии.

— Четыре года назад?

Парень кивнул. Лепетов немного подумал.

— Выкиньте вы все эти генетические анализы из головы — вам совет, — твёрдо и серьёзно сказал он парню. — Это всё мода, шоу, а вы страдаете. Может, они с вас денег хотят побольше вытянуть, вот и придумывают. Живите себе, коли любите друг друга. И дочке жизнь не калечьте.

Парень, излив душу, немного успокоился.

— Сколько я должен?

— Двести пятьдесят.

Это было немного, но вполне достойно. Гастарбайтер с юга влупил бы все пятьсот, а то и больше — за ночной форс-мажор. Парень вынул деньги.

— Вот вам ещё пятьдесят, поставьте за меня свечку в церкви.

Лепетов немного подумал, отдуваясь.

— Я о вас записку подам за здоровье. Как вас зовут? — Парень сказал. — Записку подам и свечку поставлю.

Парень опять оживился.

— Спасибо, спасибо! Большое спасибо!

— Да не за что мне. Я всё равно в церковь пойду в воскресенье, заодно и за вас свечку поставлю.

Парень нырнул под шлагбаум и исчез в сумерках. Лепетов включил зажигание и порулил к дому.

Он вошёл в квартиру, включил ночник в прихожей. Он не боялся кого-то разбудить. Жена уехала проведать родителей, а это, Лепетов по опыту знал, не меньше двух суток. Но почему-то ему претил сейчас яркий свет, более подходящий к празднику.

Как неряшливо одетый, неумытый человек избегает ярко освещённых публичных мест, так и Лепетова тянуло в полумрак. На кухне он даже свет не включил, а довольствовался тем, что открыл дверцу холодильника, осветившего свою внутренность и квадратик с Лепетовым перед собой.

Хотя за целый день Лепетов так толком и не обедал, однако ужинать уже поздно. Он взглядом пробежался по полкам, настойчиво игнорируя кастрюлю с супом и колбасу, и замер на дверце, где стояла початая бутылка водки. Он-то про неё совсем забыл, но вот сейчас почувствовал, что это как раз то самое, что теперь ему требуется. Нужно успокоиться. Он налил стопку, перекрестил и отпил половину. Немного посидел и, допив остатки залпом, закусил солёным огурцом.

Теперь он почувствовал усталость и необходимость принять душ.

Душ окончательно его успокоил. Лепетов прочитал краткое вечернее правило и бросился в постель. По его расчётам, он должен был уснуть. Но кто знает, куда девается сон из тела, с раннего утра мотавшегося по городу и, казалось, смертельно уставшего, готового спать стоя? И вот долгожданная, чистая мягкая постель. А сон вдруг передумал одолевать ум. Или ум своей силой превозмог его?

Да, сон куда-то ушёл, нахлынули воспоминания. События четырёхлетней давности, когда его, молодого успешного менеджера по продажам отправили в качестве поощрения на стажировку в Англию.

К тому времени у нас совсем пропали продавцы, парикмахеры, уборщицы и прочие неэффективно звучащие профессии, а вместо них появились менеджеры по продажам, стилисты, клининг-менеджеры и прочие престижные синектуры.

Лепетов отмахивался от этих воспоминаний, а они лезли. Он логично рассуждал, что, может быть, это — совпадение, но время, место и имя упрямыми неоспоримыми фактами наступали на него...

Они познакомились где-то то ли на одной из экскурсий, куда водили русских, приехавших на учёбу, то ли во время обеда, куда их всех возили. Они оба находились в странной эйфории — здесь, на овевянном легендами «туманном Альбионе», родине Шерлока Холмса и Битлз. Последней европейской империи! И их пыльная, сермяжная Родина почти совсем скрылась в английском тумане, так что уже почти ничего её не напоминало. И можно было отказаться от условностей той жизни.

Такое ведь, наверное, со всеми бывает в первые дни, когда приезжаешь в какой-нибудь далёкий, совсем не похожий на твой родной край, где к тому же говорят на другом языке. Посмотрите, как весело и свободно чувствуют себя у нас жители Кавказа и прочих южных республик. Так что задор этот нередко переходит в наглость и бесцеремонность. Но ведь и наши туристы дают жару где-нибудь в Египте или Турции.

А тут не произошло ровным счётом ничего криминального. Ну, увидели они друг друга, улыбнулись взаимно. Почему-то друг другу понравились. Молодые, красивые, независимые. Баловни судьбы — счастливые представители берёзовой России. Они вместе провели всего один день, потом ночь, ещё день и... И Лепетову нужно было возвращаться в край лесов, полей и рек. Они хорошо простились. А Лепетова даже не удивило, почему его новая знакомая не спросила его телефон, и не дала ему свой. Ему было достаточно того, чем она уже пожертвовала...

Измучившись ворочаться с боку на бок, Лепетов встал, сходил в туалет, попил воды, подошёл к окну и откинул занавеску. За окном шёл дождь. «Ну вот, как всегда. И так настроение никудашное, а тут ещё слякоть эта».

С тех пор прошло четыре года. Короткая случайная встреча. Которой как бы и не было. Много воды утекло, многое изменилось. Лепетов стал другим человеком. Он познакомился с девушкой, вернее, она как-то сама незаметно стала частью его жизни. Потом он попал в серьёзную аварию и должен был стать инвалидом. Но Нина — его девушка — уговорила его пойти в храм, креститься. И он, потеряв всякую надежду и волю, согласился и пошёл. Вернее, поехал на коляске. И крестился, раскаявшись во всех грехах и отрекшись от них и от *того*, который к ним соблазняет.

Потом произошло чудо. Не сразу, конечно. Целый год он жил, как в тумане. Ему даже стало немного легче. Но чудо произошло, и он начал ходить — после первых исповедей и причастия. Нет, конечно, нашлись вдруг нужные лекарства, специалисты, процедуры восстанавливающие. Неверующие люди могут себе объяснять это так. Но чтобы все эти факторы вдруг сложились и дали такой результат — без чуда не обошлось.

Теперь он почти забыл о тех недугах. Только иногда на погоду ломает и тянет повреждённые места. Вот как нынче, на ненастье.

И они через год поженились. И вот теперь Нина ждёт ребёнка.

«Но почему это всплыло именно теперь? И для чего? Ведь я покаяться и покончил с прошлым?» — мучительно думал он. — Вот так ночью на дороге встретить человека, которому ты испортил жизнь. Пустил семейный поезд под откос. Дурак скажет — случайность. Умный — не случайность. А как должен рассуждать я? Господь свёл меня с моим давним грехом лицом к лицу? Вернее — с последствиями греха. Зачем? Ну, разумеется, в назидание. Но я-то ведь ни о чём таком не помышляю! Или помышляю?.. Бывает, конечно, что я смотрю... Но не делаю же! Нет, с самокопанием надо заканчивать!»

С нетерпением пережив пятницу и день субботы, Лепетов пошёл на вечернюю службу и исповедь.

Исповедь получилась долгой. Выслушав его, батюшка сказал:

— Ну, это ваши прошлые грехи. Приняв крещение, вы от них отреклись. Надо отсесть. Что было — то было, что сделано, то сделано. Главное — вы в этом раскаиваетесь. Значит, больше не сделаете. Так?

— Так, конечно, — согласился Лепетов.

— Ну а помыслы — есть помыслы...

— Только что же теперь делать?

— А что же вы можете сделать? Молиться за них, чтобы семья не распалась, чтобы ваша семья крепкой была. И это самое верное. Не бежать же вам к ней. Так сразу две семьи погибнут, а будет ли новая — большое сомнение. Слава Богу, что вы с ней большего греха не допустили — убийства младенца в утробе. И потом, если её муж — не отец девочки, не факт, что вы её отец. А все эти анализы — от лукавого и от глупости. Кому легче стало?

Лепетов вышел из храма. Если до этого у него было острое желание найти Лену и, возможно, свою дочку, то теперь он, по крайней мере, понимал, что это ни к чему хорошему не приведёт. Мало ли что ему хочется! Ему и тогда хотелось.

Церковь была недалеко от дома. Он иногда ходил до неё пешком, иногда ездил в трамвае. На этот раз зачем-то прыгнул в трамвай. В субботний вечер и народу в трамвае почти не было. Только впереди сидела молодая женщина.

Лепетов не узнал её, нет, просто понял, что это она — Лена. Он проехал свою остановку, и, выйдя вместе с женщиной из соседней двери, убедился, что не ошибся. Зачем он пошёл следом? Он понимал, что не надо, но тянулся за ней, как наркоман за дозой, даже зная, что она может быть последней. И шагал поодаль, стараясь держаться подалее от света фонарей и рекламы. Шёл и глядел на идущую впереди женщину, и находил, что она совсем не в его вкусе, и он никогда не мог бы соединить с ней свою жизнь.

Они пришли к знакомому уже дому и к тому самому шлагбауму, возле которого он вдруг увидел прожитую жизнь со стороны. Лена зашла в подъезд, а Лепетов остался стоять в сторонке, пытаясь угадать, на каком этаже она живёт, понимая всю нелепость и бесполезность своих метаний.

Он уже собирался уходить, но тут снова открылась дверь и выбежала маленькая девочка. Следом за ней вышла Лена. Сомнений не было.

Девочка принялась бегать, а Лена вынула смартфон и уселась на скамейке так, что её почти скрыл кустарник. Не встретив никого на дворе, девочка из любопытства подбежала к стоящему дяденьке. Лепетов с трудом сглотнул подкативший к горлу ком и присел перед девочкой. Девочка была очень похожа на Лену. У такого ребёнка отцом можно было назвать кого угодно. Лепетов с облегчением вздохнул, но тут же понял, что смалодушничал.

— Как тебя зовут? — спросил он

— Маша! — ответила та бойко.

— А сколько тебе лет?

— Тли!

Но тут у Лепетова за спиной раздался резкий голос.

— Мужчина, что вам нужно от ребёнка?!

Лепетов вздрогнул, поднялся и, не оборачиваясь бросил через плечо.

— Мы так — разговаривали. Мало ли, может, потерялся ребёнок...

Он не договорил и стал уходить.

— Игорь! — Вдруг раздалось у него за спиной.

Лепетов сбился с шага и на секунду остановился, но снова двинулся прочь. Он совершил очередную глупость — она узнала его.

— Игорь! — Вновь раздалось сзади.

Лепетов не отреагировал, но почувствовал сзади движение и его схватили за руку.

— Игорь!

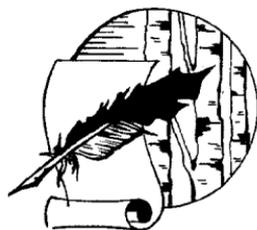
Лепетов чуть обернулся и заметил, как Лена вздрогнула, увидев его усы и большую бороду. Она отпустила руку.

— Вы ошиблись, — хрипло выдавил Лепетов и быстро зашагал прочь.

«Дурак, вот дурак», — ругал он сам себя, часто моргая влажными ресницами.

Лепетов больше никогда не видел ни Лену, ни её дочь, ни своего ночного попутчика. И чем кончилась эта «генетическая» история, он не знает. Вот только память порой достаёт откуда-то из глубин, казалось бы, навечно потерянные сюжеты из прошлого. А зачем, почему — кто знает?

г. Санкт-Петербург

**СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
II КОНКУРСА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
«УСЛЫШЬ, РОССИЯ, НАШИ ГОЛОСА»**

Андрей ГАЛАМАГА (гран-при)
Из Керима МХЦЕ, перевод с абазинского

ПУГАЛО

Весеннее буйство в природе,
Лазурью покрыт небосклон;
А пугало на огороде
Гоняет крикливых ворон.
Несёт разноцветное лето
Богатство созревших плодов;
У пугала отдыха нету,
Он — сторож, ему не до снов.
По осени весь до полоски
Убрали с полей урожай;
Но пугало в рваных обносках
Не спит, под ветрами дрожа.
И я в этом мире не взыскан;
Но, честь не роняя свою,
Средь стылой земли абазинской,
Как страж одинокий, стою.

КАСКАДЁР

Снимают кино. Зажигают огни.
Работают бесперебойно моторы.
И в каждом народе герои свои,
И в каждом народе свои каскадёры.
Народ мой, пускай я актёром не стал,
Возьми каскадёром, не нужно иного.
Чтоб жизнью своей за тебя рисковал
На дикой спине жеребца вороного.
Я сор с твоих улиц готов подметать,
В пожары и бури я кинусь бесстрашно.
Я буду страдать, замерзать, голодать,
Чтоб ты наслаждался уютом домашним.
Стой крепко, я вместо тебя упаду. —
Я лишь каскадёр, никому не известный! —
Я изгнанным псом по аулам пройду,
Чтоб ты каждый день пел весёлые песни.
И если, сорвавшись с отвесной скалы,
Я стану калеккой, не думай про жалость.
И если умру за тебя, не скорби,
Живи, мой народ, обо мне не печалась.
Замрёт моё сердце в остывшей груди...
А ты — исполином, а ты — великаном
К заслуженной славе своей выходи
И гордо шагай по всемирным экранам!

Андрей ПОПОВ (1-е место)

Из Ивана КУРАТОВА, перевод с коми

ЮГРЕ (Фрагмент письма)

Без спешки, без отдыха...

Гёте

Такой обычай, брат югорский мой,
В зырянских школах с розгами не строго.
Так повелось. Хоть леса в крае много.
Чего жалеть?! Давно б сказали: — Стой!
Стой, знание! Давай обратный ход!
Как эпидемия, да хуже даже,
Уже гуляет на Тиманском кряже,
И за Урал, поверь мне, перейдёт.

Пройдётся скоро вашей стороной,
А мы наелись этой школьной каши,
Вам доедать теперь сомненья наши,
Остатки знаний, брат югорский мой.
И заболает организм лесов
Какой-нибудь чахоткой книжных полок.
Пусть никудашный ты совсем теолог,
Но станешь рассуждать, как богослов.

... И снова потеряешь ты покой,
Когда от потребления книжной пищи,
Увидишь вдруг, что рядом ходит нищий —
Идёт в лохмотьях, брат югорский мой.
Ответить ты не сможешь, почему
Он голоден, ему живётся худо.
И скрутит гуманизмом твой желудок.
Достанется и сердцу, и уму.

Но гуманизм проходит. И в окно
Посмотришь мрачно на беду людскую —
Мир не изменишь, только зря тоскую.
К тому же часто сладко, что грешно.
И станет всё понятней за окном,
И после всех твоих душевных пыток
Найдётся выход — стать космополитом
И погрузить с эстетикой вдвоём.

Денис ТКАЧУК (1-е место)

Из Анны ГАССИЕВОЙ, перевод с осетинского

* * *

На деревьях — Млечный путь и звёзды,
серебрит луна твой воротник,
ты идёшь, глотая влажный воздух,
в Лету — через Хронос, напрямик.
За плечами тяжелеет ноша,
новый день прибавит груз забот,
прирастает накрепко, не сбросишь —
так вся жизнь до старости пройдёт.
Бьётся в сердце робкая надежда,
как рыбёшка, пойманная в сеть,
выбрось всё, что огорчало прежде,
свежий снег укроет тёплый след.

Жизни путь проходит по сугробам —
ты себе Харон и проводник:
просто выбирай по силам тропы
и шагай сквозь Хронос, напрямик.

* * *

Меня, похоже, кто-то потерял,
меня, похоже, кто-то здесь оставил,
и я стою на суетном вокзале,
где поезда сверкающую сталь
обходят люди. Им не до меня —
среди толпы других не замечая,
они спешат, касаются плечами —
как будто жить не могут не шумя.
Но я терплю — и верю, что меня,
наверное, здесь всё же ищет кто-то,
и я среди безликих и бесплотных
всё жду и жду такого же, как я.
В объёты односпальные свои
вагоны пассажиров принимают:
но окон нет, и что внутри — не знаю,
и не узнаю вовсе, *c'est la vie*.
Толпа спешит, предчувствуя финал,
как знать, кто ей в потёмках кто-то движет...
И в ней меня, наверно, кто-то ищет.
Меня, наверно, кто-то потерял.

Галина БУЛАТОВА (2-е место)
Из Лябиба ЛЕРОНА, перевод с татарского

ТВОРЧЕСТВО

Тишина в моём доме не может уснуть —
Из компьютера лунная музыка льётся...
И пытается ночь от меня ускользнуть,
А строка прямо в руки даётся.

ЦВЕТОК

То ли весна в меня входит, легка,
Я ли спешу до весеннего племени?
Через раскрытое устье цветка
Льётся нежнейшая музыка времени!

Я И СОЛНЦЕ

Место, где живу, найдёт любой,
И правдивость слова подтвердит:
Точно над моею головой
Золотое солнышко висит!

ДЕРЕВО

Грустит оно, мечтает, сердится?
И, если думает, о чём?
Как только жизнь его отрезана,
Тогда лишь возраст узнаём...

Сергей ТЕЛЕВНОЙ (2-е место)

Из Елены КОНЬШИНОЙ, перевод с коми-пермяцкого

ЛЮБОВЬ МОЛОДОЙ ВЕДУНЬИ

(Отрывки из поэмы)

...Ведунья длиннокосяя Аксиныя
С призывным пеньем обращалась к Богу.
Песнь, отраженная небесной синью,
Струилась в душу каждого живого!
«Пусть стихнет бой! — ведунья призывала. —
Вернётся пусть возлюбленный с друзьями!»
А ночь тревожной вестью изливалась —
Стал дом Аксиныи в скорби, как в изъянах.
С мольбой взирала юная ведунья
На изваянье Бога из гранита.
Его просила, чтобы в полнолуние
Кровополитная решилась битва...

...У очага Аксиныя вспоминала,
Когда Всевышнего в мольбах просила:
Коли охотники в лесных завалах
Вдруг заблудились, дать надежд и сил им!
Ушёл тогда любимый на охоту,
Ушёл с друзьями и как в воду канул.
И женщины с молитвами, в заботах
Собрались на священную поляну.
Там сосны ввысь стремились черной птицей —
Охотникам пророчили погибель.
И женщины просили чаровницу
Молить, чтоб выжить их мужья смогли бы...

...Пусть каждый сущий обратится к Богу —
К тому, который в помыслах и сердце.
Насильно верить люди разве смогут?!
Но есть среди притесненных страстотерпцы!
В былые времена всяк черпал силы,
К земле припав, у матушки-природы.
Она питала светом негасимым
И радовала даром многоплодным.
И были многомудрыми обряды,
Молитвой преисполнены и верой.
И души наполняла Божья радость,
Жизнь отмеряла счастья полной мерой!

Николай ЗАГРЕБИН (2-е место)

Из Абдуллы АБДУРАХМАНОВА, перевод с табасаранского

РУБАС

Истоки горных рек высоки...
С вершин седых начав разбег,
Река Рубас стремится потоки
К подножью гор из века в век.

И, разливаясь на просторе,
Весенней свежести полна,
Соединяет горы с морем
Её поющая волна.

Когда бываю с ней в разлуке,
В душе держу песнь давних дней.
Издаю тяну к ней руки —
К истоку юности своей.

...Река моя! С годами старше
Я стал, но тянет всё сильнее
Испить из благодатной чаши
Хрустальной звонкости твоей.

ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ЛИСТ

Сорвался с кроны лист шестидесятый,
И полетел в туман небытия.

А сколько их умчалось в даль куда-то —
Тех, что не в силах удержать был я.

Листочки-годы не удержишь силой...
Об этом помня, продолжал идти.
С дороги общей камни уносил я,
Друзья чтоб не споткнулись на пути.

И следуя всем нравственным законам,
Чтя заповедь Всевышнего Творца,
Не допускал повышенного тона,
Честь соблюдая, не терял лица.

По жизни шёл, язык не распуская,
И хоть сегодня времена не те,
Но, веру в милосердьё сохраняя,
Не оставлял я ближнего в беде.

... Покинул крону лист шестидесятый,
И улетел далёко от меня.
И, значит, нет дороги мне обратной —
Иду вперёд, в рассвет другого дня.

Лилия ВЕРЕИНА (3-е место)
Из Залмы БАТИРОВОЙ, перевод с аварского

ТРЕВОГА

Когда от нас уйдёт солдат последний
Войны, которую зовём Великой,
То сбережёт ли в памяти наследник
И подвиг тот, и дорогие лики?

От мыслей тягостных — мороз по коже:
Сегодня время изменилось очень,
Кто о войне расскажет молодёжи?
За кем пойдёт она, чего захочет?

Захочет ли узнать о прошлом нашем?
Встать у могилы братской на колени?
И поклониться низко-низко павшим
И выжившим героям тех сражений?

Неведомо, кто их сердца разбудит,
Сегодня засыпающие словно,

Кто сам за мир как будто встанет грудью,
Неся о мужестве великом слово.

В тревоге сердце и горит, и ноет:
А если враг опять нагрянет страшный,
Найдутся ли отважные герои,
Достойные отцов и дедов наших?

* * *

Расул, и мне сегодня, что ли, выпить?
Быть может, станет легче от вина.
Мне чудятся небес высоких всхлипы,
Когда вокруг ночная тишина.
Быть может, это из дали небесной
С тревогой смотрят прадеды на нас.
Совсем не та сегодня жизни песня,
Чистейших нот почти в ней нет сейчас.
Расул, ты горевал, такое было,
И даже с горя выпивал вина,
Тогда казалась жизнь тебе постылой,
Ничуть не лучше и теперь она.
Как будто нынче в мельнице всё той же
Муку всё ту же мелят жернова.
И это сердце бедное тревожит,
И на бумагу просятся слова.
Куда-то справедливость запропала,
И совесть испарилась у иных.
Под ликом добрым прячется «кидала» —
Увы, немало встретишь и таких.
И это правда жизни, а не страхи,
Я за неё сгораю со стыда.
Отцов нам не понравились папахи,
А что наденем вместо них тогда?

Пауза ХУЗАХМЕТОВА (3-е место)
Из Ленара ШАЕХА, перевод с татарского

МОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК

От бабушки родная речь
Осталась в старых сказках добрых,
А дед сумел её сберечь
В своих молитвах, думах долгих.

На языке родном звучал
Над колыбелью мамин голос,
Солёный пот отца стекал
С речами на пшеничный колос.

На языке родном подчас
Веду я с матерью беседу,
Сплетает накрепко он нас
С корнями бабушки и деда.

Повсюду вечером и днём
На нём молюсь и распеваю.
На нашем языке родном
Я говорить вас призываю!

ПРОШУ СЛОВА!

На свете тот народ велик,
Что слово бережёт,
И чем древней его язык,
Тем дольше он живёт.

Сергей Марков

Всё ещё могу припомнить: в детстве, когда я, нагостившись у бабушки, возвращалась под отчий кров, мама, учитель русского языка и литературы, каждый раз замечала: «Опять ты наслушалась бабулиных речей, снова у тебя не «полотенце», а «рушник», не «корзинка», а «плетушка». Ты хоть в сочинениях пиши на современном литературном языке».

А мне доставляло великое удовольствие «побалакать» на обыденном, нашем, деревенском наречии: сочным, душистом и, как теперь понимаю, отточенным, отшлифованном поколениями моих пращуров.

Кликнет, бывало, бабушка со двора: «Вечерять пора, солныш мой ясный!» И поведутся за столом неспешные разговоры. О том, что «на росста-

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

нях нынче пшаница ядрёная да густоющая, о том, что пегая гусыня, через ручей переходя, гусенёнок-двухдневок не убергла, о том, что дед Горох цельную бестарку кукурузных будыльев с откуль-то до хаты припёр»... А в палисаде полыхает маков цвет... А у Божнички лампадка теплится... Букетик бессмертника за Казанской золотится.

И нет ни вечеру этому ласковому конца, ни бабушкиной, пропитавшей насквозь мою память жалостливой песни:

*Вы голубушки подруженьки,
Вы лебёдушки да белые,
Вы соседушки болезные,
Что вы долго снаряжались,
Иль посылку дожидались?..*

А ей в лад вторит-пожжужукивает не знающая ни веку, ни устали липовая прялка, да, зачуяв хозяйкину вечернюю песню, чтоб не мешались, угоманивает на повети неслушных пеструх бурластый кочеток Прошка.

...С тех пор минуло не одно десятилетие. Мой бедный, бедный богатый русский язык! Что с тобою случилось за эти годы? Как остановить накатившие на тебя несчастья?

Прислушайтесь! Матерщина прижилась обыденной, повсеместной речью, как говорят, стала присказкой.

Проходит мимо молодая пара. Кажется, воркуют влюбленно, а приблизишься — ошеломит: парень, ничуть не смущаясь возлюбленной, через слово сквернословит. Да и современные девушки (ухоженные, красавицы!), общаясь меж собой, подчас могут выдать такой набор нецензурщины, что только диву даёшься!

Молодёжь запросто «kozyряет» ею и направо, и налево, и по делу, и без повода, в общественном транспорте, на улице, дома при собственных малых детях. Каких же речей ожидать и от них, подрастающих, в будущем?

Услышишь ненароком сквернословье — полымем обожжёт. И пристыдишься, будто не девчонка или парень пересыпает свою болтовню матерными прибаутками, а ты сам. Потому что молчишь... потому что терпишь...

Но попробуй воспротивиться! Тут же на тебя опрокинется ушат такой изошрённой брани, что ты за всю свою жизнь и не знавал.

Мне могут напомнить, мол, мат в русском языке присутствовал испокон веку. Да, соглашусь, остренькое матерное слово случалось, а иногда даже зачастую прорывалось у русского мужичка, и он мастерски «присаливал» им свою речь.

Но, как правило, это происходило, когда не доставало уже иных доводов.

От дедушки моего, орловского крестьянина, дожившего до глубоких седин, мы, дети и внуки, ни разу не удостоились услышать откровенного грубого ругательства. Находил же он, полуграмотный деревенский мужик, весомые слова и выражения, чтобы «окоротить» шалости малых, наставить, а порой и отчитать за проступок или промашку более взрослых членов его многочисленного семейства.

Зашумит, бывало, дедуня, обучая внука донце у плетушки заплетать: «Ёлки зелёные! Пескари-комарики! Ай, у тебя за-место головы ведёрко пустое?!» На том и всё его ругательство.

Правда, соседка тётка Шура, бедовая душа, выйдет, бывало, в Престол на круг, подмигнёт лукаво и выдаст:

*Ох, вы сени, мои сени,
Сени стали дребезжать.
Полежала б я на сене,
Да не хочется рожать!*

А какой-нибудь зубоскалистый мужичонка не замедлит ей в ответ:

*Мне сегодня между ног
Как-то очень весело.
Это милка мне на ...
Бубенцы навесила!*

Шутки, и не более... Всё ложилось к месту, и вызывало в сердце не гнев, а улыбку.

Это было нечто совершенно иное, редкостное, и не носило такого массового характера, не было явлением такого масштаба.

А теперь? К чему же удивляться, когда и телеведущие, и герои их передач, даже высокопоставленные чиновники и политики запросто позволяют себе перед широкой публикой вворачивать такие словечки, что не веришь своим ушам, переспрашиваешь у рядом находящихся, не ослышался ли.

Что с нами происходит? Как же так случилось, что мы опошляем, уничтожаем собственный язык, издеваемся над ним — великим могучим русским языком?! На котором созданы «Евгений Онегин» и «Братья Карамазовы», «Война и мир» и «Анна Снегина». На котором написано множество величайших произведений мировой литературы!

Всё не так просто, но всё же объяснимо.

Когда-то Виктор Боков сказал: «Язык — одно из самых ярких проявлений народного бытия, он, как окна в доме, освещает внутреннюю жизнь народа». Может быть, следует добавить, что и внутренняя жизнь народа, в свою очередь, не может не влиять на состояние языка.

Одной из важнейших причин бедственного положения русского языка является истребление истинной национальной культуры, преступно-безразличное отношение к её будущему, слепое преклонение перед западными субкультурами, лавиной хлынувшими во все уголки России благодаря стремительному разрушению государственных устоев, повлёкших за собой разнузданность и в семейных отношениях, и в языке... Да и, будем откровенны, во многом, многом другом.

В постигшую нас эпоху потрясений и катаклизмов в наш язык просочились, прошмыгнули, прокрались тысячи заимствованных слов. Порою кажется, что СМИ общается с народом вообще на чужеземном языке или на какой-то тайной тарабарщине.

Поневоле скажешь вслед за героем известного фильма: «В моём доме попрошу не выражаться!» Попробуй, продерись к смыслу сообщаемого, если перед глазами мельтешат рокеры, брокеры, маклеры, тендеры, саммиты, дилеры, киллеры, экстрасенсы да консенсусы!

Ведь, по правде сказать, необходимости-то в этих заимствованиях вообще не было и нет. Уж на каком-каком, а на русском, с его величайшим лексическим запасом не сумеешь подобрать точного слова для описания того или иного явления, предмета или действия — в это просто невозможно поверить!

Но удачно пристроившимся к непростой обстановке в государстве, «попавшим в золотую струю» не до «великого и могучего», не до бережного отношения к языку Александра Сергеевича и Фёдора Михайловича. Ради наживы они с лёгкостью могут поступиться и своим языком, и своими национальными корнями вообще. Наловчившись трещать по «клёвой мобиле» на всеобщем бизнес-языке, глядишь, со временем, «нарубив капусты», не оглянувшись на отцовские могилы, «свалят за бугор» и были таковы.

А в замусоренной иностранщиной России, пусть себе ютятся, заглатывая с утра до вечера мыльные оперы и триллеры (чтобы особо ни о чём не задумывался), «разведённый» пирамидами, маклерами и диллерами, не сумевший вовремя подсуетится электорат.

И ранее, на протяжении многих веков, различными путями (через торговлю с иными землями, во время военных по-

ходов русских войск за свои пределы, и, наоборот — в период вторжения иноземных армий на территорию России и т.п.) язык наш пополнялся иноязычными словами. Но если хорошо присмотреться, наплыв их не был никогда так велик. И самое главное — заимствованная лексика безболезненно осаждалась, «обрусевала», и её не столь великое количество никоим образом не было способно ущемить, отодвинуть на задворки национальной жизни нашу родную, исконно русскую речь.

А.С. Пушкин отметил в своё время: «...язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи...< > Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей».

Иногда вдруг содрогнёшься от мысли: кому-то очень это нужно, кто-то целенаправленно обращает нашу нацию в безродную, беспомощную толпу, если так обстоит дело с коренным её языком. Ведь народ жив до тех пор, пока помнит свой язык, свои традиции. И если забывает их — обречён.

Сколько времени ещё необходимо, чтобы указ президента РФ о создании Совета по русскому языку был принят по-настоящему к действию и выполнен хоть в какой-то мере? Сколько лет прошло со дня выхода того указа! Но, как сказал бы знаменитый баснописец, «а воз поныне там».

Ни программы, ни учёные разработки не помогут нашему родному языку до тех пор, пока серьёзно не будет разработана методика преподавания русского языка с самых начальных ступеней обучения, с начальной школы до высшей школы — вузов. Причём первое, к чему надо приступить, на чём сконцентрировать особое внимание, — это традиции речевой культуры.

Образованный человек просто обязан правильно выражать свои мысли, красиво и, самое важное, — грамотно разговаривать, писать документы и т.д.

Не помешало бы вспомнить, как чётко и красиво изъяснялись образованные люди прошлых веков. Можно привести тысячи примеров из произведений наших классиков, из гениальных речей отечественных политиков и ораторов.

С каким изяществом в те времена писался обычный заурядный документ или справка! Вот пример: (в 1636 году!) орловские пушкари с Пушкарной слободы писали в челобитной: «Приехали мы на пустом месте, помираем голодною и студёною смертию, живём по ямам и шелошом, людишки бедные».

А если взять художественные тексты! Те же летописи. Или заглянуть в сокровищницу русского фольклора — исторические песни и баллады:

*...Побелела у него головушка, ровно белый снег,
Потусмели у него, сиза орла, очи ясные,
Примахал сизой орёл свои крылья резвые,
Обломал свои остры когти, вплоть до пальчиков...*

Нельзя не вспомнить и слог нашего великого соотечественника, Александра Сергеевича Пушкина, произведениями которого гордится вся человеческая цивилизация:

«...Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь, ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком...»

Да уж это точно не «Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша»!

Когда я, постоянный обитатель книжных магазинов, чтобы выудить нужную мне книгу, копаюсь в огромных залежах макулатуры на полках магазинов не только нашего городка, но и в столице, с горечью сожалею о временах цензуры. Графоманы торжествуют! Дорвались! Полная анархия в книгоиздательстве! Есть деньги — любой их каприз, любой полночный бред, что хочу, то ворочу! Вот когда возжелаешь цензуры! Совершенный бесконтроль — и политический, и того важнее — нравственный, духовный!

Знаю, знаю, меня могут упрекнуть (не раз уж упрекали), мол, устарела, надо шагать в ногу со временем. И писать надо на языке, чтобы читатель не лез в словари, особо «не заморачивался». Некогда, некогда ему сейчас вдаваться в твои лирические отступления, надо его, по горло занятого, особо не напрягать, «не грузить»: пролистал роман-однодневку, написанную на эрзацязыке, отдохнул на лёгоньком сюжетце и выбросил в урну по пути на работу.

Тот же фастфуд, только печатный. И если (опять же привнесённый с Запада) макдональдский фастфуд вредит желудку и остальным органам, то книжный, газетный и вообще

печатный фастфуд разрушает, растлевет интеллектуальное и духовное здоровье нашей нации.

А вот тут уместно бы вспомнить (пусть даже зашушукают в мой адрес о национализме), кто мы вообще-то есть. Вспомнить о нашей национальной гордости, нам, носителям великого и могучего русского языка. Вспомнить и возродить, к примеру, в этой связи забытое исконно русское слово «вече». И на этом самом вече, а не на каком-то там, Бог знает откуда взявшемся на наших русских просторах «референдуме», всерьёз, прилюдно, потолковать о том, что в России проводится целенаправленная политика деруссификации, «разгосударствления» её величайшего достояния — исконно русского языка.

Настала крайняя пора об этом не только подумать, но и предпринять решительные действия по спасению нашего родного языка.

Нестерпимо хочется верить, что наши правнуки будут помнить о своих корнях, с любовью, бережно относиться к своим национальным традициям, к родному русскому языку, а самое главное — гордиться, что они — русские!

г. Орёл

РАЗМЫШЛЕНИЯ У «КРАСНОЙ ЧЕРТЫ»

Всё началось на этот раз в космосе. Оттуда американский спутник-шпион сообщил, что заметил перемещение российских войск у границы России с Донбассом. Это были очередные учения, на которые обычно никто не обращал внимания ни в НАТО в Брюсселе, ни в Пентагоне. А тут вдруг был дан всемирный сигнал тревоги, повторивший панический крик министра обороны США Форрестола, выпрыгнувшего из окна вашингтонской психушки: «Русские идут!»

Уже позже выяснилось, что очередная русофобская кампания на Западе по поводу «угрозы Москвы» была шита белыми нитками и развязана для прикрытия подготовки к очередному этапу вовлечения Украины в приготовления США и НАТО к новым военным провокациям у границ России и к размещению на ее территории военных контингентов НАТО и ракетно-ядерного оружия. Возникла прямая военная угроза России — продвижение НАТО на восток подошло непосредственно к самой российской границе.

Дальнейшее расширение НАТО на восток и угроза размещения ядерного оружия США на Украине привели к

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

тому, что в Москве были вынуждены заявить, что «коллективный Запад» подошел к той «красной линии», пересечение которой недопустимо и приведет к вооруженному конфликту, чреватому третьей мировой войной.

Владимир Путин как-то объяснил свою реакцию на наглые притязания Запада тем, что его просто «достали». Напомню, что противостояние России и Запада берет свое начало еще в XI веке, с той «великой схизмы», раскола Христианской церкви на католическую и православную в 1054 году. Запад не оставлял с тех пор своих попыток уничтожить Государство российское и построенную на Православии русскую цивилизацию, привлекая к этому своих союзников на всех меридианах.

«Крестовые походы» на Русь не прекращались и продолжают в той или иной форме по сей день. Их организаторам все равно, какой строй существует в России — монархия или республика, капитализм или социализм, демократия или диктатура. Главная цель во все века оставалась одной — уничтожение России как государства и цивилизации и геноцид русского народа. И несмотря практически на постоянную агрессию с западной стороны, Россия не отвечала опустошением завоевателям, посягнувшим на само ее существование. Великий император России, победитель Наполеона Александр I дошел со своей победоносной армией до Парижа, но не стал присоединять покоренную им «наполеоновскую Европу» к России. А проклинаемый до сих пор всеми либералами и русофобами Сталин, одолев Гитлера и вставшие под его знамена европейские страны, мог вообще всех их стереть с лица Земли, но дал им шанс сохранить свою государственность. Увы, об этом на Западе предпочитают не вспоминать.

История научила этих «крестоносцев», что победить Россию на поле боя невозможно. Ее можно только разложить и взорвать изнутри, чем эти господа и занимаются все последние годы, пользуясь извечной русской доверчивостью и добротолбием.

В истории России отмечено немало таких моментов, когда она оказывалась у той «красной черты», переход которой врагом требовал немедленных ответных действий. Задержка с такой реакцией неизменно оборачивалась многочисленными потерями и жертвами.

Примеры тому в XX веке — недопустимая толерантность царского правительства да и самого Николая II по отношению к «революционной» пятой колонне, приведшая к гибели Российской империи. А в советское время — попытки умиротворить Гитлера, обернувшиеся самой страшной войной в

истории России и потерей почти 30 миллионов жизней советских людей, и, наконец, развал Советского Союза, в результате чего произошли урезание исторической России и отказ от 25 миллионов русских людей, оставшихся на чужбине.

И вот мы сталкиваемся с новой угрозой. В нынешней администрации США открыто заявляют, что не намерены никому уступать роль доминирующей державы в современном мире и намерены выстраивать новый мировой порядок только по своим лекалам.

Так, в конце декабря 2021 года госсекретарь США Энтони Блинкен, известный своим участием в разработке первых санкций против России еще при Обаме, заявил, что США намерены и впредь играть только ведущую роль на мировой арене. Госсекретарь объявил, что «лидерство США необходимо», так как «мир не организует себя сам», а поэтому без их участия «получается хаос». Блинкен добавил, что по итогам личных встреч и бесед со своими зарубежными коллегами, он пришел к выводу: «Каждый регион мира откровенно радуется участию и лидерству США». Вот так и не иначе!

Этакое мессианство появилось в США еще до войны за независимость, намного раньше американской идеи распространения демократии по всему белому свету у первых пуритан-переселенцев из Англии в виде концепции «Града на холме» — совершенного общества, которому предназначено стать примером для всего остального человечества, погрязшего в грехах, заблуждениях и деспотии. Эта идеологическая парадигма, лежащая в основе ощущения собственной правоты американцев и превосходства в отношении с остальным миром, и есть источник американского мессианства.

В ходе известного путешествия на корабле «Мэйфлауер» в 1620 году из Англии в Новый Свет, пассажиры которого в современных США приравнены к аристократии, переселенцы-пуритане, «отцы-пилигримы» видели себя новым избранным Богом народом — «Новым Израилем». Земля Северной Америки, как они полагали, была дарована им Всевышним, как евреям, бежавшим из Египта, земля обетованная, Ханаан, который они завоевали, вырезав местное население. По жестокой аналогии с Ветхим Заветом, пришельцы из Англии вырезали индейцев, чтобы построить «Новый Сион». На этой базе строилась концепция *Богом избранной нации*, девизом которой стала надпись на американском долларе «С нами Бог!» Эта почти мистическая вера американцев в предназначение Америки позволяет президентам США действовать якобы от имени Господа Бога и рассуждать о нежелательной

им покориться России как об «империи зла» (Р. Рейган) или «оси зла» (Дж. Буш-старший) и заявлять, как Барак Обама, что они «верят в американскую исключительность всей душой».

Господин Блинкен, известный своими сионистскими взглядами, к потомкам пассажиров «Мэйфлауера» не принадлежит. Он правнук еврейского писателя Меера Блинкена (1879—1915) из г. Переяслава Киевской губернии. Его еврейские предки по отцовской линии прибыли из России в США на эмигрантском пароходе. Но история иногда совершает такие повороты в судьбе народов, которые, казалось бы, совершенно невероятны, но тем не менее становятся реальностью. Обращение пуритан-переселенцев к Ветхому Завету в оправдание их кровавой колонизации Америки как якобы данной им Богом «земли обетованной» также активно использовали десятки тысяч евреев-переселенцев из зоны оседлости России и из еврейских гетто в Европе. Они также назвали Америку своей землей обетованной, своим Сионом и поначалу всячески сопротивлялись попыткам лидеров Всемирной сионистской организации (ВСО) поставить их под свой контроль. Так, в 1898 году на конгрессе Американского еврейского комитета, созданного еврейскими эмигрантами из Германии, были провозглашены лозунги «Америка — наш Сион» и «Америка — наша страна обетованная». В резолюции того конгресса было сказано: «Мы единодушно противостоим политическому сионизму...» Однако к началу XX века это сопротивление было сломлено. США становятся центром международного сионизма, и ВСО переселяется на берега Гудзона. И до сих пор США остаются главной опорой сионизма и его надежной базой.

Конечно, не только на базе Ветхого Завета произошло слияние американского истеблишмента и его финансового капитала с еврейским «передвижным государством». Со времен исхода евреев из разгромленного киевским князем Святославом Хазарского каганата, где они сумели поставить местных каганов под свой контроль и захватить власть, сионисты веками внедряли это передвижное псевдогосударство и свою химерическую цивилизацию в самые мощные империи Европы, включая Россию, стремясь поставить их под свой контроль, пока не дошли до берегов Америки. Сращение американского финансового капитала и куда более древнего еврейского капитала, выросшего до глобальных масштабов на ростовщичестве, предопределило их симбиоз в виде некоего Американского каганата на базе общего стремления к мировому господству. И именно на этой базе, несколько

перефразируя Маркса, «...евреи стали настолько же американцами, насколько американцы евреями» (в оригинале у Маркса вместо слова «американцы» используется слово «христиане») («К еврейскому вопросу»). Поэтому не стоит удивляться тому, что потомок украинских евреев госсекретарь США Энтони Блинкен объявляет о праве американцев вмешиваться в дела других государств и устанавливать там удобные США порядки, как и тому, что правительство президента США Джо Байдена, потомка пуритан-переселенцев, заявившего еще до своего избрания на этот пост: «Я сионист!», состоит на 90 процентов из евреев, таких же, как он, убежденных сионистов. Произошло полное единение американской и еврейской элиты, и теперь этот тандем претендует на то, чтобы править всем миром.

Когда российские либералы, вторя своим западным наставникам, пытаются убедить русский народ и руководство России в том, что Запад ничего, кроме добрых намерений и желания продвинуть демократию на восток, не имеет, невольно вспоминаешь известный афоризм «Добрыми намерениями выложен путь в ад».

Мне не раз приходилось слышать от наших «либералов» упреки в «излишней жесткости» по отношению к «коллективному Западу», где на политическом поле действуют не только оголтелые ястребы-русофобы, но и вполне здравомыслящие «голуби». Да, во все времена в США и Западной Европе были и есть сейчас здравомыслящие политики. Они выступают за диалог с Россией. Среди них немало честных, порядочных людей. Однако в отличие от нашей страны, где они были желанными гостями даже в Кремле, те, кто реально правит Америкой и всем западным миром, их мнение при выработке политики по отношению к России игнорировали — даже и тогда, когда учитывали его, исходя из основных стратегических целей США и разработанных там планов завоевания мирового господства.

Под личиной «здравомыслящих», однако, действовала и действует целая когорта разрушителей России, сыгравшая кардинальную роль в разложении Советского Союза изнутри, а теперь орудующая на всём постсоветском пространстве, скармливая доверчивым политикам и обывателям русофобские «печеньки».

И остается только удивляться, как и почему в число «здравомыслящих» был зачислен, например, бывший госсекретарь США и один из руководителей сионистско-масонской ложи «Бнай Брит» Генри Киссинджер. Именно он, а вовсе не Иуда-Яковлев, был реальным «архитектором перестройки»,

скроенной по лекалам ЦРУ. Его радушно принимали в Кремле при Горбачеве и при Путине, который познакомился с Киссинджером еще во время своей работы у Собчака в питерской мэрии. Имя этого гуру американской дипломатии в российских верхах, либеральных кругах, в их теледебатах и токшоу («Постскрипtum» сенатора А. Пушкова, «Большая игра» В. Никонова и Д. Саймса, «Вечер с Соловьевым» и др.) произносится с почтительным придыханием. Между тем в своей известной книге «Дипломатия» Киссинджер высказался достаточно откровенно, чтобы понять простую истину: он — враг России. «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну, — писал он в этой книге, — тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство»).

Киссинджер был главным ходатаем сионистов в СССР. 2 мая 1973 года, накануне своего очередного визита в Москву в качестве секретаря по национальной безопасности в администрации президента Никсона, он встретился с руководителями основных сионистских организаций США, которые передали ему список «отказников» для передачи его Леониду Брежневу с просьбой «отпустить их на историческую родину», т.е. в Израиль. В противном случае лидеры сионистов пообещали пробить через конгресс США поправку Джексона — Веника, которую Никсон не поддерживал, так как она накладывала ряд серьезных ограничений на торговлю с Советским Союзом. Киссинджер наказ своих соплеменников и единомышленников выполнил. А Никсону вскоре после этого устроили Уотергейт и импичмент за его рискованное нежелание идти на поводу у сионистов, которые до него со времен Вудро Вильсона всегда получали полную поддержку в Белом доме.

После развала СССР, в котором Киссинджер принял самое активное участие еще в бытность свою советником Никсона, он принялся за разработку плана столкновения России с Китаем. Великий «стратег разрядки» не скрывал, что хочет «превратить Россию в Украину», используя ее как «гаран» против Китая. Предлагалась такая схема: в российских СМИ будет наращиваться антикитайская истерия, которая вызовет столкновение РФ и КНР, как это произошло при Хрущеве, а агенты влияния США в российских СМИ и властных структурах будут продвигать одновременно тезис о том, что в случае налаживания союзнических отношений с США российская экономика небывало расцветет.

«Челночная дипломатия», которую вот уже много лет практикует Киссинджер, построена на принципе «Разделяй и властвуй!» Она и была задействована для развала Советского

Союза. Теперь г-н Киссинджер примеряет ее к России. Знаменательно в этом плане признание самого этого супермасона, датированное 16 января 2012 года: «Соединенные Штаты минимизируют Китай и Россию... Мы позволили Китаю увеличить свою военную мощь, дали России время, чтобы оправиться от советизации, дали им ложное чувство превосходства, но всё это вместе быстрее приведет их к гибели. Мы, как отличный стрелок, не нуждаемся в выборе оружия подобно новичкам, и, когда они попробуют рыпнуться, мы сделаем банг-банг».

Так что, когда «старина Генри» клялся в своей «любви к России», это надо было делить на десять. К сожалению, этого не учитывают российские политики, которые не устают славословить Киссинджера за его «реализм» и «мудрость», как это делают, например, мастер «словесной пурги» пресс-секретарь Путина Песков и другие западники. Киссинджер был заклятым врагом России, и это надо четко осознавать тем, кто стоит у руля управления государством российским. И если он так охотно, несмотря на свой возраст и многочисленные болезни, спешил на встречи в Кремле, то только потому, что осознавал как опытный дипломат, что в современном мире без участия России не могут быть решены те проблемы, с которыми сталкивается мировое сообщество.

Возрожденный статус России как великой державы требует бдительности по отношению к масонским «архитекторам» и «прорабам», ибо здание мира возводится веками, а война разрушает его в одно мгновение.

Развал СССР привел к резкой активизации тысячелетнего противоборства России и Запада. На постсоветском пространстве продолжается стратегия «отрыва по кусочку» бывших советских территорий и зон влияния с целью не только поставить их под контроль США и НАТО, но и использовать в вооруженных конфликтах, как в ходе грузино-южноосетинского конфликта в 2008 году, обернувшегося прямым военным столкновением режима вашингтонской марионетки Саакашвили с Россией.

«Натоизация» постсоветского пространства, начавшись в самом конце XX века, несмотря на данные России обещания не заходить за границу бывшего СССР, не прекращается. В 1999 году в блок НАТО вошли бывшие члены Варшавского договора: Чехия, Венгрия, Польша. В 2004 году членами НАТО стали: Эстония, Болгария, Литва, Латвия, Румыния, Словакия и Словения; в 2009 году — Албания и Хорватия, а в 2017 году — Черногория. В очередь выстроились «страны — аспиранты НАТО»: Босния и Герцеговина, Грузия, Украина.

В «Индивидуальный план партнерства с НАТО» в 1994—2006 годах были вовлечены: Азербайджан, Армения, Казахстан, Молдавия и Сербия.

Расширение НАТО на восток, противоречащее всем договоренностям, достигнутым с США и НАТО с Москвой после 1991 года, обернулось бандеровским путчем 2014 года на Украине, подготовленным ЦРУ США и другими натовскими спецслужбами, и попыткой государственного переворота в Белоруссии в 2020 году. Бесконечные санкции, направленные против России и Белоруссии, вводимые одновременно с наращиванием военного противостояния, размещением средств ядерного нападения США в Восточной Европе в нарушение Договора о СНВ-3, и постоянные вооруженные провокации против самопровозглашенных республик Донбасса не оставляют сомнения в том, что «коллективный Запад» во главе с США сделал по образцу «третьего рейха» окончательную ставку на военное решение исторического конфликта с Россией и Русским миром.

Конкретные планы развала России и ее уничтожения, разработанные в США, берут свое начало в первом десятилетии XX века. Именно на тот период приходится становление в США того «глубинного государства», по Трампу, которое было создано совместными усилиями международного сионизма и крупного финансового капитала США, получившего в печати название «Американский каганат».

С претензиями на мировое господство и на уничтожение исторической России, тому препятствующей, это пуритано-сионистское братство США стало активно выступать незадолго до Первой мировой войны.

На своей декабрьской пресс-конференции Путин упомянул некоего «американского чиновника», который «предлагал разделить Россию на несколько государств». Этим чиновником был финансист из Техаса «полковник» Мандель Хаус, помощник президента США Вудро Вильсона, которого киты сионистского капитала в США «посадили» в 1912 году в Белый дом. Хаус не был самостоятельной фигурой, а был тесно связан с еврейскими банкирами США и сионистским руководством, в частности, с финансистом Бернардом Барухом и раввином Уайзом. Первый финансировал предвыборную кампанию Вильсона, а второй обеспечил ему поддержку в еврейской общине США. Мандель стал их серым кардиналом в администрации Вильсона, «стоя в тени, — как он сам писал, — за креслом президента», который послушно следовал его советам из его сионистского окружения.

Именно эту троицу исследователь сионизма Дуглас Рид считает разработчиками планов захвата мирового господства еврейским мировым правительством после Первой мировой войны и развала европейских империй, включая Российскую (Д. Рид. «Спор о Сионе»).

Со времен Вильсона просионистский курс оставался основной внешней и внутренней политики США. Хаус был ключевой фигурой в передаче этой эстафеты от Вильсона Рузвельту, а затем Трумэну. «Я был тесно связан с движением (сионистским. — В.Б.), — писал он в своих мемуарах, — которое выдвинуло Ф. Рузвельта кандидатом в президенты США».

Обычно его имя связывают с так называемым «планом Хауса» о разделе России, что и имел в виду Путин. После Февральской революции 1917 года, которую президент Вильсон восторженно приветствовал в своем письме Керенскому, Хаус записал в своем дневнике: «Она (Россия) слишком велика и слишком гомогенна для нашей безопасности. Остальный мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Я бы хотел видеть Сибирь как отдельное государство, а Европейскую Россию, расчлененную на три части».

О том, что этот план США всерьез собирались реализовать, доказывает официальная карта, составленная Госдепартаментом США для Парижской мирной конференции и озаглавленная: «Предлагаемые границы в России». На этой карте от России не было оставлено ничего, кроме Среднерусской возвышенности. В приложении к этой карте говорилось: «Всю Россию следует разделить на большие естественные области, каждая со своей экономической жизнью. При этом ни одна область не должна быть настолько самостоятельной, чтобы образовать сильное государство». Уже 19 ноября 1917 года американский посол в России обратился с «призывом к русскому народу», потребовав сохранять «благоразумие» и передать США Транссибирскую железную дорогу.

За этим последовала интервенция стран Антанты, которая должна была, по замыслу Вашингтона и Лондона, активно поддержавшего план Хауса по разделу России, окончательно похоронить российскую государственность. За это в США ратовали и демократы, и республиканцы. Сенатор-республиканец Майлз Поиндекстер в своей статье, опубликованной им в «Нью-Йорк таймс» 8 июня 1918 года, заранее торжествовал: «Россия является просто географическим понятием, и ничем больше никогда не будет. Ее сила сплочения, организации и восстановления ушла навсегда. Нация не существует». Русских готовились уничтожить только за то, что

они русские. Не напоминает ли это недавнее витийствование сенатора США Джона Маккейна от 16 марта 2014 г.: «Россия — это ржавая бензоколонка, которая притворяется страной». Ничего не меняется — ни ненависть к России, ни отсутствие трезвого понимания ее исторической миссии и ее возможностей.

Раздел России, однако, был лишь частью «Плана Хауса» по переустройству мирового порядка. Этот план был разработан, и не только им, как долгосрочная стратегия США по завоеванию мирового господства. Первая мировая война была крайне выгодна США. Из мирового должника (3 млрд. долга перед войной) они стали мировым кредитором (им были должны 2 млрд. долларов). Промышленность США окрепла на военных заказах, увеличилась численность населения, люди бежали из Европы от ужасов войны, стараясь начать новую жизнь за океаном. Главным стратегическим партнером США должны были стать англичане; вместе с Англией США могли диктовать условия мира всем остальным странам. Вместе они и собирались расчленить Россию, ослабить позиции Франции, Италии, Японии. Причем в итоге Англия становилась младшим, подчиненным партнером. Так готовился новый мировой порядок, образование мирового правительства, где США будут доминировать, получив роль не только мирового учителя демократии, но и роль мирового судьи, который мог влезать в любой конфликт.

Россия по «Плану Хауса» расчленялась на четыре территории, которые попадали под политическое и финансово-экономическое влияние США, становясь фактически их сырьевым придатком и рынком сбыта товаров, потеряв всяческое влияние в мире. Православное христианство так же не нравилось Хаусу, он считал, что его «надо разрушить и заменить религией по типу протестантизма».

Все эти планы были приняты на вооружение руководством США. В октябре 1918 года правительство Вильсона разработало тайные «комментарии к 14 пунктам», в которых предлагалось окончательно решить «русский вопрос» при помощи расчленения России на отдельные «самостоятельные области», подвластные США.

Мандель Хаус разрабатывал свой «план» завоевания мирового господства и создания мирового правительства, следуя непосредственным указаниям сионистского олигарха Бернарда Баруха, который был не только основным спонсором президентской кампании Вудро Вильсона, но и состоял советником при нем, а затем при президентах Франклине Д. Рузвельте и Гарри Трумэне. По нынешним меркам, он купил

влияние на власть по дешевке, внося в фонд демократов всего 50 тыс. долларов. В благодарность за это, Вильсон назначил его в ведомство национальной обороны. Во время Первой мировой войны он стал главой Военно-промышленного комитета и сыграл ключевую роль в переориентировании американской экономики на военные нужды, а также активно способствовал установлению господства сионистского капитала США в оборонной промышленности.

Барух — один из богатейших людей Америки, «одинокий волк Уолл-стрита», как его называли, считается создателем военно-промышленного комплекса США и его идеологом. В 1947 году именно он, а не Уинстон Черчилль, как принято считать, первым в мире в официальной обстановке употребил термин «холодная война». Барух привел к власти трех президентов Америки — Вудро Вильсона, Франклина Рузвельта и Гарри Трумэна. Все они активно поддерживали сионистов, а Трумэн первым поддержал создание государства Израиль. С тех пор все президенты США от Демократической партии, вплоть до Байдена, были и есть сионистами по убеждению.

Заслуги Баруха в создании альянса международного сионизма и американского правящего истеблишмента были оценены на самом высоком сионистском уровне. 7 октября 1958 года на 115-й ежегодной сессии съезда сионистско-масонского ордена «Бнай-Брит», этого старейшего и самого влиятельного объединения мирового еврейства, в руководство которого он вошел задолго до этого, его лидер Филипп Ключник вручил ему высшую награду — президентскую медаль ордена «Бнай-Брит». В его составе сегодня — около 500 тысяч человек, вся сионистская элита, и он действует в 64 странах.

Вторым толкачом президента Вильсона во власть был видный сионист, раввин Стивен Уайз, ближайший сподвижник основателя Всемирной сионистской организации Теодора Герцля. Уайз мобилизовал еврейскую общину США на его поддержку на выборах. В 1917 году именно он убедил Вудро Вильсона одобрить декларацию Бальфура в поддержку еврейского поселения в подмандатной Палестине.

Раввин Уайз возглавлял Сионистскую организацию Америки. В 1925 году он стал председателем Керен ха-Йесода (органа ВСО по сбору средств). А с 1936 года до своей смерти в 1949 году был президентом-основателем Всемирного еврейского конгресса (ВЕК), который слился с Всемирной сионистской организацией. На этом посту Уайз вплоть до 1942 года, когда фашисты уже успели уничтожить 2 млн. евреев, всячески замалчивал гитлеровский геноцид и «окон-

чательное решение» Гитлера об уничтожении всех евреев Европы. Такое «умолчание» объяснялось тем, что американские олигархи, в том числе еврейские, несмотря на союзнический договор с СССР, продолжали поставлять сырье и оборудование третьему рейху, на чём наживался и сионист-миллиардер Бернар Барух. Уайз был также близким другом президента Франклина Д. Рузвельта и советником Г. Трумэна, который с подачи Уайза и других сионистов одобрил решение ООН о создании государства Израиль.

Запад никогда не отказывался от реализации плана Хауса и от планов уничтожения исторической России вместе с русским народом. Там долго тянули с открытием второго фронта во время Второй мировой войны. Известна «формула Трумэна». Будучи еще сенатором, Гарри Трумэн заявил через день после нападения Германии на СССР: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах видеть Гитлера в победителях» (The New York Times, 24.06.1941). Впоследствии ему уже в качестве президента США предстояло сыграть ключевую роль в развязывании холодной войны между двумя сверхдержавами — Соединенными Штатами и Советским Союзом.

В ходе Ялтинской конференции союзных держав 4—11 февраля 1945 года, где лидеры СССР, США и Великобритании разделили Европу на социалистический лагерь и Западную Европу, были проведены те «красные линии» зон влияния, которые участники обязались не пересекать. Однако адепты «Плана Хауса» по переделу мира в пользу Запада стали нарушать эти договоренности, как только Черчилль и Рузвельт простились со Сталиным в Ялте.

На Западе долго скрывали тот факт, что по инициативе Черчилля еще весной того же года, когда до полного разгрома рейха оставались считанные дни, была разработана операция «Немыслимое». Лишь к концу XX века были рассекречены эти планы «нашего» британского союзника по антигитлеровской коалиции, которые предполагали предпринять контрнаступление против Красной армии с целью не допустить контроля СССР, «угрожавшего западной цивилизации», над Восточной Европой и Германией. В операции планировалось использовать до 12 немецких дивизий, сложивших оружие на Западном фронте. Так что не Сталин опустил тот «железный занавес», который разделил мир на два противостоящих лагеря — западный и советский.

Фултонская речь Уинстона Черчилля 5 марта 1946 года стала открытым вызовом вчерашних союзников в борьбе с фашизмом Советскому Союзу. Когда Черчилль провозносил эту свою знаменитую речь, кризис в отношениях с Москвой достиг высшего накала, и президент Трумэн даже грозился применить ядерное оружие. В штабе генерала Эйзенхауэра был даже подготовлен план «Тоталити» — первый из американских планов войны с СССР. В ходе последовавшей за этой речью холодной войны предпринимались неоднократные попытки осуществить «План Хауса» с целью противостояния Советской империи. Не мытьем так катаньем. Напомню по датам:

— Берлинский кризис 1958—1961 годов, завершившийся строительством Берлинской стены с целью прекращения постоянных провокаций со стороны Запада;

— с 25 июня 1950 года до 27 июля 1953 года — война в Корее;

— с 19 декабря 1946 года по 21 июля 1954 года — война в Индокитае;

— антикоммунистический путч в Венгрии в 1956 году;

— выступления антисоциалистических сил в Чехословакии и Польше в 60-е и 80-е годы;

— войны Израиля против арабских стран, входивших в зону влияния СССР в 1956—1973 годы;

— война в Афганистане 1979—1989 гг.;

— и наконец — развал Советского Союза в 1991 году.

Эта крупнейшая операция, готовившаяся тайно почти десять лет, подтвердила еще и еще раз, что тень полковника Менделя Хауса никогда не покидала Белый дом. В книге американского историка, исследователя Гуверовского института Петера Швейцера, известной в России под заголовком «Победа-1» и посвященной операции по развалу СССР, рассказано о том, как 30 января 1982 года на собрании рабочей группы был принят план Кейси по развертыванию тайных наступательных операций против СССР. Под грифом «Совершенно секретно» он получил название «План NSDD» («Директива администрации Рейгана в деле стратегии, целей и устремлений США в отношениях с СССР»). «План NSDD» предусматривал, что целью США с момента вступления этого плана в действие является уже не сосуществование с СССР, а изменение советской системы. Вся рабочая группа признала необходимое достижение одной цели — распад СССР.

Суть «Плана NSDD» сводилась к следующему:

1. Тайная финансовая, разведывательная и политическая помощь движению «Солидарность» Польши. Цель — сохранение оппозиции в центре Варшавского договора.

2. Значительная финансовая и военная помощь афганским моджахедам. Цель — распространение войны на территорию СССР.

3. Тайная дипломатия в странах Западной Европы. Цель — ограничить доступ СССР к западным технологиям.

4. Психологическая и информационная война. Цель — техническая дезинформация и разрушение экономики СССР.

5. Рост вооружений и поддержание их на высоком технологическом уровне. Цель — подрыв экономики СССР и обострение кризиса ресурсов.

6. Сотрудничество с Саудовской Аравией для снижения мировых цен на нефть. Цель — резкое снижение поступления твердой валюты в СССР.

Все цели «Плана NSDD» по развалу СССР и социалистического содружества были достигнуты. 1 июля 1991 года на встрече в Праге была официально распущена Организация Варшавского договора. На очереди была ликвидация Советского Союза. Он прекратил свое существование 31 декабря 1991 года. Но на этом заговор Запада против России и ее союзников не закончился. Крестовый поход продолжался. Бывшие члены Варшавского договора один за другим вошли в НАТО. За этим последовали бомбардировки братской нам Югославии силами НАТО в 1999 году и ее раздел, война в союзной России Ливии, бомбардировки ее странами НАТО в 2011 году.

Всё шло по единому сценарию: «цветные революции» на Ближнем Востоке, бандеровский переворот на Украине в 2014 году, вторжение США в Ирак и Сирию, окружение России силами НАТО, разместившимися со своими ракетами с ядерными боеголовками, способными достичь Москвы за несколько минут, по ее западным границам. И дальше всё выглядело как продолжение рейгановского «Плана NSDD» по развалу СССР.

Ставка мировой закулисы, осуществившей по возрожденному «Плану Хауса» развал СССР руками ЦРУ и пятой колонны, и сегодня делается в основном на русофобию и национал-сепаратизм, признаки которого мы, увы, наблюдаем до сих пор в ряде российских регионов. В конце 90-х годов кадровые сотрудники ЦРУ, как недавно напомнил Путин, уже сидели в Кремле, готовя новый раздел России на 20—30 марионеточных государств после того, как тогдашний прези-

дент Борис Ельцин по сговору с президентом США Биллом Клинтоном кинул клич входящим в РФ республикам: «Берите суверенитета сколько хотите!» Об этом даже не мечтал полковник Мандель Хаус.

На Западе уже не скрывают, что надеются всерьез поживиться на разделе России. Так, небезызвестная мадам Мадлен Олбрайт, старожилка госдепартамента США, открыто заявила, что считает несправедливым то, что Сибирь с ее огромными природными богатствами принадлежит России. Подобного рода территориальные претензии мадам Олбрайт, бывшего официального представителя США, на 100 процентов отражают типичный менталитет лидеров стран, входящих в цивилизационную мир-систему «коллективный Запад». Это — инвазивные цивилизации, для которых нормально вторгаться в другие страны, завоевывать их, уничтожать мирных жителей, расширяться, укрепляться за счет других народов, тем самым подпитывая свою экономику, генофонд, культуру. Корни этого евро-американского суперменства, смешанного с людоедством, уходят еще в античные времена. К. Маркс в своей работе «К еврейскому вопросу» раскрыл самую суть западной торгашеской цивилизации, которая построена на культе золотого тельца, где деньги, «мирской бог евреев», стали мерой всех вещей.

ПРОГЛОТИМ ВСЁ?

Это — киношная история блогера-хулигана Димы, завоевавшего популярность своими скандальными и смешными «видосами». На него подписаны миллионы, он — настоящая звезда. Но славу надо всё время поддерживать! В погоне за хайпом Дима заходит слишком далеко. Один из роликов он снимает в православном храме. Видео провоцирует возмущение среди верующих, и на блогера заводят уголовное дело. Чтобы скрыться от погони, блогеру приходится спрятаться там, где его точно не будут искать — в маленьком провинциальном монастыре. И там Диме будет совсем не до хайпа...

Такова сюжетная линия новой комедии «Непослушник», которая прошла во всех кинотеатрах страны.

«Очень здорово, что замиксовали эту церковную тему с нынешней реальностью — с ютубом, соцсетями и так далее, — пишут зрители в отзывах, а потом замечают: — Но фильм лучше не смотреть западникам и либералам, кого коржит от «скреп» и прочего».

СИМВОЛ ВЕРЫ

Неужели и впрямь государство, наконец, вспомнило о воспитательной функции искусства? Правда, насколько это получилось в конкретном случае — вопрос отдельный. Ответить слабоватой «комедией» на национальную трагедию — ход, прямо скажем, неубедительный. А если учесть гремучую запоздалость этого ответа — так становится и стыдно и больно. Однако вспомнили — уже хорошо, спасибо.

А тема, послужившая причиной возникновения данного фильма, крайне серьёзная. Не замечать её — сущее преступление.

В последнее время в соцсетях и СМИ всё чаще обсуждают возникающие то и дело инциденты с провокационными фотосессиями на фоне церквей и прочие богохульства.

Подростки регулярно выкладывают в интернет пикантные фотографии, на которых, помимо обнажённых частей тела, фигурируют культовые здания. Обернувшись модным «флешмобом», запущенный кое-кем злой вирус накрыл «третий Рим», приближая души попавших в сети к опасной черте.

В прошлом году в прессе обсуждалось огромное количество уголовных дел об оскорблении чувств верующих. Судите сами, вот лишь некоторые из них:

22-летняя порно-актриса Лолита Богданова стала фигуранткой уголовного дела об оскорблении чувств верующих из-за того, что снялась с обнаженной грудью на фоне Храма Василия блаженного на Красной площади.

Дело против блогера Руслана Бобиева и Анастасии Чистовой, которые сфотографировались на фоне Храма Василия Блаженного, имитируя половой акт.

Акционист Павел Криसेвич инсценировал самоубийство возле того же Храма.

Некто Илья Качаев провёл «перформанс», он оголился и пробежался по заснеженной брусчатке Красной площади, пока его не задержали сотрудники полиции.

Петербургская полиция задержала инстаблогеров, сфотографировавшихся со спущенными штанами и оголенными интимными частями тела на фоне знаменитого Храма Спаса-на-Крови на канале Грибоедова. Нарушителями оказались 15 и 17-летние подростки.

Ангелина Кузнецова из Екатеринбурга демонстрирует лесбийские наклонности в апартаментах, окна которых выходили прямо на Храм Большой Златоуст.

В Петербурге задержана 31-летняя местная жительница Ирина Волкова, которая позировала на фоне Исаакиевского собора в стрингах.

Известно дело блогера Соколовского, получившего условный срок за «ловлю покемонов» в екатеринбургском Храме на Крови.

Некто Долгополов в своём Инстаграме матерно глумился над Христом и Богородицей. После заведённого уголовного дела фигурант с облегчением заявил, что наконец его «карьера вышла на новый уровень: два года назад на меня охотились деревенские гопники, теперь охоту открывает целое государство, вау!»...

Все эти несчастные «дети» — лишь жертвы агрессивно навязываемой в обществе токсичной повестки откровенного сатанизма. Стоит ли возмущаться их поведением, когда изначально система не препятствовала проводить широчайшую подрывную деятельность «пастырям», «вожакам» и «главарям» всего этого ныне движения «глумящихся над Христом»? Для кого секрет, что за последние годы в нашей стране появилась и сформировалась целая криминальная каста (причем религиозно окрашенная) — каста «богохульников в законе». Благодаря им стала возможной такая закономерность, что чем больше ты провоцируешь, глумишься над святым, тем больше твоя популярность, тем больше у тебя подписчиков в сети, тем больше ты зарабатываешь. А чем больше зарабатываешь — тем больше у тебя возможностей избежать наказания за свои действия. Ведь в случае чего тебя будут защищать самые дорогие адвокаты.

А началось всё давным-давно, в начале двухтысячных, с известного в прошлом журналиста Александра Невзорова, с его интернет-передачи «Уроки атеизма», когда Невзоров вдруг переобулся и превратился из ревностного православного христианина в воинствующего антиклерикального атеиста.

Дальше почин Невзорова поддержала Ксения Собчак. Она то и дело устраивает какие-то откровенные провокации в сторону церкви и православия: то разместит в Instagram свою фотографию в облачении священника с искусственной бородой, то на собственное венчание придет на катафалке после публичной оргии. К слову, Собчак в своем телеграм-канале назвала происходящее вокруг вышеобозначенных фигурантов уголовных дел «от народа» «опасным Средневековьем». Ещё бы она не защищала своих последователей!

Следом эстафету подхватил популярный певец Сергей Шнуров. Он то и дело озвучивал антиклерикальные и антирелигиозные мысли в различных выступлениях и интервью, а потом и вовсе снял кощунственный клип на откровенно богохульную песню «Иисус» (чем превзошёл даже Pussy Riot).

Потом о себе во весь голос заявил известный шоумен и телеведущий Иван Ургант, олицетворяющий собою вечернюю развлекательную программу на первом канале страны. Он и раньше в своей передаче неуместно и не по делу шутил на тему церкви и религии. Но превзойти самого себя он решил прямо на православное Рождество, когда в эфире от 7 января на пару с французским актёром Жераром Депардьё прошёлся вдоль и поперёк как по самому празднику Рождества, так и по личности Иисуса Христа.

Параллельно медиаперсона Ольга Бузова фотографируется на балконе отеля в Волгограде в купальнике. Фоном для снимка служит местный собор. А позже она повторила скандальный снимок напротив Александро-Невского собора в Петербурге. В рекламе своего концерта «Вот она Я» Бузова вышла на сцену в образе католической Богоматери, демонстрируя при этом знак сатаны.

...«5 февраля, — сообщает Sputnik, — в городе Курган появились баннеры с надписью: «Бог Моргенштерн вернется 22.02.2022». Скажете, что взять с дурака? Да нет, не такой он и «дурак». Все эти персоны имеют огромное количество поклонников, копирующих поведение своих кумиров. Именно они определяют сегодня повестку на поле битвы за души людей.

Глумление над святыней и яд цинизма — разъедающая кислота, которая уничтожает саму способность души к благоговению, к изумлению перед лицом богоподобной красоты. Страшно то, что богохульник плещет кислотой не только в свою душу, но и в души окружающих тоже, заражая общество вирусом цинизма. И это тот случай, о котором сказано: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили его во глубине морской» (Мф. 18: 6).

Но ни один из вышеперечисленных «пастырей антихриста» не понёс ответственности за свои деяния! Государство молчит, молчит и русский народ. Всех всё устраивает.

А между тем, богохульство — следствие социального одиночества, разрушения не только веры, но и культуры, основ цивилизованности. И то, что в истории человечества массовые проявления богохульства приходились именно на периоды массового озверения, социального хаоса и междоусобной резни — неслучайно. Увы, но именно такой период переживает сегодня безвольная Россия.

Сегодня трудно даже представить, что до революции в России действовали очень суровые законы против богохульства. Оно воспринималось как преступление против Бога, и, сле-

довательно, куда более тяжкое, чем преступление против человека, даже более, чем преступление против государства и Государя. Допустить богохульство в сознании людей той эпохи означало лишить защиты Бога всё государство.

Под богохульством понималось публичное выражение неуважения к Православию, его догматам и обрядам. Оберегали от поношения Писание, догмат о Троице, Богородицу, честной крест, святых угодников, их изображения.

За богохульство лишали всех прав, состояния, ссылали на каторжные работы, а то и на вечное поселение в Сибирь, даже если богохульные действия совершались по незнанию или «по пьяному делу».

Но современный мир стал настолько абсурден, что теперь известные силы всерьез настаивают на том, что мы должны уважать право безумцев плескаться кислотой. И этот «кто-то» в лице Запада агрессивно навязывает свою повестку через деятельность иноагентов. История не нова и разница между современными либералами и троцкистами лишь в том, что для либералов Россия — продолжение «ужасного СССР», а для троцкистов «ужасного самодержавия». В обоих случаях проявляется враждебность к историческому наследию и Церкви, как его духовной основы. Причём, Русская Церковь вызывает враждебность именно как сообщество, упрямо утверждающее традиционные ценности и не желающее уступать духу времени, что не может не вызывать конфликта с глобальной либеральной идеологией, которая трудится над продвижением всевозможных извращений.

Чемпионом среди подобных «извращенцев» стал во всей этой жути скандальный Артемий Лебедев. 29 августа 2020 года президент России Владимир Путин наградил Артемия Лебедева медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, а 17 декабря 2021 «орденоносец» опубликовал в своём блоге чудовищный пост, в котором безобразно глумился над мощами святых, в том числе над мощами преподобного Сергия Радонежского. После вызова на допрос Лебедев назвал «долб...ми» сотрудников СКР и пожелал им «засунуть все мощи святых кое-куда». Православные, не поленитесь, откройте ссылку в ЖЖ «татьяныча» и полюбопытствуйте, что мы все с вами недавно «съели».

Происшествие ужасающее! Это как раз тот случай, когда молчанием предаётся Христос, и вся эта ситуация требует от нас ответного действия. Я специально не стала писать о скандале по горячим следам. Меня интересовала реакция общественности. И вот, по прошествии фактически нескольких месяцев, что мы имеем?

А мы имеем официальное заявление заместителя В. Лейгойды, заявление в суд от общественников из «Сорок Сороков» (спасибо им за это) и два скромных выступления в сетях от Павла Островского и Дмитрия Фетисова, которые мягко и дипломатично осудили «дизайнера» за грубое высказывание «о бесполезности поклонения святым мощам».

«Лебедев может избежать наказания», — торжественно заявил адвокат богохульника, тем самым показав православным средний палец. Да кто бы сомневался...

На этом всё и закончилось. Ни по телевидению, ни по радио, ни в блогах, ни на форумах — никаких обсуждений, тишина кромешная, словно ничего особенного не произошло. «Съели», что называется! Увы, но современный человек становится всё более всеяден. Лаодикия заела? Пофигизм одолел? Толерантности объелись? Комедии снимаем?..

«Не давайте святыни на поругание псам» (Мф. 7: 6)!

ОНИ НАС РАЗДЕЛИЛИ

27 января мы отмечаем 78-ю годовщину полного снятия блокады Ленинграда. 872 дня город находился в кольце врага. За это время погибло по разным оценкам от 600 тысяч до 1,5 миллиона человек. От голода и холода, от бомбежек и арт-обстрелов. Фактически весь Ленинград являлся прифронтовой территорией. Это, полагаю, единственный город мира, который смог выстоять в такой длительной и жестокой блокаде. Не случайно он является Городом-героем, а его труженики приравнены к участникам войны. Имеют льготы и малолетние жители блокадной поры.

Признавая свою историческую вину, Германия периодически совершает некие жесты доброй воли. Но эти «жесты доброй воли» оказываются избирательными и носят явно дискриминационный характер.

Подобное поведение страны, вероломно напавшей в 1941 году на наше Отечество и организовавшей блокаду Ленинграда, послужило причиной заявления МИД России «О вопросе уклонения ФРГ от назначения индивидуальных выплат ныне здравствующим

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

блокадникам Ленинграда вне зависимости от их национальности». Оно вышло в январе прошлого года и опубликовано на сайте МИД РФ.

Привожу его полностью: «В канун 77-й годовщины полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, отмечаемой 27 января 2021 г., и в связи с продолжающимися поступать в адрес российских госорганов, включая МИД России, многочисленными обращениями граждан, переживших блокаду, хотели бы привлечь внимание к вопросу о выплате Германией индивидуальных компенсаций ныне здравствующим блокадникам вне зависимости от их национальности.

Напомним, что в знак признания своей исторической ответственности за блокаду Ленинграда Правительством ФРГ в 2019 г. по согласованию с Правительством Российской Федерации и Администрацией г. Санкт-Петербурга было принято решение о добровольном гуманитарном «жесте», предусматривающем выделение 12 млн. евро на цели модернизации «Госпиталя для ветеранов войн» в Санкт-Петербурге, а также создания в городе на Неве российско-германского Центра встреч по поддержке исторической памяти. Первые поставки медицинского оборудования начались, несмотря на пандемию, летом 2020 г. Со своей стороны, безусловно, поддерживаем эту инициативу и способствуем ее реализации, однако полагаем, что она носит промежуточный характер (в том числе, поскольку ею не могут воспользоваться люди, проживающие за пределами Санкт-Петербурга — 33 тыс. чел. из зарегистрированных в России 123 тыс. блокадников) и не снимает с повестки дня вопрос о предоставлении Германией индивидуальных выплат всем без исключения блокадникам.

Германское правительство на протяжении многих лет предоставляет выплаты блокадникам еврейской национальности, осуществляемые по линии Международной еврейской конференции по материальным претензиям к ФРГ. При этом люди других национальностей, которые рядом с евреями пережили ужасы блокады, никаких компенсаций как не получали, так и не получают. Считаем, что это не соответствует принципам справедливости и равноправия. Неоднократно предлагали Берлину провести специальные консультации с тем, чтобы найти решение на основе принципов справедливости, морали и нравственности, без попыток прикрываться легалистскими отговорками, которые, по сути, оправдывают откровенную дискриминацию блокадников нееврейской национальности. К сожалению, нам последовательно отвечали отказом.

Считаем неубедительными утверждения Берлина о невозможности индивидуальных выплат из-за опасений создания «нежелательного прецедента», после которого Германия захлестнула бы волна требований компенсаций со стороны других пострадавших и разрушенных в результате гитлеровской агрессии стран. Такая аргументация несостоятельна.

С учетом исторического признания уникального по степени жестокости и неизбирательности характера ленинградской блокады все блокадники должны быть выделены в отдельную категорию жертв нацизма без дискриминации по признаку национальности.

Уместно упомянуть, что ранее многие годы германская сторона блокировала возможность «выплат признания» бывшим советским военнопленным, также ссылаясь на «прецедентные риски». Однако в итоге такие выплаты состоялись и не повлекли каких-либо претензий со стороны третьих стран.

Не могут быть приняты и ссылки на выполненные перед СССР репарационные обязательства как основание в отказе от предоставления индивидуальных выплат блокадникам-нееврейцам. Репарации явились итогом урегулирования на межгосударственном уровне, которое никоим образом не умаляет право российских граждан, пострадавших от военных преступлений, на компенсации в индивидуальном порядке. Всем, кто радеет за права человека, это должно быть абсолютно понятно.

В годовщину освобождения Ленинграда призываем ФРГ принять, наконец, решение о гуманитарных выплатах всем блокадникам вне зависимости от их национальности. Уверены, что такой шаг получит большое символическое звучание в контексте беспрецедентного послевоенного примирения русских и немцев и будет по достоинству воспринят всеми блокадниками Ленинграда».

Действительно, подобная дискриминация недопустима. Согласно Конституции РФ, ст. 19, все равны перед законом и судом. А государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и иных обстоятельств.

Всеобщая декларация прав человека также не допускает дискриминации. Ст. 1 Декларации гласит, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Ст. 7 — все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации и от подстрекательства к такой дискриминации. О запрещении дискриминации говорит и ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Но руководству Германии основополагающие международные документы не указ.

Заявление МИДа России было растиражировано многими СМИ. С тех пор прошло более года. Что-то изменилось в позиции Германии? Поднялась ли волна возмущения среди российских общественных организаций?

Читаю материал «Зачем Берлин делит жертв блокады Ленинграда на сорта?» на сайте «Взгляд» от 19.10.2021 года. «Вопиющая несправедливость» — так глава МИД Сергей Лавров назвал решение немецких властей о выплате ежемесячного пособия в 375 евро только тем жителям блокадного Ленинграда, кто имеет еврейское происхождение. В перспективе подобное разделение блокадников «на два сорта» опасно для исторической памяти».

Статья «Взгляда» вышла спустя 9 месяцев после заявления МИД. Таким образом, можно полагать, что всё — по-прежнему. Разделение блокадников «по сортам» продолжается.

Также не было слышно и слов солидарности со всеми блокадниками от представителей еврейского сообщества, получающих подобные компенсации. Неужели они тоже считают себя блокадниками особого сорта? Но ведь в заявлении МИДа справедливо говорится: «...люди других национальностей, которые рядом с евреями переживали ужасы блокады, никаких компенсаций как не получали, так и не получают. Считаю, что это не соответствует принципам справедливости и равноправия». Или их, получателей ежемесячных пособий, не волнует судьба остальных ленинградцев, переживших ужасы блокады?

Нет никаких заявлений о дискриминации подавляющего большинства блокадников от ветеранских организаций и от Международной ассоциации общественных организаций блокадников города-героя Ленинграда, объединяющей блокадников из более ста городов ближнего и дальнего зарубежья, в том числе Украины, Германии, Казахстана, Молдовы, США, Израиля, Греции, стран Прибалтики. А ведь одним из приоритетных направлений деятельности Ассоциации является помощь в защите прав блокадников и ветеранов войны.

В мае 2019 года Ассоциация провела уже свой 27 съезд. Но пока реальных действий по восстановлению справедливости в отношении большинства блокадников, насколько известно, она не предпринимала. Неизвестна позиция администрации Петербурга, депутатов городского ЗакСа. Неужели власти города останутся в стороне от решения этого вопроса и согласятся с разделением блокадников по разным категориям? До сих пор не было слышно от властей города высказываний в защиту всех граждан, перенёсших тяжкие лишения блокадной поры.

Стоит отметить, что не только Германия является виновницей блокады Ленинграда. Активные и бесчеловечные действия в организации геноцида ленинградцев предприняла Финляндия, державшая кольцо блокады с севера. Вина последней в гибели сотен тысяч ленинградцев бесспорна. Поэтому стоит добиваться выплат компенсаций всем блокадникам и с финской стороны.

В заключение отмечу, что для нас, жителей Северной столицы, как и для всех жителей России, память о великом подвиге ленинградцев священна. Эту память мы обязаны хранить и передавать подрастающим поколениям. Помнить даты, связанные с защитой города. Одна из них 27 января — День полного снятия блокады Ленинграда — должна постоянно отмечаться в образовательных и иных детско-юношеских учреждениях.

Никакие обстоятельства не могут затмить наш священный Праздник и оправдать «забывчивость» или нежелание руководителей названных организаций проводить памятные мероприятия. Тем более, что этого требует российское законодательство, в том числе, федеральные законы № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России».

Ст. 1 закона «О днях воинской славы и памятных датах России» указывает в числе Дней воинской славы «27 января — День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 год)». Ст. 3 закона говорит об организационных мероприятиях по проведению Дней воинской славы России, среди которых значится «пропаганда Дней воинской славы России». А пропаганда — это не только слова, но и конкретные действия.

Нормы ст. 354.1 УК РФ предусматривают уголовную ответственность за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства.

27 января 1944 года в Ленинграде в честь полного освобождения города от блокады был произведён салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий. В этот вечер практически всё население города вышло на улицы и с ликованием наблюдало за салютом, возвестившим славную Победу ленинградцев и всего советского народа. И такие праздничные салюты, полагаю, должны происходить 27 января ежегодно.

Для нас — потомков Победителей — 27 января останется великим и радостным Праздником, символизирующим мужество и стойкость защитников Ленинграда. В то же время мы помним, какой дорогой ценой досталась Победа. Мы выражаем огромную благодарность всем, кто бился за город на Неве — солдатам, офицерам и военачальникам Ленинградского фронта, рабочим и инженерам ленинградских предприятий, руководству города. Многие из них погибли в годы войны, многие ушли их жизни в послевоенное время, годы берут своё. И наша задача — проявить подлинную заботу об оставшихся в живых. Здесь не может быть места разделению блокадников на разные категории. Они в равной степени заслуживают уважения и поддержки.

г. Санкт-Петербург

Михаил ДЕДУРИН

В ЧЬИХ РУКАХ «ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ»?

Происходящее в нашей стране всё больше удаляется от живой жизни, приобретает поверхностный, искусственный, постановочный характер. Кто-то, возможно, со мной не согласится, но большинство читателей, уверен, понимает, что я имею в виду: то с антиамериканским заявлением выступит деятель, у которого семья живёт в Америке, то миллиардера сделают «Героем Труда», то выборы проведут по интернету...

Вот и в начале февраля государство через свой центральный телеканал порадовало нас скорым выходом на экраны непотребного телешоу «Возможно всё!», а через своё Министерство культуры — проектом «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных россий-

ских духовно-нравственных ценностей». Этот документ, наделив подписью президента, правительство планирует внедрить в нашу жизнь для достижения многочисленных благих целей, которые, однако, с его помощью точно достигнуты не будут, — скорее наоборот.

Мой уже немалый жизненный опыт привёл меня к убеждению, что чем больше в нашей стране «верхи» твердят о духовности и нравственности, тем скуднее становится их присутствие в нашей жизни. Началось это в позднее советское время; если мне не изменяет память, активно заговорили о духовности без должного понимания этого слова где-то в середине 1970-х годов. В перестройку много об этом вещали, а уж в ельцинское время после расстрела Верховного Совета — особенно. Период правления Владимира Путина в принципиальном плане мало что изменил, лишь внешнюю картинку подправил.

Вот и в обсуждаемом случае, как это ни поразительно, головным ведомством, ответственным за подготовку документа, посвященного традиционным ценностям, сделали Министерство культуры — ведомство, которое в сознании граждан нашей страны ассоциируется преимущественно с расшатыванием, разрушением традиционных ценностей, но которое либералы, кормящиеся из его рук, намеренно рисуют неким государственным цербером.

На протяжении последних тридцати лет это расшатывание в большей или меньшей степени шло всегда. При всех министрах — когда-то в меньшей, но чаще в возрастающей степени. Аппарат этого министерства продвигал и покрывал именно разрушителей русской культуры. Результаты — вокруг нас. И никто не подумал, какой отклик вызовет у граждан тот факт, что общенациональную программу упрочения нравственности, духовных основ общества, продвижения традиционных ценностей доверили откровенным профанаторам. Или подумали, но решили, что на мнение простых граждан можно наплевать?

Нравственность и особенно духовность — это сложнейшие понятия, тонкие субстанции; их официальными бумагами не накачаешь. Да и не надо. Вернее, я бы сказал так: у власти должна быть своя стратегия действий в этой сфере, но она не должна быть публичной. И главное: эта стратегия должна в первую очередь быть обращена к нашей так называемой элите, к самой власти, быть нацелена на их исправление по этим и другим критериям и качествам. Сейчас российские «верхи» в силу того, каковы они есть, только мешают обществу обрести духовность и нравственность.

Взглянем, однако, на сам документ и, прежде всего, на перечисленные в нём ценности.

У многих вызвала справедливую критику их очерёдность, когда абстрактная «жизнь» (непонятно даже, чья: своя или другого) на несколько позиций опережает такую важнейшую для русского человека ценность, как служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Да и вообще, когда это в нашей истории человеческая жизнь была приоритетной ценностью? И власть её мало ценила — разве что советская власть, преодолев своё трагическое становление, обратилась к ценности каждого конкретного человека, а простой народ на первое место ее не ставил: он всегда, за редчайшим исключением, был готов отдать свою жизнь за Отечество.

А как вам права и свободы человека, поставленные выше труда, справедливости и коллективизма? Нет, это точно писали люди, ничего не понимающие в русской душе, в культурном коде народов нашей страны. Их несколько реабилитирует в моих глазах только скорее неполная, чем сознательная, но всё же дань эпохе СССР: упоминание в качестве традиционной ценности справедливости и приоритета духовного над материальным — не о екатерининском же времени они писали, не о диком капитализме пореформенной России, не о последнем 30-летию...

Смотрим на рекламируемые проектом ценности под углом зрения их содержательного наполнения и опять сталкиваемся со смысловым разладом. По большинству из них за последние годы положение у нас ухудшилось: народ вымирает, достоинства у него становятся всё меньше, прав и свобод — тоже, семьи распадаются, преемственность поколений ломают политикой антисоветизма. Или, может быть, в самом нашем правящем слое стало больше ответственности за судьбу Отечества? Может быть, у собственников яхт и дворцов, людей, наращивающих свои состояния в условиях, когда простому народу выживать становится всё труднее, у держателей собственности за рубежом высокие нравственные идеалы, а сами они истинные патриоты?

Необходимость сохранения и укрепления традиционных ценностей должны в первую очередь осознать не граждане, а правящий слой, причём не в чужой, а в своей жизни. Главную угрозу этим ценностям у нас несёт не кто-то извне, а наша собственная компрадорская элита, наш внутренний «Запад». Именно они породили и удерживают культ эгоизма, вседозволенности, безнравственности, пренебрежения к родной стране, презрения к труду. Именно они осуществили реформы в области образования, науки, культуры, здравооох-

ранения, которые разрушают нашу страну и наш народ. А теперь они хотят «сохранить и укрепить» традиционные ценности за счёт «совершенствования действующих документов», «межведомственной координации» и лучших «методов управления». Это просто морок какой-то! Он точно ведёт нас по упомянутому в документе «негативному сценарию». Даже хуже.

Как бы то ни было, противодействовать насаждению чуждого нашему народу и разрушительного для общества мировоззрения мы обязаны. Прижимать проводников различного рода разрушительных идеологий надо. Восстанавливать влияние традиции в жизни нашей страны необходимо. Но делать это надо грамотно, без профанации, так, чтобы это не вызывало ни ухмылок, ни тем более отторжения.

Подумаем в этой связи и вот над чем: духовность и нравственность — это понятия преимущественно личного свойства, а вот свою культуру, свою историю народ творит как единое целое. Так, может быть, сегодня, тем более в условиях неизбежной смены мировоззренческой парадигмы российской элиты, нам имеет смысл сосредоточиться на задаче более широкого охвата — восстановлению и защите наших культурно-исторических или, как сейчас любят говорить, цивилизационных ценностей?

Порученную ему работу Минкультуры провалило. Впрочем, и поручать ему это было, как я уже сказал, недальновидно. Документ получился начётнический и бесполезный. Теперь в этом деле необходимо взять паузу и потом начать эту работу заново на иной смысловой и организационной основе.

Перечитал последний абзац и улыбнулся: ничего этого, конечно, не будет. «Основы» доработают, и президент их подпишет. Шоу «Возможно всё!» в России продолжится.

КРАЙ ЧУДЕСНЫХ КРАСОТ

БАЙКАЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ

МАЙСКИЙ ДЕНЬ

На южном Байкале стоял прохладный и пасмурный день конца мая. К сожалению, май был неласковым, да и вся весна не задалась. Обычно в холодное время говорят: «Не май месяц!» А тут и май будто был и не маем вовсе. Из-за холода листочки на деревьях и кустах только-только стали проклёвываться. Неуверенно зацветал багульник. Недружно и позднее обычного раскрывались лесные цветы. От частых дождей и снегов разлились речки.

Солнце днём всё-таки показалось, но, посветив немного, скрылось в облаках. Ближе к закату оно ещё раз выглянуло на полчаса. На смену ему пришла хмарь, временами становилось темно, как поздним вечером. В это время лил дождь, уже изрядно поднадоевший за весну. Иногда он перемежался со снегом и градом. В перерывах между погодными безобразиями я, поёживаясь от холода, занималась грядками, не надеясь дожидаться лучшего времени для посадки. А вокруг всё было однообразно, скучно, серо, сыро.

Вдруг в природе что-то изменилось. Всё вокруг залил матовый желтоватый тёплый

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

свет. И я поняла, что за моей спиной светит радуга. Я обернулась и увидела, что радуга была через всё небо. Она была яркая-яркая! И длинная, и широкая! Одним концом она уходила в Байкал, а другим стояла на вершине горы, что была передо мной.

Люди говорят: «Всё хорошо, что хорошо кончается». А дожди часто заканчиваются радугой, которая, наверное, является одним из основных предназначений дождя. Захлопнутое небо, надоев своей скучной мокрой серостью, вдруг распаивается нежной пронзительной голубизной и вспыхивает радугой, несущей радость обновления и чистоты земли.

Я спешно дошла до берега и стала искать место, откуда можно было снять на телефон это чудо и боялась, что оно исчезнет. Но, похоже, радуга пришла надолго, с ней ничего не делалось, напротив, вскоре рядом с ней стала видна ещё одна, менее яркая. Двойная радуга над Байкалом — великолепное зрелище! Я фотографировала радугу с разных мест и огорчалась, что она не входит в кадр полностью.

А тем временем картины начали быстро сменять одна другую. Ветер в высотах играл облаками, одни смешивал, другие разъединял. Закатное солнце озаряло их волшебным разноцветьем. Большинство облаков светлело, а некоторые оставались мрачными и то проливались на землю дождём, то низвергались градом и снегом. Я спешила фотографировать такую переменчивую красоту, металась по берегу, отходила от него, забиралась на причал. Жалела, что не могу просто стоять и не через объектив, а во все глаза, с наслаждением смотреть на этот потрясающий закат, ставший настоящим праздником после серости весенних будней. Но так хотелось оставить этот вечер на память, чтобы любоваться им потом. И я снимала и снимала. Вспомнился текст о мальчике, который не успел нарисовать вечер и удивлялся, как у художников это получается. Но в этот вечер на Байкале природа дразнила ускользящей переменчивой красотой не только художника, но и фотографа.

Постепенно небо очищалось, синело. Вот последние пышные облака заалели на солнце и, величаво проплывая над Байкалом, выпустили на волю золочёную луну. Я смотрела на них через ветки молодых берёзок, на которых проклёвывались первые запоздалые листочки. Одно облако было большим и особенно пышным. У облака было детское «лицо», «черты» которого были прорисованы крохотными тёмными облачками. Ясно виделись рот, нос, глаза — один широко открытый, другим облако будто подмигивало умытому праздничному миру. А на большой голове облачного «ребёнка» торчал забавный пышный чубчик.

Какая красота! Какая благодать! Я не могла сойти с места и стояла на берегу, пока небо окончательно не погасло. И благодарила неласковую весну за эти минуты счастья.

МОИ ЛЮБИМЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Люблю я деревья и кустарники, растущие на моей малой родине. Да и как их не любить, если почти каждый день встречаюсь с ними, такими непритворными, такими жизнелюбивыми. А некоторые и выросли вместе со мной. Но всё-таки несколько наших деревьев мне особенно дороги. И хочется немного о них рассказать.

Стоит у Байкала на краю обрывистого откоса старая черёмуха. Бессчётное количество раз любовалась я байкальскими картинками, сидя рядом с ней. И черёмухой тоже любовалась, фотографировала её на фоне любимого моря. Помню её совсем юной красавицей, раскидистой, весёлой. Но теперь она уже не та. Толстые стволы большого черёмухового куста обветшали, почернели, кое-где с них содрана кора и обнажённые части стали одного цвета с корой. На нижних частях стволов, почувствовав слабость дерева, поселились мхи и лишайники. Почва, на которой стоит куст, каждый год осыпается, и черёмухе всё труднее держаться за землю. Она всё ниже и ниже склоняется к Байкалу, будто хочет пристальнее в него взглядеться. Только один ствол ещё немного смотрит вверх, но и он наклонён к Байкалу. Поздней осенью, когда всё становится бесцветным, чёрные голые ветви его, как перебитые крылья, обречённо опущены вниз. И он, как, впрочем, и вся почти свалившаяся с откоса чёрная черёмуха, кажется олицетворением скорби.

Но черёмуха живёт, борется и сдаваться не собирается. Скопив за зиму силы, весной начинает она буйное цветение. Свежая зелень листвы и белый цвет быстро закрывают черноту стволов, и черёмуха выглядит, как и в молодые годы, здоровой, жизнерадостной, молодой, красивой и полнит округу пьянящим ароматом. Любуется она на своё отражение в байкальской воде и радуется: не зря боролась за жизнь. Так красивая женщина обычно не сдаётся старости и всеми возможными способами пытается сохранить свою красу.

Смотришь на черёмуху летом и зимой — будто два разных дерева видишь. И не просто разных, а противоположных по цвету, по настроению, по духу.

А как хороша бывает черёмуха, расцветенная вдохновенным сентябрём, когда играет в её богатой причёске ветерок и когда по волнам один за другим уплывают парусочками её разноцветные листья...

Повыше черёмухи, в начале горы, живёт высокая сосна. Никто не считал её годы, но прожила она немало, прожила основную часть жизни. Сосна эта высока и царственна. Ствол её у основания толст, крепок и тёмен от огня, так как весенние палы, которые здесь проводятся каждый год, не обходят дерево стороной. Но наверху кора светлая, совсем молодая. Тянутся к небу крепкие, извилистые, словно застывшие в неведомом танце ветви. Некоторые достигли вершины родительского дерева и образовали вместе с ней густую, продолговатую макушку. А вот середина дерева сейчас голая. Раньше сосна была пышнее, ветвистее. Теперь же некоторые её ветви обломаны, корни обнажились. И пусть она постарела, но осталась необычной, сильной и прекрасной. И, думается мне, она сродни диковинному пушкинскому дубу, что стоит у лукоморья. Наша сосна тоже растёт у воды, у самого Байкала, жизнь которого ей хорошо видна от рассвета до заката, и, наверное, ей ведомы байкальские тайны. И верится, что Байкалу-батюшке по нраву зеленохвойная красавица, засыпающая под его песни и сказки. Сосна — первое дерево на горе, она и открывает собою лес, и словно прикрывает его, защищает своей мощной кроной. Стоит она у самой тропы, которая, взбегая вверх, встречается с другими тропками, а на них, как «на неведомых дорожках», можно увидеть множество следов птиц и зверей. И пусть звери и птицы не сказочные, а самые настоящие, но всё же рядом с сосной, на ветвях которой могли бы удобно устроиться русалки и на которой нашлось бы место для прогулок учёного кота, легко верится в чудеса. Хочется, чтобы замечательная сосна жила долго-долго, чтобы не коснулись её ни пила, ни топор!

Хочу немного сказать о многоствольной берёзе, которая растёт на опушке горы у моего дома и хорошо видна из окна. Берёза приземистая, серокорая, для других ничем не примечательная, разве только тем, что она — первое дерево от дороги. С неё начинается берёзово-багульниковый лесок, который по весне становится раем. Лет тридцать назад это было совсем другое дерево, красивое, высокое. Не помню, кому помешала берёза. Её срубили и остался от неё лишь высокий пенёк. Но берёза сумела себя восстановить. Её веточки потянулись вверх и стали стволами. Всё в природе стремится к жизни. А вот человек почему-то не всегда её бережёт...

И в заключение скажу о берёзках, живущих на байкальских ряжах. Деревья не выбирают место жизни: куда занесло семечко, там и растут. Занесло на ряжи, построенные в открытом море более века назад и для тяжести наполненные камнями — выживай, если сумеешь, а нет, так помирай:

никто не заплачет. Байкал, как и Москва, слезам не верит. Нелегко приходится берёзам на рязках, на семи байкальских ветрах, но они как-то выживают. Без почвы им никогда не стать могучими, но они довольствуются малым. Природа, как и всему сущему, дала им любовь к жизни, и они, страдая, за жизнь борются. Перед ними — байкальская даль, то безмолвная, то ревушая. Их захлёстывают волны, гнут ветры, сечёт град, окутывают сплошной завесой холодные зимние туманы. И только зелёным маем у них появляется надежда на тепло...

Глядя на наши деревья, часто вспоминаю слова: «Учись у них, удуба, у берёзы...» Афанасий Фет советовал учиться у деревьев, с молчаливым терпением переносить невзгоды, и тогда «для ясных дней, для новых откровений переболит скорбящая душа». Конечно, деревья могут научить нас многому и прежде всего стойкости, любви к жизни и верности своей земле.

Желаю вам долгой жизни, мои черёмухи, сосны, берёзы! Растите, шумите, цветите, радуйте! Хорошо в вашем обществе. И мне, как и вам, не сойти с родной земли.

УТЁС ОТКРЫВАЕТ ПРОСТОРЫ

Сентябрьской порой Байкал становится ещё прекраснее. А уж как он, в богатых осенних нарядах, прекрасен с большой высоты!..

В который раз иду я полюбоваться морем с высокого утёса, стоящего высоко над Байкалом и нависающего над обрывом. Иду по скалистому гребню, крутому с двух сторон, а во многих местах даже отвесному, особенно внизу, со стороны Кругобайкальской железной дороги, где горы в начале века взрывали, прокладывая вдоль байкальского берега два пути. Но мне не привыкать. Выросла я среди байкальской природы: и на скалы взбиралась, и шишки с кедров доставала. Правда, ушло молодое время и теперь идти к своему любимому утёсу стало сложнее. К тому же, раньше, на гребне было некое подобие тропинки. Сейчас же никто по нему не ходит, и он густо зарос кустарниками и деревцами, корни которых вышли на поверхность и сплелись друг с другом.

Крутизна начинается, можно сказать, от самого Байкала. Зато и высота набирается быстро. Всё ниже и ниже огромная чаша сибирского моря, со всех сторон окружённая горами. Держась за чахлые кусточки и узловатые стволы деревьев, осторожно поднимаюсь я в байкальское небо. Ненадолго задерживаюсь возле любимой берёзки-подростка. Стоит она у

края и смотрит на Байкал. У берёзки два ствола. Ветви первого тянутся в направлении моря. А изогнутые ветви второго образовали своеобразную белую тонкую рамку, в которой видна картина части Байкала и гор. Нередко в берёзовой раме появляются то солнце, то луна. В основном за солнечно-лунные байкальские картины мной и любима эта берёзка. Вот и сейчас в этой природной раме светит солнце.

Продолжаю подъём. На пути встречаются две маленькие живописные скалы. Одна немного в стороне, и я прохожу мимо неё по гребню, а другую обхожу справа, с обратной стороны, и она на несколько минут закрывает от меня море. Обхожу и участки с густыми зарослями растительности. Но вот ненадолго подъём становится более пологим. Хотя путь к утёсу ещё не окончен, останавливаюсь у группы сосен передохнуть и полюбоваться с высоты байкальской золотящейся синевой. Много раз бывала здесь, но всё равно замираю от восторга и всматриваюсь в открывшуюся картину Байкала так, будто вижу её впервые.

Поднимаюсь дальше, не отводя глаз от Байкала. До утёса остаётся всего метров тридцать. Это тяжёлые метры, так как подъём в этом месте крут, да ещё приходится карабкаться по самому краю скалы. Но вот и вершина. Возле обрыва растут три сосны и осинка-невеличка. Осинка мне до пояса и кажется совсем слабенькой. Нелегко этой малышке бороться с коварными байкальскими ветрами, добывать пищу из каменистой почвы да выживать в весенних пожарах. Стволик осинки почернел от огня, нижние ветви сгорели. Но верхушка — золотая! И её золочёной листвой играет свежий ветерок. Сосны же велики и раскидисты, несмотря на то, что их стволы снизу тоже черны от гари. Похоже, они привыкли к месту, на котором стоят много лет, и ничего другого не желают.

Смотрю на осеннюю чащу. Резко уходят вниз деревья и кустарники, тесно растущие на скалистых престолах северной, бессолнечной стороны горы. Но сейчас чаща светла и чудесна. Желтизна берёз и осин, зелень сосен и кедров, огонь рябин и черёмух — от такой красоты всё во мне замирает. Насмотреться на сентябрьский лес вдоволь невозможно, но поворачиваюсь к нему спиной. Теперь предо мной — утёс. Подхожу к его краю, и от высоты и величия картины замирает сердце. Ничто не загораживает панораму озера. Байкал открыт, распахнут, доверчив. Его волны отсюда, сверху, кажутся зыбью, а чайки над ними — белыми мошками. На многие немереные вёрсты распростёрлись горы, хранящие драгоценную чашу сибирского моря. С нашей западной стороны они гораздо ниже, а с восточной, до которой от нас километров пятьдесят по прямой, — высокие. Их остроконеч-

ные вершины уже забелил первый снежок. У подножия моей горы золотистой змейкой тянется Кругобайкальская дорога. Над Байкалом сверкает и слепит глаза золотой ореол. Солнечная дорожка, широкая, живая, пролегла через всё славное море, а через неё медленно плывёт кораблик, который отсюда кажется меньше детской игрушки. Надо мною висит, распластав широкие крылья, коршун. Над обрывами величественно парят сосны и берёзы. И усталая, приземлённая душа, истосковавшаяся без живительной подпитки, полнится счастьем и парит вместе с птицами и деревьями. Кружит голову высь, манит чистое небо. И море, и горы, и небо — всё пребывает в едином вдохновенном порыве творить красоту. А творить есть из чего: палитра сентябрьской природы божеественно богата...

Давно заметила: Байкал и небо тесно связаны, недаром порой они бывают одного цвета. И тогда, глядя на корабль, не понять, плывёт ли он по морю или летит по небу.

Любят смотреться в байкальское зеркало облака. Так чудесны и облака в небе, и их двойники в воде на закате, когда начинает играть в воде и в небе не устающее удивлять вечернее солнце! Конечно же, солнце миллионы лет любит Байкал, оно жидким золотом растекается по поверхности и проникает далеко в холодные глубины и высвечивает, и расцветивает их. Сибирское море радуется солнцу, веселеет с его приходом. Тихой ночью небо любит прополаскивать в байкальской воде свои мерцающие звёзды, а луна и звёзды, купаясь в байкальских водах, несут морю тайны космоса и набираются байкальских чудес. Байкал не всегда бывает сдержан в своём желании слиться с небом. В шторм, вдруг взбунтовавшись, Байкал изо всех сил рвётся в небо, плещет в него мятущейся волной...

Стоя на утёсе, ощущаешь себя частичей осеннего праздничного разноцветья, частичкой бескрайнего космоса. Чувствуешь, как переполняется душа всем сущим: от тенистых распадков до озарённых высей. И просвечена она насквозь золотым байкальским сиянием... Как сладостен свежий ветерок, как вольно дышится над Байкалом! Вот она — настоящая красота и гармония. Вот он — простор. Вот она — свобода, такая желанная! Вот она, лучшая в мире земля, на которой повезло тебе родиться и за которую надо держаться так крепко, как держатся за неё вознёсшиеся над бездной деревья, и надо бояться её потерять так же, как бояться они. И они, и я без неё — ничто. Высоко над Байкалом вспоминаешь, что ты обязан жизнью миру природы. Мы живём в природе, она живёт в нас. Но мы всё больше рвём наши с ней кровные узы и отворачиваемся от неё. А она, как чуткая лошадь, прислу-

шивается к нам и не может понять, почему мы так плохо с ней обходимся...

Такой бессмысленной кажется отсюда человеческая суета, на которую мы тратим почти всю нашу драгоценную жизнь. Только здесь, на большой высоте, по-настоящему осознаёшь, насколько мы приземлены и ограничены. Байкальские высоты очищают дух, заряжают бодростью и желанием жить, жить по-настоящему. А потому, пока есть силы, буду ходить в байкальское небо, чтобы воспарить над суетой и надышаться байкальской благодатью.

ОСЕНЬ

Тёплым утром золотой осени отправляюсь я на велосипеде по Кругобайкалке набраться перед зимой ярких впечатлений и пополнить свой фотозапас, чтобы было чем скрасить скучные зимние вечера и с другими красотой поделиться.

Ночью шёл сильный дождь. Воздух влажный. Но солнышко быстро сушит сырую землю. Тропа, по которой я не спеша еду, очень узкая, только для велосипеда да мотоцикла. Слева от меня — старая железная дорога, справа — заросли высокой травы, над которыми возвышаются крутые горы. Вот подъезжаю к пострадавшей от молнии безголовой сосне, простирающейся к небесам ветви-руки. Она растёт у обрыва на высокой горе, увенчанной вознёсшейся в небо красивой скалой, на которой растут, не зная страха, несколько деревьев разных пород. Их зелёно-жёлто-красные одежды делают скалу прекрасной. Над деревьями-небожителями купается в лазури белый серп луны.

Восхищённая чудесным видом, замираю я надолго. Затем несколько раз фотографирую гору от подножия до вершины, с сосной, со скалой, с лунным месяцем.

Еду дальше. Мелькают засыхающие травинки, цепляются за ноги, заглядывают в лицо, словно просят запечатлеть их, увековечить. Останавливаюсь. Снимаю их на фоне древнейших скал.

В голубом небе тают последние облака. На тёмно-синей воде белеют чайки. Горы и склоны осень щедро раскрасила. Столько в них красок и оттенков, среди которых значительно преобладает жёлтый свет. От желтизны листвы да от солнца и мир кажется золотым. До чего же хорошо!

Проезжаю мост, построенный более века назад. Он незыблемо стоит на опорах ручной кладки над ручьём, катящим из узкого распадка прозрачно-стеклянную воду. Оглядываюсь на панораму уже далёкого посёлка, словно хочу наглядеться

на него вперёд перед тем, как дорога уведёт меня за гору. Посёлок красив и светел. Домики утопают в осеннем разноцветье. На горе под нежно-голубым небом сияет купол храма. Тёмные рязи порта уходят в байкальские воды, играющие бликами. В акватории стоят белые суда.

Фотографирую панораму посёлка. Немного проехав, снова останавливаюсь. Подхожу к крутому откосу на краю мыса. Внизу волны до блеска моют серые валуны. Возле них, у берега, растёт старая куцеватая берёза, много повидавшая на своём беспокойном веку. Её били-ломали шторма, на неё напозали льды. И всё же хороша она сентябрьской порой! Осенняя сказка превратила её отрепья в дорогие одежды. Бережно прикасается к ним ветерок. Осыпает горошком брызг Байкал.

Делаю снимок с героиней-берёзой, открытой всем байкальским ветрам.

Рядом со мной у обрыва стоит озарённая солнцем высокая, раскидистая сосна, чуть подавшаяся к морю. Её подножие украшают густые разноцветные травы. Она открывает собой ряд деревьев, стоящих у склона. Как хороша сосна на фоне монументального мыса Толстого, почти вертикально уходящего в небесную лазурь!

Несколько раз фотографирую пейзаж с сосной. Смотрю в телефон. Прекрасная получилась картинка!

На пути привлекают внимание две берёзки. Какая-то сила согнула их в дугу. Скорее всего их подмял падающий обломок скалы. Но они выжили и растут. Растут они не как все: не в направлении солнца, но зато в направлении Байкала, образовав собой красивую незавершённую арку вблизи байкальской воды. Нижняя сторона стволов лишена ветвей, а верхние ветки преобразовались в деревца, непокорно смотрящие ввысь. Природа прекрасна, гармонична. Она искусно залечивает раны, восстанавливает себя.

Фотографирую берёзки. На снимке кажется, что они ныряют в Байкал и никак не могут до него долететь.

Снова сажусь на велосипед. Горы, склоны, каждое дерево, каждый кустик просятся в кадр. И я стараюсь ничего не пропустить. Вот на пути тоннель, а точнее, галерея, подпирающая отвесную скалу. В ней темно, прохладно и глухо. Уже больше века обрастает она деревьями. Весело желтеют берёзы над мрачной каменной чернотой. Слева синий Байкал. Справа скалы, с высоты которых без страха смотрят вниз деревца, по-осеннему чудесные. А в синей вышине над этим сказочным миром замер коршун. Благодать, глаз не отвести! Получается, галерея эта не только железнодорожная, но и картинная. Сколько картин она дарит равнодушному глазу! Вот сейчас она делится со мной красотой яркой, осенней. А мир ранней осени притягателен, как

никакой другой. Зелень сосен, огонь рябин, золото берёз — всё это нерукотворные картины. Бери, рисуй! А не умеешь рисовать, так фотографируй. И успевай: золотая пора коротка...

Видя осеннее великолепие, понимаешь, что в красоте природы — смысл бытия. Печально, что многие избегают в книгах описаний природы. А надо бы картины природы, написанные талантливейшей рукой, читать не спеша, пропускать их через сердце, чтоб оставалось оно живым и здоровым. Природа хранит наши души. Без неё книги пусты и скучны. Ведь, придя в художественный музей, мы не обходим полотна пейзажистов. Напротив, задерживаемся возле них надолго. Ещё бы! Трепетно рисовали художники русскую природу. Прорисовывали каждый листик, каждую травинку. Сама природа давала им краски, наполняла их светом вдохновения. И радуют полотна, где порой видны даже прожилки на листиках...

Есть открытые байкальские тропы, по которым проходят в год десятки тысяч туристов. А на моём пути встречаются тропинки доверия, ведущие к потаённым уголкам, где можно сидеть в одиночестве и смотреть, как плещет Байкал на мшистые камни, как выпрыгивают из воды мальки, как подплывают к берегу нерпы. И приятно оттого, что всё это открыто только тебе. Спускаюсь по такой незаметной тропке к самой воде. Пенная волна шумно набегает на береговые камни, мокрые, блестящие. А в воде камни поросли густыми зелёными водорослями. В прозрачной воде озера-моря раздольно играть солнцу. Склон пёстр. Мысы по-осеннему праздничны.

Фотографирую несколько раз на память осенний Байкал, берег, склон, тропинку...

Сентябрьский день переполнен солнцем, счастьем. Выпал на долю такой денёк — значит не зря жил. Все богатства меркнут перед золотом и изумрудами байкальской воды. Какими нелепыми кажутся в эти минуты слова о том, что на байкальской благодати надо экономить! Сознаёшь, что такое сокровище нельзя приносить в жертву. Понимаешь: у Байкала можно ходить пешком, ездить на велосипеде, а по морю — ходить под парусом...

Пусть сейчас идёт пора заготовок, и люди заняты соленьями-вареньями. А я вот хожу с фотоаппаратом! Но пища для души важна не менее. Когда всё отцветёт, когда остынет земля, когда птицы улетят искать тепло в чужих землях, буду возвращаться и возвращаться к этим снимкам, оттаивая, согреваясь, радуясь, что в моей жизни был такой благостный день.

г. Иркутск

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2022 год
(Январь — февраль)

Январь неожиданно взорвался событиями в Казахстане. Провалившись с госпереворотом в Белоруссии, Запад совместно с Турцией подготовил т.н. «газовую» казахскую «революцию», использовав для ее начала повышение в республике цены на сжиженный газ. Одну из главных ролей в разработке и организации действий как внутренних казахстанских, так и зарубежных террористов сыграла Украина. Естественно, без нее тут никак не могло обойтись.

Но главным виновником казахстанских событий, конечно же, была сама власть. Долгие годы она, притесняя русские организации, заигрывала с местными националистами. Поначалу она как бы их не замечала, не обращала на них своего внимания, а затем стала сама поощрять создание многочисленных исламистских структур турецкими эмиссарами.

Собственно, подобные «революции» происходили в постсоветских республиках по одному сценарию. Сначала поднимал голову местный национализм (на деле являющийся сепаратиз-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

мом), вскормленный самими сепаратистскими властями. Затем эти нацики, ведомые западными спецслужбами, начинали рваться к власти, устраивали т.н. «майданы», погромы, «восстания масс» и в конце концов — госперевороты. Так было в 80-е годы в Прибалтике, так было в Таджикистане и Киргизии, так произошло на Украине, так должно было произойти в Белоруссии, если бы не опамятовался ее президент... В конце концов мы стали свидетелями этой же самой истории в Казахстане. Выпестованные властями казахские националисты, мгновенно став исламистскими террористами, практически за один день захватили чуть ли не всю страну. Погромы, поджоги административных зданий, разграбление оружейных складов, убийства силовиков с отрезанием голов — обычная игиловская практика — всё это проявилось тут же в течение одного-двух дней безвластного хаоса.

Правда, надо сказать, президент страны Касым Токаев смог проявить волю, остался в столице, перевел на себя все силовые структуры и отдал приказ стрелять по террористам и погромщикам без предупреждения. Одновременно он обратился за помощью в ОДКБ, и странам, членам этой организации, пришлось вводить в Казахстан войска. Остальное всем известно: антигосударственный переворот, готовившийся Англией, США, Украиной и Турцией, был сорван. Токаев прямо сказал по казахскому телевидению: по всей стране в огромном количестве были созданы т.н. «спящие» террористические ячейки, которые в одночасье, получив приказ извне, выступили со всей своей жестокостью против официальной власти, против силовиков и против рядовых граждан. А представители власти и органов безопасности страны не только прохлопали создание этих террористических ячеек, но и в том числе сознательно закрывали на них глаза.

Но главный вопрос после произошедшего остается для нас: станут ли эти январские события в Казахстане уроком для России? А не созданы ли уже в огромном количестве эти «спящие» террористические ячейки на всей нашей территории миллионами мигрантов, в основном из мусульманских республик, прямо-таки с хлебом-солью зазываемых сюда нашей центральной властью? И не ждет ли Россию нечто подобное, но уже с учетом западными и восточными кукловодами казахстанского урока?.. А урок они тоже вынесли...

* * *

Как сообщила французская пресса, Ельцин в 1996 году перед президентскими выборами продал вступление бывших соц. стран в НАТО за 13 млрд. долларов. Эти деньги ему по-

надобились для выплаты зарплаты бюджетникам накануне президентских выборов.

Что, разве наш президент этого не знает? Или теперь, требуя от натовцев возвращения к ситуации 1997 года, он об этом забыл? Видимо, забыл, если поощряет строительство еще одного Ельцин-центра — в Москве... Екатеринбургского убожества нам, как нужно понимать, недостаточно.

* * *

Трамп, январь 2022 года: «Я хочу сделать послание любви: наша страна катится в ад... Демократы нам изо дня в день вдувают в уши: Россия, Россия, Россия... У Соединенных штатов есть только один враг — США».

Единственный раз, когда можно поверить американскому президенту, хоть и бывшему.

* * *

Власть упорно продолжает притеснять работающих пенсионеров. И не просто притеснять их материально, но прямо-таки демонстративно дискриминировать. Даже после того, как глава ПФР Шмаков в беседе, показанной по ТВ, обратился к президенту с просьбой вернуть им индексацию пенсий, — ничего для этого не было сделано. Просьба эта так и осталась пустым сотрясанием воздуха. Вот и в конце 2021 года, когда было объявлено об индексации пенсий на 8,6% в связи с непредвиденно высокой инфляцией, речь шла исключительно о неработающих пенсионерах. Тем же, кто работает, вновь от наших властей не светит ничего. Словно они работают не на нашу страну, а на Америку или, может быть, как некоторые представители власти, получают сотни тысяч или даже миллионы ежемесячно. Ведь работают, будучи на пенсии, пожилые люди, и имеют они к своей жалкой пенсии такой же жалкий приработок! Почему-то нашим финансовым властям (и не только финансовым) на это абсолютно наплевать. Куда проще и, наверное, выгоднее этих людей элементарно дискриминировать. Мало нам притеснений по медицинскому признаку! И ладно бы денег в стране не хватало! Но ведь бюджет на 2022 год был утвержден с профицитом, то есть с запасом! То есть официально объявлено, что денег в государственной кубышке — навалом! Но, наверное, кто-то во власти просто-таки испытывает моральное удовлетворение от дискриминации работающих пожилых людей... (Кстати, выходцы из России граждане Израиля российскую пенсию получают стабильно и неукоснительно.)

А сколько красивых патристических слов нам впаривают на президентских пресс-конференциях!..

* * *

Согласно данным Росстата на 1 января 2022 года, убыль населения России вновь составила миллион человек в год. Это при том, что идет интенсивное предоставление российского гражданства азиатским мигрантам, с трудом говорящим по-русски.

* * *

И вновь наши спортсмены приехали на Зимние Олимпийские игры в Пекин без названия страны, без гимна и флага. Туда же, на открытие Олимпиады, приехал Путин. И, честно говоря, было грустно смотреть, как он, находясь в одиночестве в представительской ложе, приветствовал нашу команду, единственно проходящую по стадиону без национальной символики. А также странно было видеть, как он, улыбаясь и подняв кверху руки, выражал приветствие главе Международного Олимпийского комитета Т.Баху, того самого Олимпийского комитета, который и лишил наших спортсменов национальной и государственной символики. Если перед предыдущими Олимпийскими играми наши центральные СМИ и спортивные функционеры вместе со спортивными комментаторами еще как-то выражали возмущение и неудовольствие лишением нас этой символики, то теперь никто из них вообще больше об этом не заикался и тем более этим не возмущался. Всё, смирились, привыкли, сложили лапки. Теперь при таком смиреннии можно уже никогда не возвращать нашей олимпийской команде ни названия страны, ни флага, ни гимна. И все — наши и не наши — будут делать вид, что это нормально, что, мол, ничего особенного, для России и так сойдёт... Мол, мы же знаем, чьи это атлеты, ну и ладно...

Как известно, к унизительному отношению привыкают быстро.

Смирившиеся околоспортивные терпилы внушают нам из телевизика и радиоэфира пораженческую мысль: мол, эта унизительная дискриминация не принижает побед российских спортсменов, которые достойно отстаивают честь страны. В том-то и дело, что принижает. Попробовали бы нечто подобное проделать с нашей страной при Сталине или даже при Хрущёве и Брежневем!..

* * *

Вот такая у нас «дружба» с Китаем. В аэропорту Пекина, куда Путин прилетел на Открытие Зимней Олимпиады и на переговоры с Си Дзиньпинем, его не встретил никто из официальных китайских лиц. При встрече с председателем Си

они не пожали друг другу руки, хотя на фотосессии для журналистов — стояли рядом. На стадионе во время прохождения команд Путин сидел в одиночестве и в отдалении от сидящих рядом Томасом Бахом и председателем Си...

Для внешнего мира китайское руководство демонстрирует свою холодноватость и дистанцию по отношению к России, тем самым подчеркивая то, что национальные интересы Китая — гораздо важнее слишком теплого российско-китайского сближения. И все прекраснотушные восторги и наивные иллюзии наших телевизорных экспертов и политических шоуменов после этой встречи в Пекине явно обрели настроение разочарования и пошли на убыль. Нет, не даром у нас когда-то появилась эта народная присказка: дружба дружбой, а табачок — врозь... Китайцы этого «мировоззрения» придерживаются чётко.

Вот уже и сказались последствия нашего многолетнего смирения и «гуманизма» — МОК решил не награждать золотыми медалями наших фигуристов за победу в командных соревнованиях. Якобы был обнаружен «допинг» у Камилы Валиевой. Причем его якобы обнаружили еще в декабре прошлого года, а сообщить об этом решили только сейчас — в феврале: выжидали, возьмут наши золото или не возьмут... МОК, естественно, выполнял указания из США.

Американцам позарез нужен был скандал на пекинской Олимпиаде, и они его придумали в самом ее начале. Точно так же они придумали скандал на Летних Олимпийских играх 2020 года, когда по их указанию были лишены золота и бронзы сестры Аверины.

Норвежские астматические допингёры все до одного сидят на разрешенных стимуляторах и собирают медали в лыжных гонках и биатлоне. И абсолютно никого это не волнует. Ни ВАДА, ни МОК никаких вопросов по этому поводу никому не задают. Да и спортсмены других команд с этим свыклись. Но нашу фантастическую пятнадцатилетнюю фигуристку Камилу Валиеву пиндосам нужно было остановить...

А толерантные «гуманисты» в сферах власти нам каждый год объясняли: «Да, неприятно... Но что поделаешь, спорт есть спорт...» И заглушали обиды спортсменов подаренными «Мерседесами» на Красной площади...

13 февраля четверка российских лыжников в эстафете по 10 км на ОИ в Пекине порвала норвежских допингёров, опе-

редив их более чем на минуту. Оказалось, что на высокогорной лыжне норвежский «противоастматический» допинг не работает. На последнем этапе Сергей Устюгов привёз хвалёному и «непревзойдённому» Йоханнесу Клебо десять секунд. Норвежская многолетняя допинговая афера была повержена в пух и прах. А накануне, 12 февраля, то же самое сотворила и наша женская лыжная четвёрка. То есть мы сделали золотой дубль в этом виде гонок, в котором годами первенствовали «астматические» норвежцы. Но в Китае их хитрый номер не прошёл. И вадовско-моковские проамериканские ублюдки могут теперь долго скрипеть зубами и кусать локти. Единственное, что им теперь остаётся — принять окончательное решение о наказании Камилы Валиевой, а значит всей четверки наших фигуристов, и о лишении их золотых наград, чтобы хоть как-то отыграться за наши неожиданные для них победы.

* * *

Моковские «скоты», как их обозвала директор департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ Мария Захарова, вдоволь поиздевались над нашей фигуристкой Камиллой Валиевой — 15-летней девчонкой, которой так и не отдали завоеванную ею золотую олимпийскую медаль. Не приняв никакого решения по ее якобы допингу (на деле, микроскопической частицы сердечного лекарства в крови), они то разрешали, то запрещали, то вновь разрешали выступить ей в индивидуальных соревнованиях, оскорбляя при этом и ее тренера, и всю нашу страну. А зарубежные журналоги, как свора кровожадных шакалов, при каждом возможном случае набрасывались на нее с одним и тем же подлым вопросом: «Вы применяли допинг? Вы применяли допинг?..», прекрасно зная, что в фигурном катании применять какой-либо допинг вообще не имеет никакого смысла, и подобных прецедентов никогда не было. Но им подбросили такую приятную пищу для зубоскальства: ну как же, опять Россия попалась!..

В конце концов моковско-вадовские «скоты» ей позволили выступить. Но нервная система 15-летней Камилы не выдержала. Она трижды упала во время исполнения произвольной программы. И в итоге заняла четвертое место. Хотя первой всё равно стала наша фигуристка — Анна Щербакова. Но мерзкое поведение «скотов» мы запомним надолго.

Зимние Олимпийские игры в Пекине закончились, но Камила так и уехала домой без золотой медали. Давно уже пора и МОК, и его проамериканского президента Т.Баха от-

править в утиль. А нам надо наконец прекращать эти унизи-
тельные «игры» без названия страны, без флага и гимна.

Исторический день. В ночь с 21 на 22 февраля 2022 года Путин наконец-то подписал указ о признании независимости Донецкой и Луганской народных республик — на следующий день после окончания Зимних Олимпийских игр в Пекине. В тот же день, 22 февраля, состоялась ратификация Федеральным Собранием РФ Акта о признании ДНР и ЛНР и Договоров с ними о дружбе и сотрудничестве (в том числе и военном). Словно это было спланировано заранее — и окончание Олимпиады, и массированный трехдневный артиллерийский удар Украины по территории Донецкой и Луганской областей. И Кремлю ничего не оставалось, как признать их независимость. Словно Киев и Вашингтон подгадали этот военный удар тогда, когда было надо, — не раньше и не позже...

Как говорится, Украина сама нарвалась на признание Россией республик Донбасса. А ведь у нее был шанс сохранения для себя этих территорий. Но Киеву и Вашингтону, как все теперь понимают, они были не нужны. И всё сделали, чтобы эти территории отпали от Украины и оказались в конце концов признаны Россией...

Возможно, и не было такого плана. Но всё сложилось именно так, как будто это было спланировано. Причём точно так же, как в 2008 году в связи с признанием Южной Осетии и Абхазии — после вооруженного нападения на них Грузии и сразу по окончании Олимпийских игр в Пекине... Удивительная закономерность и идентичность!.. И цифры при этом очень интересные: тогда это было 08.08.2008. Теперь — 22.02.2022. Кстати сказать, резолюция Совбеза ООН, утвердившая т.н. «минские соглашения», имела номер 2202...

Очень странно на заседании Совета Безопасности России выглядели Патрушев и Нарышкин. Один предложил провести по Донбассу еще одни переговоры с США. Другой, всё проспав, вдруг проснулся и решил, что речь идёт о вхождении ДНР и ЛНР в состав РФ... После чего Путину пришлось возвращать их в реальность. И эти люди, потерявшие связь с реальностью, отвечают за безопасность России!

Закончилось восьмилетнее кремлевское потакание Украине. Западный мир всеми своими действиями и всей своей

маразматической реакцией теперь заставит Кремль ликвидировать украинскую армию. Точно так же, как он заставил российскую власть наконец-то признать донбасские республики. Этого еще много лет не произошло бы, если бы Запад со всем своим упорством не заставил Кремль их признать. И теперь главные американско-европейские клоуны просто обязаны заставить Россию, точнее, ее политическую верхушку, лишиться Украины армии, ликвидировав ее полностью и окончательно. И тем самым российская умиротворительная невнятица на Украине подойдет к концу.

Теперь идея Новороссии получит новую живую кровь. И Укропия пойдет на убыль. Как сказал Путин, Украина имени Ленина, свалившая памятники своему отцу-основателю, должна быть последовательной — и отказаться от коммунистических подарков, т.е., по его словам, провести полную декommунизацию.

Отныне в политических дискуссиях речь будет идти не о судьбе Донбасса, а о судьбе Украины. И весь мир теперь, после выступления по телевидению Путина, знает, что крепость Очаков брал Александр Васильевич Суворов...

* * *

Конечно, если бы донбасские республики были признаны Путиным сразу после их референдума в 2014 году, то никакой войны там не было бы вообще, никто бы их не обстреливал, не было бы ни военных котлов под Иловайском и Дебальцевом, ни 15 тысяч погибших, ни потерянных наполовину донбасских территорий. И более того, сейчас они уже были бы в составе России. Но Путин тогда забоялся... И теперь всё равно пришлось их признавать, но уже совсем с другим качеством украинского нам противостояния — с другой армией. За прошедшие восемь лет об этом говорили и писали все, кто был способен думать и понимать. И сколько будет теперь жертв этого противостояния — одному Богу известно. Жизнь всегда доказывает эту истину: не нужно откладывать неизвестно на сколько то, что можно сделать сегодня, — это будет намного дороже...

На пресс-конференции 22.02.2022 Путин сказал, что «минских соглашений» больше нет. А ведь их никогда и не было. Как Порошенко, так и представителей Донбасса насильно заставили их подписать, хотя «соглашаться» с тем, что сказано в этих нереальных «соглашениях» никто из них и не собирался. И это понимали абсолютно все. Никаких «соглашений» на самом деле не было изначально. Так для чего же восемь лет долдонили о необходимости выполнения того, чего

не было и быть не могло? Как мы теперь понимаем, — для прикрытия нерешительности одной стороны (кремлевской) и для восстановления армии другой (украинской). И вот наконец Путин признал: «Минских соглашений нет. Они убиты». Господин президент, невозможно убить то, чего никогда не было. Да, их нет. Зато есть 150-тысячная украинская армия, вооруженная натовцами, на границе с Донбассом.

Эти пресловутые «минские соглашения» не только никого не спасали, но, наоборот, убивали людей на Донбассе. Для чего, г-н президент, они вообще были нужны? Чтобы прикрыть чье-то политиканство и задобрить западных «партнеров»? Задабривания все равно не получилось, а восемь лет были потеряны вместе с многими человеческими жизнями. Восемь лет, которые могли быть потрачены на восстановление нормальной жизни в донбасских республиках. И давайте, г-н президент, наберемся мужества и скажем честно перед всем народом: т.н. «минские соглашения» были большой вашей ошибкой.

* * *

Телевизорные оракулы вновь, через восемь лет, начали повторять, как по команде, временно забытый лозунг: «Своих не бросаем!» Но за донбасскими событиями никто из них, «своих не бросающих», ни разу не вспомнил про Приднестровье...

Ясно, что «своих» они вспоминают только по команде сверху.

* * *

24 февраля В.В. Путин сделал второй абсолютно необходимый шаг — объявил о проведении военной спецоперации по демилитаризации Украины. Шаг на этот раз своевременный, хорошо продуманный и решительный. Армии ДНР и ЛНР в тот же день начали самостоятельное наступление на ВСУ и нацбатальоны, окопавшиеся на линии разграничения с донбасскими республиками, а российские вооруженные силы нанесли сначала точечные ракетные удары по украинским аэродромам и средствам ПВО и после этого вошли на территорию Украины. Первым делом наши десантники высадились под Херсоном и взорвали дамбы, перекрывавшие Северо-крымский водный канал. А российские танки тем временем двинулись на Киев.

Как я и писал ранее, Запад заставил-таки Кремль вторгнуться на Украину и ликвидировать ее армию. Отныне, если и появится на Украине своя армия, то находится она будет под полным контролем российского военного командования.

В этот день натовским бесам прищемили хвост, и визг стоял громкий и мерзкий. Но воевать с Россией за киевский режим они струсили. И это было ясно заранее. Но в ход пошли, как всегда, «адские санкции» или, по их же словам, «санкции из ада». Они уже сами согласились с тем, что построили у себя ад.

Киевский майдан, как показали по ТВ, в тот же день вымер. Такие смелые бандеровские «патриоты» куда-то быстро слиняли и одновременно трусливо полиняли. Юные прыгуны и прыгуньи, разливавшие в 2014 году бензин по бутылкам в Одессе возле Дома профсоюзов, попрятались в своих квартирах и не высовывали носа, хотя наши танки 24 февраля до Киева и тем более до Одессы еще не дошли... Наверное, прыгали в своих квартирах, крича: «Хто нэ скаче, той москаль!» Хотя вряд ли: москаль мог оказаться и за стенкой... Танки еще только двигались к Киеву, но там уже никто с прежним упоением не прыгал и не кричал: «Москаляку на гиляку!» Как и ожидалось, русский танк, движущийся на Киев, является самым лучшим воспитателем примерного поведения для юных киевских оболтусов.

Да и госпожа Фарион куда-то сразу запропастилась...

За восемь лет напрыгались.

Как же долго мы этого ждали!

* * *

Третьим нашим шагом, после взятия Киева, конечно же, должна стать денацификация Украины. Украинский нацизм — это настолько мерзкое, крикливое, тупое, агрессивное и одновременно пародийное явление, что без физиологического отвращения воспринимать его невозможно. Кое-кто в телеящике называет его радикальным национализмом. Но к национализму украинский нацизм не имеет никакого отношения, о чём я подробно писал уже не раз. Нравственно здоровый национализм — это любовь к своей нации и уважение к другим нациям. Украинский же нацизм — это исключительно **ненависть** и ничего, кроме ненависти. Причем ненависть тупая, зоологическая, не объяснимая ни логически, ни исторически, ни психиатрически. И ненависть эта только и единственно к русским. По всей видимости, вырастает она из ощущения своей ментальной неполноценности — в широком понимании этих слов. Данная ментальная неполноценность исходит из подспудного осознания искусственности, неестественности, придуманности таких симулякров, как украинская нация и несостоявшееся государство под страным названием «Украина». Ведь фактически и нации такой

нет, и государство такое не получилось. И в результате — зависть и ненависть к своему ближайшему старшему брату, исторически состоявшемуся национально, и государственно, с которым он, украинский «нацист», вынужден жить рядом и зависеть от него во всех отношениях. И сколько бы ни было попыток создать украинскую нацию и украинское государство, похожее на Россию и независимое от него, все эти попытки заканчивались полным провалом — не получалось ни того, ни другого: украинский т.н. «национализм» оставался пародийным, а государство получалось никчемным. И оставалась только ненависть, самоназванная украинским нацизмом. И если, к примеру, у германского нацизма была своя вполне конкретная и понятная идеология, имевшая своих теоретиков, то вся т.н. «идеология» украинского нацизма заключается в одном-единственном чувстве — ненависти к русским, коими они сами же исторически и являются. А ненависть порождает только жестокость. И поощряла украинский нацизм все последние годы киевская сионистская власть.

Денацификация украинского нацизма должна быть долгой, упорной и непримиримой. Украинский нацизм нужно будет запретить законом, как германский нацизм или как Игил. Без этого его заглушить и победить не получится.

Китайские банки присоединились к американско-европейским санкциям против России, а во время голосования в Совбезе ООН за предложенную США резолюцию, осуждающую Россию за военную спецоперацию на Украине, представитель Китая не проголосовал против, а всего лишь воздержался. Дружба дружбой...

Приходится вновь и вновь объяснять нашим недалеким сетевым «мыслителям», топящим за мир на Украине. Эти «миротворцы» с одной эгоистичной извилиной в голове то и дело повторяют: «Нам нужен мир! Скорей бы наступил мир! Ведь всё равно все войны кончаются миром!..» И эта одна-единственная их извилина не позволяет им понять, что нам нужен не мир, а победа, что ради мира с врагами русских и войну не стоило начинать. Не ради мира мы воевали с германскими нацистами, а ради Победы над ними и ради их безоговорочной капитуляции. И горе Донбасса заключалось именно в восьмилетнем мире с фашистской украинской властью. А радость и счастье Донбасса — в разгроме нацистс-

ких батальонов и в победе над ними. Мир с фашисткой Украиной приносил Донбассу только человеческие жертвы и разруху.

Так что все эти наши соплежевательные пропагандисты «мира» с одной извилиной на деле безмозгло ратуют за продолжение бесконечной войны. Еще в 2007 году я написал в своем стихотворении: «Наше горе не от войны, // наше горе от мира с врагами».

И еще — о нашем дурном «гуманизме». Мол, мы гуманно и уважительно относимся к украинским военнослужащим... Цензурных слов не хватает, чтобы выразить свое возмущение этой либералистической дуростью! Они, украинские военнослужащие, восемь лет обстреливали Донбасс, а в конце февраля из всех видов артиллерии долбили по пригородам Донецка и Луганска, а когда ради спасения своей дешевой шкуры решили сдаться, мы, такие ни с кем не сравнимые «гуманисты», их накормили, напоили, перевязали им раны и с большим кремлевским «уважением» отпустили их по домам. Но у большинства из них, отпущенных по домам, злоба и ненависть к нам после этого десятикратно усилятся. И мы еще не раз с ними столкнемся в будущем... Тем более после кремлевских переговоров с той же нацистской властью... А не лучше ли было отправить их в фильтрационные лагеря, а затем — на работу в донбасских шахтах или на восстановление разрушенных объектов Луганска и Донецка? В 2014-м и 2015-м годах таких же украинских военнослужащих, попавших в окружение в котлах, точно так же «гуманно» отпускали по домам. А потом они объявлялись в нацбатальонах...

В первые дни спецоперации ради сохранения жизни оккупированных под Донецком солдат ВСУ мы не применяли штурмовую авиацию. А вэсэушники, воспользовавшись этим, из своих укрытий били «Градами» по жилым кварталам Горловки, Макеевки и Донецка, каждый день добавляя новые жертвы и разрушения. Такой «гуманизм» во время боевых действий категорически недопустим.

Декларативный гуманизм по отношению к врагу — это не что иное, как безответственное отношение к самим себе и к безопасности своего государства. А принципиальная жесткость по отношению к врагу — это самый верный и самый необходимый гуманизм по отношению к своему народу.

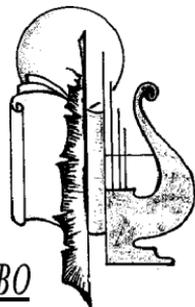
Нина ЧЕРЕПЕННИКОВА,
кандидат философских наук

СПАСИБО, ЧТО БЫЛ

(Вспоминая Василия Шукшина)

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию — были!
В. Жуковский

Это написано после очередного юбилея писателя Василия Шукшина. И писалось не по заказу, а по зову души, светло откликающейся на его имя. В этом году ему исполнилось бы 93 года... Не уберегли мы нашего «земного праведника», легкоранимого и умеющего болеть чужой болью. Слава Богу, что не забываем! Однако, воспоминания-то не у всех одинаковые. И, как справедливо заметил В.И. Белов в своей книге «Тяжесть креста», всё чаще появляются однообразные «штампы вульгарного социологизма», которые «особенно раздражали Василия Шукшина». Но, как всегда, прав оказывается тот, кто воспринимает феномен Шукшина любящими глазами и с позиций, разделяющих эстетические и жизненные взгляды писателя. Тот, кто с «благодарностию» вспоминает нашего великого соотечественника... И не только с благодарностию... Так, писатель В.Г. Распутин, в своих воспоминаниях «О Василии Шукшине» пишет о «незатухающей вине перед Шукшиным, стыд, сравнимый разве что со

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

стыдом за несдержанное обещание». Укоряет же себя и всех нас Распутин за то, что «...что-то мы не сделали после Шукшина, что-то необходимое и важное, в чём-то, за что он бился, мы его не поддержали». Трудно не согласиться... И есть над чем подумать...

«Мы умели жить...» — эти слова Василия Макаровича Шукшина никак не совместимы с бытовой роскошью, на которую падки многие современные творческие люди. Важно помнить, что «умение жить» по Шукшину означает — работать до изнеможения, пировать от души, любить до самозабвения, ценить искреннюю дружбу и дорожить ею. И пуще всего — любить свою Родину и, главное — жить по совести. Может, эти призывы для кого-то звучат старомодно, но, на мой взгляд, они вечны...

Человек из народа, Василий Макарович отличался трудолюбием и всегда связывал «умение» жить с **честным трудом и честной жизнью**. Вот этой ответственности перед народом и совестливости, увы, не наблюдается сегодня у тех, кого мы называем интеллигенцией. Тех же, кто не поступается гуманными принципами, значительно меньше и им, чаще всего, живётся в современной жизни трудно... Большинство же тех, кого мы сегодня видим на экранах и на сценах, овладела страсть к «красивой жизни», для которой требуются «большие деньги», приходящие вместе с «успехом». А он необходим «сегодня и сейчас». И некогда думать о каких-то «стремлениях к великой цели», и, увы, давно уже не наблюдается желания работать для народа.

А благодарить Василия Макаровича надо за многое. Современной российской литературе давно был нужен летописец «маленького», незначительного, неброского с виду и, как принято говорить, самого обычного человека. Нет, это не тот «маленький человек», стиснутый социальными цепями и так трогательно воспетый Гоголем и Достоевским. Шукшинский человек, наоборот, не вызывает жалости, ибо он не обделен самыми разными достоинствами и, самое главное, может упорствовать в отстаивании своих принципов. Шукшин ратовал именно за эту способность людей — не быть «маленькими» и жить, согласуясь с движениями своей души.

Творец словесных психологических портретов сельских и городских тружеников, сумевший как никто зорко разглядеть особенности национального характера, — таким пришёл в литературу прошлого века Василий Макарович Шукшин. Пришёл неожиданно, в начале 60-х годов, и читающая публика сразу же полюбила нового автора, с интересом встретила его публикации в периодической печати и с не мень-

шим вниманием следила как за его актёрскими, так и режиссёрскими работами. «Нам так нужен был Шукшин — и он пришёл, сделал свое дело талантливо и честно, не жалея себя...» Так заканчивал свои воспоминания о нём писатель В.Г. Распутин. И не удивительно, что герои Шукшина сразу же привлекли внимание читателей: главная черта почти всех его героев — отстаивание своего я и собственной жизненной позиции — сразу и всерьёз затронула душевные струны советской читающей публики. Самой разной... Да и как иначе, ведь народ-то состоит из людей... разных. Как мудро рассудил герой рассказа «Алёша Бесконвойный»: «Да два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтобы люди прожили одинаково». Вот и «шукшинский» заурядный с виду человек яростно отстаивал свою независимость перед всеми. Самого же писателя Москва давно научила терпеть и молчать... Он «выплёскивал пар» через своих «чудиков», не умеющих мириться с «бессмертной пошлостью людской».

Писатель Шукшин мог, как никто другой, разглядеть особый душевный склад каждого человека и его образ души, делающий индивидуума неповторимой личностью. Смог увидеть склад сложного характера русского человека, который оказывался на поверку далеко не так уж и прост. Василий Шукшин заступился за русского человека задолго до веского слова Георгия Свиридова (при вручении ему премии имени Сергея Есенина), громко заявившего: «Я призываю вас: не стыдитесь того, что мы русские люди! Нельзя ни скромничать, ни стыдиться. Мы такие, какие есть. Меня спрашивают: какой я? Я русский человек! И дело с концом. Что ещё можно сказать?»

Всё примечательный писатель Шукшин сумел разглядеть в поступке «рядового» человека глубокие мотивы, которые и сам этот «обыкновенный» человек» вряд ли смог бы объяснить. Вот этих людей и окрестили двусмысленным именем «чудик» представители «вульгарного социологизма», столь ненавистного Василию Шукшину. Правда и то, что сам писатель подсказал критикам — назвав одного из своих героев «чудиком». Но, похоже, что Василий Макарович вложил несколько другой смысл в это определение, почему-то ставшее опознавательным признаком почти для всех героев его рассказов. Но... так «распорядилась» критика. Однако есть и замечательное, самое верное и исчерпывающее определение: «Чудик» у Шукшина и есть тот самый человек, который не выдерживает бесприютного одиночества и вслепую, неуверенно и судорожно ищет пути, чтобы быть вместе с народом и из холодного понятия вернуться в живую его плоть, чтобы, не

довольствуясь ценностью физического существования, получить духовное значение». Эти слова принадлежат В.Г. Распутину.

Рассказывал же писатель о своих героях с таким накалом чувств, что, конечно же, не могло оставить равнодушными и читателей. Герои Шукшина стараются «душу живую в унылом общем равнодушии не погубить» — отмечает писатель В. Курбатов. Так, в рассказе «Обида» главный герой — Сашка, неплохой человек и обыкновенный гражданин, вдруг среди бела дня оказывается в эпицентре хамства и не хочет согласиться с подобным к себе отношением. Его оскорбили, унизили, и обида была незаслуженной... И нет бы проявить благоразумие и тихо уйти из магазина, но Сашка, возмущённый поддержкой хамства продавщицы стоящими в очереди людьми, решил выяснить мотивы подобного заступничества. Это — рассказ о хамстве, возведённом в закон жизни. И если хамство тех лет находило отпор не только у таких людей, как «гордый» Сашка, то в наше время оно уже стало заурядным явлением. И, более того, хамство теперь считается одним из способов утверждения личности и даже поощряется. Люди забывают, что хамство — это орудие личности, которая не в состоянии в силу своей неразвитости защитить себя иначе. Думающий читатель задаст себе вопрос: «А почему я-то постоянно терплю хамство и молчу?» И подобные вопросы выбивают читателей из апатии. Чуткие и умные люди всё чаще начинают задавать себе и окружающим шукшинский вопрос: «Что с нами происходит?» Как тонко заметил В. Курбатов: «Опять тебе, как всегда с Шукшиным, не до литературы...» Да, его герои-чудики могли «рубить правду-матку в глаза», вот потому шукшинское знаменитое выражение «глаза в глаза» сразу же подхватил и народ.

Кто-то назвал Шукшина «Чеховым наших дней» и писателем, которому удалось запечатлеть «душевную хронику» обычного русского советского человека. Его тоже занимали простые люди с их обычными буднями и заботами. Шукшин, как и Чехов, был всецело погружён в жизнь современников и, как замечательно выразился В. Курбатов: «Он не был только автором, властителем текста или киноматериала. Он всем этим жил». Однако не всем, порой даже маститым критикам, и не всегда удаётся понять мотивы его творческих замыслов. Что же касается современного читателя, то в нынешнее время — время упадка культуры и внедрения во все виды искусства и литературы китча «дорогие россияне», особо не задумываясь, глотают много чепухи, страшась прослыть «нецивилизованными» и несовременными. Читателя и зрителя вот

уже более трёх десятилетий отучают задумываться над мотивами поступков героев произведений...

Так, например, в Театре Наций, режиссёр вкупе с артистами призывает зрителей посмеяться над «чудиком», гротескно изображая деревенского жителя. И как весело-то глумятся, призывая и зрителей разделить режиссёрскую «радость открытия». На этой «авангардной» сцене рассказ «Беспалый» из трагедийной истории о несчастной любви превращён в клоунаду, в которой даже и текст рассказа трактуется в духе комедии с жутковатым финалом. А одевают артистов для спектакля по шукшинским рассказам в аляповатые и почти клоунские костюмы, чтобы показать, что и трагедии у сельских жителей не стоят переживаний «просвещённого» городского зрителя.

Или сатирическая повесть Шукшина «Энергичные люди», прозвучавшая более 45 лет назад как «театральная бомба». Василий Макарович всей душой презирал сытых и преуспевающих стяжателей, ловко вжившихся в экономические отношения социализма. Но, осуждаемые зрителем в спектакле Г. Товстоногова, (поставленном в 1974 году в БДТ), они ожили с новой энергетикой в постановке С. Безрукова в Московском губернском театре, и явились уже в другом качестве, а именно: как пародия на советских людей. Тем не менее спектакль, названный «спектаклем-караоке», был радостно воспринят зрителем. Если исповедальные речи спекулянтов свидетельствовали в 70-х годах об их нравственном падении, то в «перестроечные» времена «энергичные люди» превращенные в «предпринимателей», были призваны, чтобы всем залом посмеяться над нелепыми «совками». Добывание денег любой ценой как девиз постперестроечного времени означает торжество «святой частной собственности», но это, похоже, воспринимается зрителями уже как норма «новой жизни» и не вызывает отторжения. В итоге современный зритель воспринимает спектакль «как надо», то есть, как пародию на социалистическое общество и как весёлое балаганное представление.

Жутко сознавать, что вечные человеческие ценности: любовь, верность, доброта, честность, которые неоспоримо были и останутся мерилем духовно здорового общества, в подобных спектаклях по рассказам Шукшина призваны всего лишь... повеселить зрителя... И вот уже более тридцати лет режиссёры-«авангардисты» призывают российского зрителя смеяться над «обветшалой» советской нравственностью... А в итоге получается смех сквозь слёзы... для всей страны.

Это у «гениальных» режиссёров называется «стряхнуть пыль с классики». Страшно становится за новое, не отяго-

щённое памятью поколение, которое некритически относится к подобным «авангардным озарениям» деятелей культуры, этих непотопляемых «гениев без гения», оседлавших как драматические, так и оперные театры страны. Увидев подобное на сценах знаменитых театров, зритель смеётся... И цель достигнута: глубинный смысл авторского текста отодвинут, и классик «гениальной» мыслью очередного режиссёра-авангардиста «приближен» к современному зрителю...

Сейчас нет цензуры... И вот уже который год многие с недоумением разглядывают памятник знаменитым выпускникам ВГИКа — Василию Шукшину, Геннадию Шпаликову и Андрею Тарковскому, поставленный во дворе института. Возмущённый композиционным решением автора (Сергея Соловьёва), нелепо изобразившего Василия Шукшина, сидящего в ногах двух известных кинематографистов, сподвижник Шукшина оператор Анатолий Заболоцкий выразил свой протест, который поддержали маститые деятели искусства. Соратники и коллеги Шукшина потребовали переделки памятника. Но, увы, Сергей Соловьёв, который являлся единственным автором и финансовым исполнителем скульптурной композиции, изменять что-либо в своём «шедевре» категорически отказался. Однако не лишним было бы выяснить, кто же главный инициатор столь эвристической идеи — изобразить Василия Шукшина одетым в ватник и сидящим на земле. Почитателям Шукшина хотелось бы узнать имя заказчика подобного образа писателя Шукшина, постигшего своим «деревенским» чутьём внутреннюю сущность не только провинциального, но и городского человека... Думается, что не скульптор был затейником этой композиции. Так опростить образ продолжателя чеховской традиции — это, видимо, надо было очень ненавидеть автора...

Шукшин писал словесные портреты русского человека прошлого века. Изменилось ли что в нас за 47 лет без Шукшина? Да, изменилось. И далеко не в лучшую сторону... Однако, как ни старались внешние и внутренние враги России, хочется надеяться, что главного они сделать не смогли — изменить ментальность русских людей. Мы, как и прежде (в глазах «просвещённой Европы») остаёмся «медведем»: терпеливы до поры и непредсказуемы...

И по-прежнему больно сознавать, что Василий Макарович умер на взлёте... За душой у него оставалось много творческих замыслов и провидений. Все его рассказы — это как бы первая глава начинающейся трагедии русского народа. Трагедии, начавшейся с недовольства «шестидесятников» с их преклонением перед западной «цивилизацией» и, соответ-

ственно, с критикой советского социалистического строя. Непреодолимое тяготение к импортным вещам, происходящее на фоне забвения традиционной нравственности, закончилось как у аборигенов: клюнули на «блестящее». Шукшин это остро почувствовал и «посмел» вслух заговорить об этом. Писатель Шукшин, как никто другой, заметил в диссидентских настроениях угрозу всему, что произойдёт в дальнейшем. Это и уничтожение деревни и расшатывание основ здоровой морали и нравственности; настойчивое внедрение «прав» человека и «общечеловеческих ценностей» (приведшие к появлению в России лиц нетрадиционной ориентации и бесцеремонности ювенальной юстиции): всё это внезапно и решительно «обновило» российскую жизнь... Шукшин пытался предостеречь нас от всего, с чем мы столкнулись сегодня. Так, к 80-м годам всё вылезло на поверхность: «дорогие россияне» потянулись к «гостеприимному» окну Европы и растворились в «интернационализме». Потом пуше всего полюбили пресловутые «общечеловеческие ценности» и постарались забыть, что они — русские, у которых «особенная гордость». И трагедия русского народа развернулась во всю!

Вот такая настала пора... Нравственность, как синоним правды, нынче перестала быть главным критерием гармонической жизни общества. На передний план вышла «успешность», оправдывающая все средства для своего достижения. Появился капитализм «по-русски» и пороки, уже не стесняясь, вышли на авансцену. Отрицательные персонажи шукшинских рассказов сейчас на плаву, ибо пришло их время. А универсальное слово «бизнес» разом поснимало все противоречия преобразившегося общества, стремительно поменявшего ориентиры на западный вектор. «Преуспевших» показывают по ТВ, они служат эталоном «состоявшейся» жизни, с них берёт пример молодёжь. Удивительно точно, в своём очерке о Шукшине, рассуждая о народе, отметил В.Г. Распутин: «И только одно может иметь для любого народа самые тяжёлые и непоправимые последствия; самодовольство поколения или нескольких поколений, забвение корней своих, сознательный или бессознательный разрыв с многовековым опытом прошлого, ведущие через последующие связи к утере национального чувства и исторической памяти, к разобщению, обезличенности и безродности». К сожалению, все вышеперечисленные В.Г. Распутиным приметы уже налицо...

Василия Макаровича, знавшего не понаслышке заботы и нужды российского крестьянства и городских жителей, больше всего волновала именно народная жизнь. Да, недостатки у народа были, но зато были и достоинства. Да ещё какие!

Не лишним будет вспомнить, что в духовной жизни СССР эпоха 60-х — начала 80-х годов стала временем глубокого осмысления славяно-русской культуры во всех видах искусства. Именно в этот период создаются великие по значимости произведения литературы и музыки. Как хорошо отметил Г. Свиридов: «Это была эпоха глубоких предчувствий. В ней вызревала большая национальная мысль, находившая в себе сильное творческое выражение. Я имею в виду творчество Ф.Абрамова, В.Шукшина, плеяды поэтов: Н.Рубцова, А.Передреева, С.Куняева, А.Прасолова, О.Чухонцева; писателей: В.Астафьева, В.Белова, Ю.Бондарева, Е.Носова, В.Крупина, В.Распутина, русскую критику: В.Кожина, М.Лобанова, В.Гусева и др.». Я бы добавила сюда и творчество замечательных музыкантов В.Чернушенко, А.Полетаева, В.Гаврилина, искусством которых мы по праву гордимся, ибо результат их творчества явился большим вкладом и в мировую культуру.

Стоит вспомнить, как именно в те годы стремилась расширять свой кругозор советская интеллигенция! Кто из послевоенного поколения не помнит вспыхнувший в 60—70 годы неистовый интерес к мировому искусству — кинематографу, литературе и живописи! При этом советские люди искренне разделяли слова великого драматурга, лауреата Нобелевской премии Б.Шоу, произнесённые им 31 июля 1931 года во время пребывания в Москве: «Я уезжаю из государства надежды и возвращаюсь в наши западные страны — страны отчаяния...» Мы тоже верили в будущее нашей страны...

Сейчас же, когда по Интернету можно посмотреть любой стоящий иностранный фильм — вот уже второе поколение россиян предпочитает боевики и пустые приключенческие фильмы. Срабатывают старательно прививаемые «дорогим россиянам» девизы: «Меньше негатива!», «Не напрягайтесь!», «Думайте о хорошем и всё будет у вас хорошо!». Кто поумнее — шутят и называют подобное зомбирование народа «всеобщей дебилизацией», кто поглупее — верит в обещания и ждёт «сладкой жизни». Главным же в этих психологических атаках — не нагружать людское сознание размышлениями, могущими привести к самым неожиданным выводам.

В результате наши дети переняли от взрослых новый «россиянский язык», состоящий из смеси англицизмов, сленга и приклатнённого жаргона... Они уже и изъясняются на «ломаном» русском, где самыми популярными у них стали слова: «прикольно» и «супер», «круто» и «жесть» и др., заменившие практически все части речи великого русского языка. Также дети привыкают к распространению в общественных

местах нецензурных выражений и сами начинают употреблять их в своей речи. И порой дети, не стесняясь, грязно выражаются в публичных местах... При том, что существует закон, запрещающий нецензуричину.

Подрастает уже второе поколение «Эллочек-людоедок», пренебрегающих классической русской литературой и не умеющих изъясняться грамотно на родном языке... На глазах меняется и тональность русской речи. Молодёжь завывает и делает совершенно не свойственные фонетике русского языка удлинения гласных в конце слова. Слушаешь их речь и не можешь понять, откуда появились эти фонетические трюки? Думается, что Василий Макарович ужаснулся бы, увидев всё более набирающий темп издевательств над русским языком. В своём последнем письме в издательство «Молодая гвардия» он напоминал: «Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами...» А мы, думается, уже его теряем.

Интересно, что сам Василий Макарович однажды поделился с Василием Беловым мечтой о том, чтобы старшая дочь Мария владела бы двумя иностранными языками. В этом его желании, на мой взгляд, сказалась боль от недополученных в детстве знаний, когда думы крестьянства были сосредоточены на хлебе насущном... И дочь осуществила завет отца: окончила институт иностранных языков. Более того, Мария стала достойной продолжательницей его духовного наследия и решительно воспротивилась нравственному падению современного нового «перестроенного» общества, публично выступив с отрицанием культурной политики, способствующей деградации нравственных и духовных ценностей подрастающих поколений. Мария напомнила, что падение всех великих цивилизаций начиналось с уничтожения именно этой — главной сферы человеческой жизни, ибо, как справедливо отметила публицист Л. Сычёва, «...в духовно разрушенной стране можно делать всё, что угодно».

Об этом же говорит и писатель В. Курбатов, указывая на приметы современной нам жизни: «Пошлость и духовное истощение жизни, стремительно расходящаяся трещина между человеком и человеком, которые так мучили и злили его (Шукшина. — Н.Ч.), стали вдруг не только нестыдны и неопасны, а законны и поощряемы».

Раздумывая о стремлении к свободе, доставшемся русскому человеку от далёких предков, Шукшин воссоздал образ человека, одержимого вольным духом — Степана Разина. Об этом его роман — «Я пришёл дать вам волю». Шукшинский

Степан Разин — яркий тип народного заступника, а не только поддерживаемый в народном сознании тип атамана-разбойника. И бесконечно жаль, что Шукшину так и не удалось на основе этого романа поставить фильм... Также мы до сих пор не видим и пьесу «Ванька, смотри» (измененное название его сказки «До третьих петухов»)...

Чуткий ко всем видам несправедливости, Василий Шукшин порой волновался до слёз и, что называется, «закипал». Но тысячу раз прав Н.А. Некрасов: «То сердце не научится любить, Которое устало ненавидеть...» Эти бессмертные строчки поэта, на мой взгляд, наиболее верно характеризуют беспокойный внутренний мир Шукшина и его категорическое несогласие с навязываемым широкой публике «интеллектуалами от критики» высокомерным отношением к народу. Своими наблюдениями, мыслями, сомнениями, касающимися общественной и личной жизни, Василий Макарович откровенно делился со своими верными друзьями. Их у него было не так уж много. Вот потому-то нам так дороги воспоминания друзей и коллег режиссёра, актёра и писателя Шукшина, имевших счастье общаться с «земным праведником» накоротке. Как жаль, что замечательная книга двух авторов, составленная из воспоминаний большого русского писателя В.И. Белова и талантливого оператора А.Д. Заболоцкого (работавшего вместе с Шукшиным над фильмами «Печки-лавочки» и «Калина красная»), людей, которые имели счастье общаться с писателем, вышла удивительно малым тиражом и многие не смогли её приобрести. Василия Ивановича Белова с нами уже нет, но книга А. Заболоцкого была переиздана издательством «Вече» в 2019 году и называется «Шукшин в кадре и за кадром». Прочтите её.

Василий Макарович весь плоть от плоти из русской деревни, потому и не приходилось ему выдумывать ни язык, ни мудрость, ни характеры, которых у Шукшина много — они не выдуманы, как и действие, которое есть в рассказах. Макарыч находил сохраненное в деревне, не напрасно он говорил: «Нравственность есть правда». Не просто правда, а Правда с большой буквы. Большое мужество и честность — жить народной радостью и болью. Чувствовать, как чувствует народ. «Народ всегда знает правду» — великая истина. Ни в каких вузах, и кинематографических в том числе, эту истину не добыть. Её найти можно только среди своего народа. Один из героев у него говорит: «Посмотри, что ни великий человек, почти всегда из деревни. Почитай газеты: что ни некролог, то выходец из деревни». Я не хочу этим примером умалить великих людей города, но из деревни их больше, и

они более крепкого замеса люди. Но это всё в прошлом. Сегодняшняя деревня унижается. Слава Богу, Сrostки ещё благоденствуют. Благополучие достигается благодаря Василию Макаровичу, но ведь десятки тысяч деревень на Руси сводятся с лица земли. Как нет ни одного лишнего человека в нашем народе, тем более нет ни одной лишней деревни на наших просторах. Деревня — это прежде всего тот человек, который должен познать истину, исходящую из деревни. Без деревни Русь потеряет лучшие свои качества: совесть, человеческую близость, мастерство и просто природное чутьё, и любовь к природе, много чего потеряет. России без деревни — не быть.

Произведения Василия Шукшина помогали людям отличать добро от зла. И именно это — стирание грани между добром и злом — становится в наше время «полем битвы» для писателей и журналистов. И среди них особо усердствуют те, которые талдычат «об объективности» и «толерантности», об «общечеловеческих ценностях, забывая о своей ответственности за судьбу Родины.

Но борьба с честным писательским словом в настоящее время набирает обороты. «Писатели — кристаллическая решётка народа, творцы образов, неподдающиеся пропаганде. А значит, в нынешнем цифровом мире «золотого тельца» они — не «формат» и должны быть удушены». Так характеризует положение писателей в XXI веке Лидия Сычёва в своей аналитической книге «Мы всё ещё русские».

«Кому в угоду перелопачивают Шукшина?» — спрашивает оператор А. Заболоцкий. Ответ прост — именно всем тем, которые были при жизни писателя в жёстком противостоянии с ним. Но есть книги Шукшина. Книги, над которыми задумывается русский человек. Ведь Василий Макарович призывал каждого: «Будь человеком». Ставший классиком, он одновременно стал и нашим современником. Потому и собирает ежегодно писатель Шукшин на горе Пикет огромное количество своих почитателей, среди которых не только земляки писателя, но и жители изо всех уголков России.

И вспомним тех, кто любил Василия Макаровича. Вот как пишет об этом празднике земляк Шукшина — Валерий Золотухин, побывавший в июле 1979 года на Шукшинских чтениях в честь 50-летия со дня рождения писателя. «К одиннадцати часам на Пикете собралась тьма народу. Как потом выяснилось по приблизительным подсчётам, около пятнадцати тысяч... Речи были горькие, страстные, не заготовленные... Все ораторы говорили о великом наследии сростинского художника. Много говорилось и о его трудном пути в

искусстве, когда чиновники от кино и литературы долго не принимали его...» И ещё: «Суровая доля у писателя была при жизни, но ведь судьба-то счастливая! Спор-то с судьбою он выиграл».

Писатель Шукшин верил в то, то у России есть будущее. И задаёшься вопросом: а не за это ли охаивают светлое имя Шукшина «креативные деятели культуры», организаторы всяческих русофобских конференций, целью которых всегда было и будет — убить наследие классической культуры и заменить её индустрией развлечений? Ведь Шукшин был продолжателем классической литературы. Современная и будущая культура навсегда включили имя писателя, режиссёра и актёра Шукшина в свой список. Как замечательно сказал о Шукшине М.А. Шолохов: «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, негероическом, близком каждому так же просто, негромким голосом, очень доверительно. Отсюда взлёт и тот широкий отклик, какой нашло творчество Шукшина в сердцах многих тысяч людей...»

Пришла пора последовать совету Л.Н. Толстого, девизу, пригодному для всех времен: «...ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое...» Нам же надо запомнить слова Василия Макаровича, слова, которые поддерживают нас в растерянном нравственном ориентире общества: «Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания, — не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2022 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

В втором полугодии 2022 года редакция планирует выпустить следующие номера: №7-8, №9, №10, №11-12.

Уважаемые подписчики «Молодой гвардии»!

У вас есть возможность подписаться на наш журнал на второе полугодие 2022 года непосредственно через редакцию. Для этого необходимо перечислить 1000 руб. на нашу карту Сбербанка (цена подписки на весь год соответственно — 2000 руб.). Номер карты: 2202 2005 6546 0175. А также сообщить свой полный почтовый адрес по телефону: 8 916 939 22 69 или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru